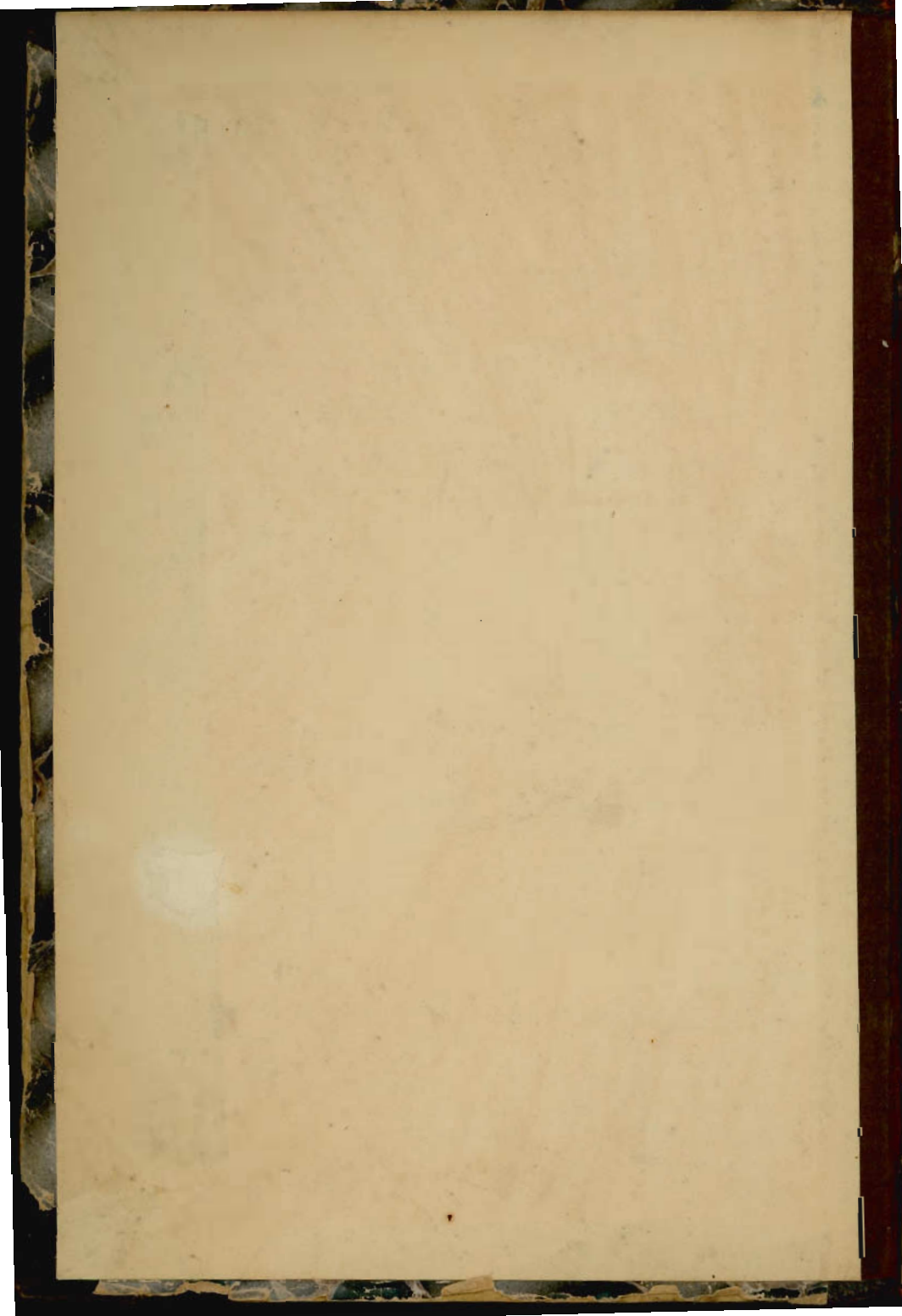

HE

K-789-2

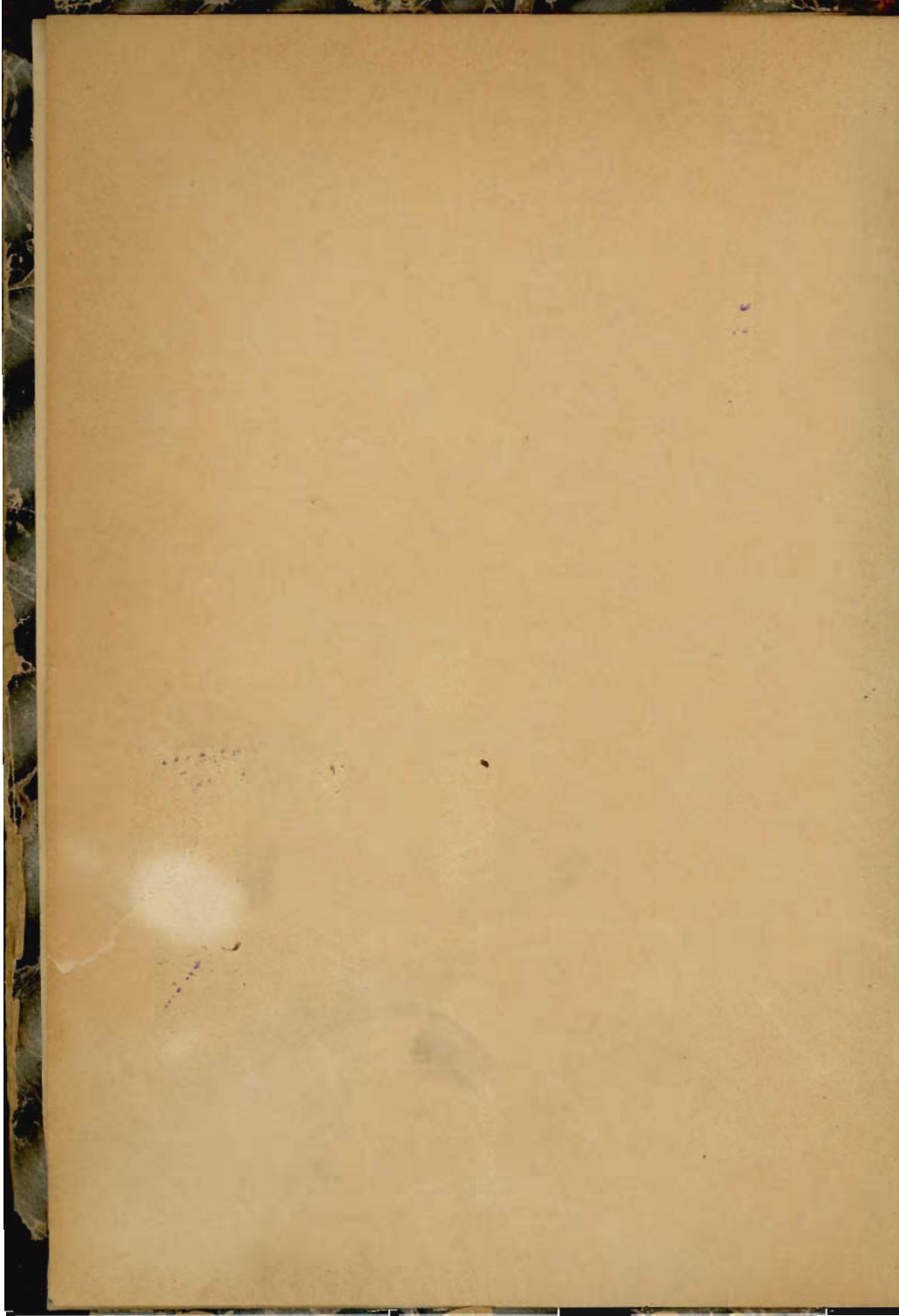
466320

~~K-789~~

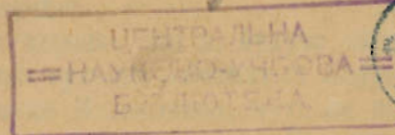
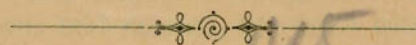
K-789-z

ЧУДАКИ.

РОМАНЪ.

І. КРАШЕВСКАГО.

466320

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Валишевъ и Ко, Фонтанка 95.

1899.

58

И Н А Д У Р

О Т А Ж О Н И Ш А Ч И

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 іюля 1899 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Фонтанка 95.

I.

Господину Эдмунду Сушѣ, въ Варшаву.

Тужа-Гора, 20 сентября 184... г.

Дорогой Эдмундъ!

Пожалѣй обо мнѣ, если образъ твоей жизни и твои пустыя занятія дадутъ тебѣ время вспомнить о твоёмъ другѣ. Наконецъ я въ Тужей-Горѣ и ужасно скучаю. Я предвидѣлъ это, и предчувствіе мое вполнѣ осуществилось. Мало того, что скучаю, но и въ перспективѣ ничего не вижу, кромѣ мрачной и унылой скуки! Сердце рвется у меня изъ груди, голова кружится, гнѣвъ и бѣшенство терзаютъ меня при мысли, что вы веселитесь въ Варшавѣ, а я здѣсь зѣваю.

Я научился зѣвать, спать, научился смотрѣть по полтора часа въ окно, считать доски и гвозди въ полу, считать брусья на потолокъ (нужно тебѣ сказать, что здѣсь потолки изъ брусевъ, а полы изъ сосновыхъ досокъ, прибитыхъ попросту гвоздями, съ торчащими снаружки головками). Но подожди! Узнаешь все, только имѣй терпѣніе.

Ты знаешь хорошо, что я, будучи въ долгахъ, преслѣдуемый завистливою судьбой, обманутый Лаурой, не находя нигдѣ покоя отъ Шмуля Мальштейна, чуть не попалъ въ тюрьму за расходы свыше моего состоянія. Въ это критическое время вспомнилъ я однажды, вечеромъ, что у меня есть очень богатый двоюродный дѣдъ, бездѣтный старикъ, огромнымъ наслѣдствомъ котораго съ нетерпѣніемъ ожидали поживиться дальніе родные. Ты знаешь, какъ вдругъ сила родства притянула меня къ нему, какъ пожелалъ я деревни, охоты, уединенія, тишины,

отдаленнаго пріюта и отдыха. Ты знаешь тоже, какъ мы разстались съ дорогими пріятелями за бутылкой шампанскаго, какъ я, упившись Монтебелло и надеждой, сѣлъ въ коляску, выигранную у Альфреда, и отправился въ неизвѣстныя страны. За собой оставилъ я безутѣшнаго Мару *), которому долженъ былъ около двухъ тысячъ золотыхъ за послѣдній завтракъ, очаровательную Лауру, хорошихъ пріятелей, которыхъ я обыгралъ, готовясь въ дорогу, и Шмуля Мальштейна, который, глядя свою сѣдую бороду, поднималъ глаза къ небу, какъ-будто думая, что я уношусь въ колесницѣ, подобно Іліи. И въ самомъ дѣлѣ, кто изъ васъ, оплакивающихъ меня теперь, не признаетъ моихъ добродѣтелей! Прогналъ-ли я когда-либо жида, натравилъ-ли на него собакъ, или, не воздержавшись, выругалъ его? Не уважалъ-ли я въ немъ тѣхъ денегъ, которыя онъ мнѣ далъ и которыя могъ еще дать? Не были-ли я вѣжливъ съ кредиторами, какъ маркизъ XVIII-го столѣтія, и щедръ, какъ русскій бояринъ, но только на бумагѣ. Послѣ измѣны Лауры сдѣлалъ-ли я ей малѣйшую невѣжливость, на которую подстрекало меня мщеніе? Да можно-ли пересчитать всѣ мои добродѣтели, которыя всѣ вмѣстѣ теперь выступаютъ предо мною и кланяются, какъ разжалованные слуги?.. А вы, пріятели мои, не признаете-ли, что я принималъ за чистую монету цѣнковые трубки, колечки съ волосами, позволялъ ставить въ банкъ портсигары, а, проигрывая, не платилъ-ли до послѣдняго пятизлотника? Не признаете-ли вы, что я пилъ, не заставляя просить себя (даже плохое вино), былъ секундантомъ, хотя это пахло тюрьмой, и стрѣлялся съ недавно возвратившимися изъ Парижа львами, которые доказали ловкость своихъ выстрѣловъ на треновыхъ десяткахъ у Лепажы и Девима? Увы! Нѣтъ ничего менѣе полезнаго, какъ общественныя добродѣтели. Къ чему онъ мнѣ теперь пригодились? Таланты, знанія, опытъ, которые я дорогою цѣной пріобрѣлъ въ Варшавѣ, лежатъ теперь трупами предо мною: достаточно сказать, — я въ Тужей-Горѣ. Но ты не имѣешь о ней ни малѣйшаго понятія, а потому начну съ самаго начала.

Коляска моя катилась по неровной мостовой, спускаясь къ пражскому мосту; я-же, закутанный въ шинель, притворился

*) Содержатель перваго отеля въ Варшавѣ.

спящимъ, открывъ только одинъ, и то не весь, глазъ, боясь, чтобы Шмуль Мальштейнъ или мимо ѣхавшая Лаура не узнали меня, и первый, схвативши меня за воротъ, а другая за сердце, не задержали. И видѣлъ я однимъ полуоткрытымъ глазомъ все житейскія сцены, съ которыми я разставался. Городъ кипѣлъ, суетился, какъ вчера; никто не чувствовалъ лишенія; никто не сожалѣлъ о моемъ отъѣздѣ: какъ было при мнѣ, такъ и безъ меня!.. Никто не надѣлъ послѣ меня траура. Пораженный такою неблагодарностью, я стряхнулъ прахъ съ ногъ своихъ и проносилъ краснорѣчивое проклятіе городу до самой заставы. У заставы, разставаясь съ остатками городской жизни, почтальонъ началъ громко трубить, а я уснулъ... Когда я проснулся, мы проѣхали уже Милосное, а вмѣстѣ съ сумерками напала на меня горькая тоска. Я думалъ о васъ и завидовалъ вамъ, зѣвая во весь ротъ. Они тамъ весело проводятъ время, и никто обо мнѣ не вспомнить! Лаура сидитъ на колѣняхъ генерала, приглаживая его хохолокъ и крашенные усы; Шмуль даетъ взаймы Станиславу, какъ и мнѣ бывало давалъ, а Магу обкармливаетъ деревенскіе желудки помѣщиковъ, пріѣхавшихъ въ Варшаву, которые не знаютъ чему болѣе удивляться: тому-ли, что такъ вкусно ѣдятъ, или такъ дорого платятъ? Перебѣгая отъ одной мысли къ другой, я, неизвѣстно какъ, дошелъ до размышленія о своемъ будущемъ. Очутившись въ этомъ незнакомомъ мнѣ доселѣ положеніи, я самъ сперва очень удивился. Оно было для меня совсѣмъ ново, — я пришелъ къ нему инстинктивно.

Сирота, потерявши все, что имѣлъ, втянувшись въ долги, не имѣя ни друзей (простите, я не зналъ самъ, что говорилъ), ни желаній, ни надежды въ потухшемъ и высохшемъ сердцѣ, имѣя только сто обрѣзанныхъ червонцевъ, колясочку и Станислава (которому уже два года не платилъ жалованья), я пустился по волнамъ бурнаго моря приключеній и судьбы. Я ѣду къ дѣду, который никогда не видѣлъ меня, къ которому я не писалъ съ тѣхъ поръ, какъ матушка приказала мнѣ написать къ нему по двумъ линейкамъ поздравительное письмо. Какъ онъ меня приметъ теперь? Что выйдетъ изъ моего путешествія? Живъ-ли онъ? Эти вопросы приходили мнѣ на умъ, но отвѣта я не находилъ. О фантастическомъ дѣдушкѣ своемъ я зналъ

только, что онъ богатъ, и что, вѣроятно, мнѣ очень трудно будетъ его укротить и понравиться ему. На разсвѣтъ я снова проснулся послѣ различныхъ сновидѣній, разбитый и утомленный, около мѣстечка Бѣлы, гдѣ старый замокъ, будто-бы раззивиловскій, сіяетъ бѣлыми ребрами своими, словно скелетъ кита, брошенный рыбаками на морскомъ берегу. Отдохнувши здѣсь, я отправился дальше, а приѣхавъ въ Брестъ-Литовскъ, изучилъ географію. Оказалось, что мнѣ нужно было ѣхать черезъ Люблинъ, Холмъ, или Влодаву. Я, истый варшавянинъ, принялъ Подлѣсье за Литву, думая найти Суну около Вильно или Гродно. Я исправилъ свою ошибку, посмѣявшись надъ ней вдоволь, и пробирался по почтовой дорогѣ на нанятомъ извозчикѣ къ назначенной цѣли своего путешествія. Перепрыгнемъ сразу къ этому мѣсту, пропуская скучную и медленную ѣзду по закоулкамъ страны, о которой ты не имѣешь ни малѣйшаго понятія, потому что не видѣлъ ея собственными глазами.

Страна эта дикая, страшная, скучная, населена только крестьянами, евреями и экономами: по крайней мѣрѣ, ничего другого я не могъ здѣсь замѣтить! Я, который давно привыкъ къ удобному жилищу, къ роскоши жизни, къ наружному блеску, который въ городѣ прикрываетъ недостатокъ, каждую минуту приходилъ въ изумленіе, — какимъ образомъ люди въ такой нищетѣ, въ униженіи, въ грязи и вони могутъ прожить хоть два часа? Первый мой ночлегъ въ ужасной ямѣ, которую здѣсь называютъ хорошей корчмой, показался мнѣ вѣчнымъ адомъ. Крестьяне, такіе привлекательные въ старыхъ идилліяхъ и новыхъ повѣстяхъ, показались мнѣ страшными, закоптѣвшими, во всемъ уродствѣ нищеты и въ такомъ свѣтѣ, въ которомъ можно себѣ представить ихъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Какъ на зло, даже природа не улаждала горькихъ впечатлѣній. Наша природа въ октябрѣ мѣсяцѣ, какъ тебѣ извѣстно, нисколько не привлекательна и не парадна, но я сомнѣваюсь, чтобы здѣсь и май былъ лучше. Огромное пространство занимали луговые болота, покрытыя согнувшимися скирдами сѣна; кривые и блѣдные лѣса, желтые пески, рѣдко покрытые сосновыми кустарниками, и надо всеѣмъ этимъ простиралось сѣро-грязное и мрачное небо, съ котораго падала какая-то непріятная влага.

Наконецъ, не знаю, въ который день моего путешествія, когда у меня вышли всѣ сигары, табакъ, французская водка, шоколадъ, пирожное и конфеты, купленные на дорогу у Лесля, я узналъ, что намъ осталось три мили ужасной дороги къ Тужей-Горѣ и къ дорожному дѣду.

Сознаюсь, сердце мое встрепелось болѣе отъ радости при мысли объ отдыхѣ, нежели о моемъ почтенномъ дѣдушкѣ, съ которымъ я долженъ былъ познакомиться: мнѣ нуженъ былъ болѣе отдыхъ, нежели дѣдъ. Одѣвшись по модѣ, я сѣлъ въ коляску и присматривался, скоро-ли покажется давно ожидаемая пристань? Увы! Не менѣе шести часовъ я долженъ былъ ѣхать эти три мили по болотамъ и кочкамъ, и только въ полдень извозчикъ объявилъ мнѣ, что корчма, въ которой мы кормимъ лошадей, принадлежитъ моему дѣду. По первому предмету я хотѣлъ вывести заключеніе и о владѣтелѣ его и потому съ любопытствомъ сталъ присматриваться къ корчмѣ.

«А!», подумалъ я, «если и дѣдушка таковъ, какъ его корчма, то нечего ѣхать къ нему». Представь себѣ хату tout se qu'il y a de plus misérable, четыре низкіе столба, забранные неотесанными колодами, окошечко, вросшее въ землю, зеленая крыша, поросшая мхомъ, полуразвалившаяся труба, кривыя дверцы, словомъ,—самый бѣдный шалашъ на свѣтѣ. Я порѣшилъ, что старикъ слабъ и нерадивъ, а слуги безъ толку управляютъ его имѣніемъ. Лошади, отдохнувши, отправились дальше. Наконецъ кончился однообразный лѣсъ; мы выѣхали на широкое поле, и вдали видна была гора, обросшая деревьями. Изъ-за сѣроватыхъ вѣтвей уже высились бѣлая башня костела и темныя куполы церкви. Приближаясь къ Тужей-Горѣ, я взобрался на плотину, возлѣ которой стояли старыя мельницы, покривившіяся и сѣдя отъ мучной пыли; переѣхавши черезъ нѣсколько чисто польскихъ мостиковъ, я въѣхалъ, наконецъ, въ мѣстечко.

Но ты не знаешь, что здѣсь называютъ этимъ именемъ. Жидъ составляетъ мѣстечко. Обыкновенное правило: одинъ жидъ—деревня, а нѣсколько—мѣстечко; чѣмъ больше ихъ число, тѣмъ лучше торговля. Добавочныя примѣты: церковь, костель и лавочки, которыя занимаютъ середину базара въ Тужей-Горѣ; можетъ быть, онѣ были когда-то довольно порядочными, но теперь видны только стропила на крышѣ, а песокъ засыпалъ ихъ

по самыя окна. Передъ ними подъ крышей—городскіе вѣсы. Домъ съ крылечкомъ, на верхушкѣ котораго висѣлъ прежде колоколъ, назывался ратушей. Высокій заборъ, окружающій садъ, тянулся надъ широкимъ рвомъ, кругомъ—деревья. Изъ-за вѣтвей я увидѣлъ наконецъ усадьбу. Высокія кирпичныя ворота вели къ ней; съ одной стороны стояло большое мрачное зданіе съ высокой крышей и множествомъ трубъ: далѣе стоялъ такой-же флигель, каменный амбаръ съ гербовымъ флагомъ и т. д. Валъ, когда-то окружавшій старый замокъ, высохшая канава, поросшая кустарниками, и тутъ-же, сейчасъ за дворомъ, текла Суша. Домъ моего дѣда имѣлъ видъ почтенной древности; ничего подобнаго я никогда не видалъ. Деревянныя стѣны его прорѣзывались довольно большими окнами. Крыльцо, поддерживаемое четырьмя столбами, со скамейками кругомъ, было вымощено кирпичомъ, вѣтвишимся въ землю.

Когда моя коляска медленно подкатила къ крыльцу, я увидѣлъ нѣсколько любопытныхъ фигуръ, которыя сбѣжались со всѣхъ концовъ дома, чтобы посмотрѣть на пріѣзжаго. Я остановился. Сѣдоватый мужчина въ короткой шубейкѣ и въ шароварахъ, подшитыхъ кожею, съ плетью въ рукѣ, вперилъ въ меня сѣренькіе глаза, обрамленные мрачными бровями; казалось онъ ожидалъ вопроса: я, между тѣмъ, измѣрялъ его глазами, желая отгадать, кто онъ? Лицо, покрытое морщинами, длинные усы, красныя губы, серъга въ одномъ ухѣ, бакенбарды необыкновенныхъ размѣровъ, поднятыя вверхъ, дополняли физіономію этого челоуѣка; изъ-подъ шубейки высматривала бронзовая цѣпочка, принадлежавшая къ большимъ серебрянымъ часамъ.

— Дома-ли панъ конюшій?—спросилъ я довольно вѣжливо. Служитель (потому что, безъ сомнѣнія, это былъ слуга) осмотрѣлъ меня и коляску и, вынувъ изо рта трубку, сплюнулъ и отвѣтилъ немного хлиплымъ голосомъ:

— Дома.

— Могу-ли я съ нимъ видѣться?

— А почему нѣтъ?

Я сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Прошу указать,—сказалъ я,—куда мнѣ идти?

— Прямо въ залу, а потомъ направо.

— Безъ доклада?—спросилъ я.

— Ну, такъ что?—сказалъ удивленный служитель.

Тутъ только я вспомнилъ, что я въ деревнѣ и что здѣсь должны быть другіе обычаи.

Въ сѣняхъ на лосьихъ рогахъ висѣли трубы, сумки, охотничій бичъ, своры, ошейники, два зайца и вязка рябчиковъ. «Безъ сомнѣнія,—сказалъ я про себя,—семидесятилѣтній старикъ не можетъ быть охотникомъ! Это все слуги у него такъ хозяйничаютъ; я найду его, вѣрно, въ большомъ креслѣ возлѣ камина».

Я отворилъ двери такъ называемой залы и вошелъ въ довольно темную комнату, окна которой были обращены къ заросшему берегу Суши. Стѣны были оклеены старою полинявшею бумагой съ какими-то странными узорами. Отъ потолка спускалась фарфоровая люстра, закапанная воскомъ. Диванъ и стулья были когда-то бѣлые, вызолоченные, обитые полинявшимъ трипомъ лимоннаго цвѣта. Два стола, двѣ изразцовыя печи по угламъ (которыя топились), вотъ вся зала, и ни одной живой души. По указанію, я пошелъ направо, откуда слышенъ былъ громкій голосъ, и нечаянно услышалъ отрывокъ разговора:

— А былъ-ли онъ тамъ на мѣстѣ?

— Да, былъ, ваше высокородіе.

— И наеѣрно знаетъ, что лоси въ тенетахъ?

— Говорить, что видѣлъ ихъ.

— А облава заказана?

— Вчера еще.

— А почему она, сто тысячъ чертей, до сихъ поръ не вышла! Должна быть на мѣстѣ! Послать сейчасъ гонщика, полевого, лѣсничихъ съ бичами, пускай выгоняють запоздалыхъ.

При этихъ словахъ я вошелъ.

Два человѣка стояли съ барсучьими сумками въ противоположныхъ дверяхъ, а какая-то фигурка, порядочно сѣдая, маленькая, толстенькая, широкоплечая прохаживалась по комнатѣ, въ такомъ-же зеленомъ кафтанѣ, съ охотничьимъ бичомъ черезъ плечо, въ юфтевыхъ сапогахъ и въ шапкѣ на бекрень. Этотъ господинъ замолчалъ и осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ глазами, въ которыхъ выражалось сомнѣніе и удивленіе.

— Могутъ-ли я видѣться съ паномъ конюшимъ? Сдѣлайте одолженіе, скажите, гдѣ я его могу найти?

— Пана конюшаго Сумина?
— Такъ точно.
— А на коего чорта онъ вамъ нуженъ?
— Я къ нему прїѣхалъ.
— Къ нему? Вѣрно, по дѣлу?
— Безъ всякаго дѣла, просто изъ желанія познакомиться съ нимъ.

Старикашка недовѣрчиво посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Развѣ онъ такъ занимателенъ, что вы хотите знать его?

— Безъ всякихъ объясненій! Могу-ли я его видѣть?

— А вотъ вы видите его: я—конюшій Суминъ.

Я понятился назадъ отъ удивленія, не понимая, какимъ образомъ этотъ человѣкъ могъ быть моимъ дѣдомъ, котораго я всегда представлялъ себѣ безсильнымъ, дрожащимъ старикомъ. Рѣчь, которую я хотѣлъ сказать при свиданіи, улетучилась; я пробормоталъ только: «Юрій Суминъ», почтительно приближаясь къ нему.

— А! Юраша! Панъ Юрій! Чортъ побери, кто-бы могъ ожидать! Ха, ха, ха!

И старикъ бросился обнимать меня.

— Юрка! Подожди, ради Бога! У него семейныя черты, плутишка, одного поля ягода! Гей! Мальцовскій, Иванъ, Павелъ, Матѣей! Отложите охоту. Дайте мнѣ насмотрѣться на него: ловкій, въ самомъ дѣлѣ, хлопецъ, только немного жиденъкій! Какъ я радъ тебя видѣть! Но какой чортъ загналъ тебя въ полѣсскіе лѣса?

— Я нарочно прїѣхалъ изъ Варшавы, чтобы познакомиться съ дорогимъ дѣдушкою.

— Дѣдушка! Не называй меня этимъ именемъ, лучше конюшимъ, или какъ себѣ хочешь. Смотрите, нарочно изъ Варшавы! Ну, сознайся, ты охотникъ, и соскучился безъ охоты?

— О, нѣтъ!

— Какъ, ты не охотникъ? Ну, такъ кто-же ты?

— Къ несчастью, нѣтъ, но могу имъ быть.

— Ба, но это не такъ легко! Ну, садись-же и будь, какъ у себя.

Между тѣмъ, дворня въ большемъ числѣ собралась у дверей. Дѣдъ приказалъ снести мои вещи наверхъ, а самъ, вынувъ

изъ кармана ключи на сайговой лайкѣ, отворилъ шкафикъ, досталъ бутылку съ данцигской водкой и кусокъ пряника.

— Уставшимъ съ дороги нужно подкрѣпительное, — сказалъ онъ, моргнувъ мнѣ, — не правда-ли? За ваше здоровье, Юрій!

Любезный Эдмундъ, я отчаяваюсь, — съумѣю-ли я описать тебѣ все подробно, въ особенности свое удивленіе. Я надѣялся скучать, но не въ этомъ родѣ: я предполагалъ встрѣтить безсильнаго старика, окруженнаго все́ми удобствами жизни, а наткнулся на полѣскаго Немврода, крѣпкаго и сильнаго, какъ лось, живого, подвижнаго, носящаго при себѣ ключи, пьющаго водку не менѣе четырехъ разъ въ день, ѣздящаго на охоту семь разъ въ недѣлю, въ повозкѣ, которая съ перваго раза надѣлила меня такими колесами; что я чуть-было не умеръ на мѣстѣ.

Если хочешь знать пана конюшаго, такъ имѣй терпѣніе прочесть письмо до конца. Въ первый день моего пріѣзда (*aussaitut arrivé, aussitut pendu*) я долженъ былъ поѣхать съ нимъ и со все́ми его дворовыми на охоту. Мнѣ дали странную чудовую винтовку, отъ которой у меня плечо обмерло; я озябъ, получилъ насморкъ и, подкрѣпивъ себя простой водкой, которую закусилъ холодной колбасой, возвратился вечеромъ домой съ охотниками.

Боже мой, какой это варварскій край, какіе обычаи! Къ ужину дали мнѣ, привыкшему къ отмѣнной кухнѣ Магу, какой-то старосвѣтскій соусъ... Я сталъ въ тупикъ отъ удивленія. Представъ себѣ какую-то кашницу изъ копченаго гуся, съ саломъ, и жаркое (для меня сдѣланное), сухое, какъ *m-lle M...* А вино! а! а! Жаль, что не могу попотчевать тебя этимъ сладко-кислымъ виномъ; и это называютъ венгерскимъ? Я не удивлялся-бы, если-бы его продавали въ аптекахъ въ стеклянкахъ съ сигнатурками, вмѣсто лѣкарства. Панъ конюшій все подливалъ и подливалъ, а я изъ вѣжливости пилъ, и пошелъ спать съ головою болью.

Меня помѣстили наверху, въ двухъ большихъ комнатахъ, холодныхъ, какъ Сибирь, безъ двойныхъ оконъ, безъ занавѣсей, безъ ставней и съ танцующимъ поломъ. Кровать для четырехъ особъ, съ одѣяломъ, котораго моль не доѣла, столикъ безъ ножи, шесть стульевъ, хромыхъ и просиженныхъ насквозь. Къ счастью, въ каминѣ пылалъ огонь — дѣлая ольховая колода. Ста-

ниславъ мой бѣсился, не зная, какъ размѣстить вещи, какъ устроиться; я переносилъ все съ ангельскимъ терпѣніемъ. Старый конюшій самъ провелъ меня, пощупалъ твердый тюфякъ, нашелъ его чрезвычайно мягкимъ для молодого человѣка, погрѣлся у огня и, уходя, сказалъ мнѣ, что въ этихъ парадныхъ комнатахъ жилъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ воевода Радзивиллъ, который охотился десять дней въ Тужей-Горѣ. Станиславъ пожималъ плечами въ знакъ удивленія и дѣлалъ постоянныя сцены. Я не могъ съ нимъ сладить: то бѣгалъ за восковыми свѣчами, которыхъ здѣсь почти не знаютъ, то за разными мелочами, которыхъ даже названія имъ были неизвѣстны. Съ трудомъ я могъ его уговорить успокоиться. Когда пришлось ложиться спать, я слышу, онъ опять бранится на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Что съ тобой? — спросилъ я. Ему дали мѣшокъ, набитый соломой, вмѣсто тюфяка: онъ проклиналъ, бѣдный, деревню и дорогу.

— Баринъ! — кричалъ онъ, — вернемся въ Варшаву, не-то черезъ три дня люди будутъ собирать однѣ кости наши. Я не пилъ чаю. Долженъ спать на соломѣ.

— Привыкнемъ, — сказалъ я, вздыхая.

Вотъ какъ прошелъ первый день; увы! и остальные ничѣмъ не лучше. Дѣдъ мой, повидимому, честный и добрый человѣкъ, но мы никогда не поймемъ другъ друга. Охота, хозяйство, рассказы о старинѣ, споръ со слугами за вязку соломы, — вотъ вся его жизнь. Нѣсколько десятковъ лѣтъ минуло, какъ онъ былъ въ свѣтѣ, — можешь себѣ представить, какое онъ теперь имѣетъ о немъ понятіе. На меня онъ смотритъ, какъ на диковину, и считаетъ меня аристократомъ. Не знаю, притворяется-ли онъ, но постоянно спрашиваетъ меня насчетъ имѣнія моего въ Польшѣ. Но это имѣніе, ты знаешь, какъ оно далеко отъ меня. До сихъ поръ я отдѣлываюсь обиняками: не смѣю признаться дѣду. А что касается богатства моего дѣда, я самъ не знаю, что думать. Имѣніе громадное, но жалобъ на недостатокъ еще больше, кажется копѣйку трудно добыть; бережливость величайшая: золоты у нихъ великая вещь, а червонецъ, который я далъ Мальцовскому, разсматривали съ удивленіемъ. Я ничего здѣсь не понимаю: ни счета, ни жизни, ни занятій, ни состоянія. Я

спросилъ, какъ они время проводятъ, какое у нихъ сосѣдство.

— Да мы время проводимъ прекрасно, — отвѣтилъ конюшій, — охотимся цѣлый годъ: дичи вдоволь; сосѣдство у насъ отличное: во-первыхъ, ксендзъ, приходскій униатскій священникъ съ женой, прекрасною женщиной (у нихъ восемь штукъ дѣтей); да-лѣе — младшій судья, панъ Ловиновичъ, капитанъ и проч.

— А женщины?

Объ обществѣ женщинъ, кажется, они не имѣютъ никакого понятія; по крайней мѣрѣ на мой вопросъ дорогой дѣдушка раскрылъ ротъ, въ знакъ удивленія, и, какъ-будто смѣшавшись немного, прибавилъ:

— Для какого чорта намъ съ бабами возиться? И безъ нихъ намъ хорошо. Не будь ихъ на свѣтѣ — намъ-бы лучше было, — сказалъ онъ полусмѣясь. — Но вашей милости улыбается общество женщинъ! Ну, ну, и это, можетъ быть, у насъ найдется. У насъ есть дамы очень приличныя и недурныя собой.

Вотъ все, что я могъ отъ него узнать; но не безпокойся, мой другъ, ты не почувствуешь недостатка въ моихъ письмахъ, изъ которыхъ ты узнаешь новыя похождения Робинзона. Обнимаю тебя отъ всего сердца. Поклонись отъ меня Лаурѣ, Мару, и даже Шмюлю, только не говори этому мерзавцу, гдѣ меня искать, а то онъ, чего добраго, пошлетъ за мной. Прощай до слѣдующаго письма.

II.

Господину Эдмунду Сушѣ, въ Варшавѣ.

Тужа-Гора, 25 сентября.

Я ознакомился немного съ жизнью и людьми, меня окружающими, и привыкаю. Жилище, пища, занятія, даже смертельная скука для меня болѣе не въ диковину. Только мой бѣдный Станиславъ въ горькомъ отчаяніи и по крайней мѣрѣ пять разъ въ день выкидываетъ ужасныя штуки: рветъ на себѣ волосы, проклинаетъ то, что онъ безцеромоніи называетъ моимъ сумасбродствомъ. Третьяго дня, зѣвая, я ложился въ свою широкую кровать, какъ вдругъ онъ присталъ ко мнѣ.

— Баринъ,—сказалъ онъ съ видомъ актера Большого театра,—какія у васъ мысли и намѣренія?

— Я думаю спать,—отвѣтилъ я ему, закуривая сигару.

— Вы меня не понимаете, баринъ.

— Дѣйствительно, не понимаю.

— Что изъ всего этого выйдетъ!

— Я не знаю.

— А кто будетъ знать? Долго-ли мы еще здѣсь будемъ?

— Пока не прогонять.

— Ясновельможный панъ,—прибавилъ онъ, кланаясь,— отошлите меня, я не могу здѣсь жить.

Я улыбнулся.

— Ей Богу, во-первыхъ, здѣсь чистѣйшій адъ; во-вторыхъ, народъ здѣсь хитрый, злой, какъ сто чертей, а на видъ такой смиренный; въ третьихъ, здѣсь жить и говорить не умѣютъ; отъ бѣды и скуки придется умереть.

— Ты нѣжишь меня?

— Я не знаю, но удивляюсь, какъ вы все это переносите.

— Должень.

— Баринъ, вернемся въ Варшаву, умоляю васъ; мы здѣсь пропадемъ! Народъ здѣсь дикій, жизнь необыкновенная, ни одного человѣческаго лица, одежда, повозки, пища, обычаи незапамятныхъ временъ, выдержать нельзя. Не замѣчаете-ли вы, баринъ, какъ я худѣю?

— Бѣдный Состаниславъ! Ты горячишься, голова у тебя идетъ кругомъ; имѣй терпѣніе.

— Разсудите сами, баринъ, можемъ-ли мы здѣсь жить? Намъ-ли здѣсь ржавѣть и пропадать, намъ-ли, проживавшимъ тысячи въ Берлинѣ, въ Познаніи, въ Варшавѣ среди отборнаго общества, среди шумныхъ увеселеній и самой роскошной жизни?

— Зачѣмъ-же намъ пропадать?—отвѣтилъ я.

— Я васъ не понимаю, баринъ, и завидую, что вы такъ скоро привыкаете ко всему; но я, простой слуга, умираю, баринъ, умираю: вдобавокъ—нечего даже читать; умираю, баринъ!

— Бѣдный! Однако яду тебѣ не дали, я надѣюсь?

— Всякій день мнѣ его даютъ: я болѣю отъ ихъ водки, пиши, постели, отъ общества, отъ воздуха... Вы не чувствуете, какъ воздухъ пропитанъ смолянымъ дымомъ? Вчера я былъ въ

мѣстечкѣ, чтобы посмотрѣть, не найду-ли я человѣческой образины: ахъ, ужась!

— Что-же ты видѣлъ?

— Чудовища, баринъ! Знаете-ли, какія здѣсь женщины? Ба! варшавскія торговки болѣе похожи на женщинъ; одно только, что не на четырехъ ногахъ ходятъ.

— А! Я знаю, тебѣ недостаетъ здѣсь хорошенькаго личика, несносный волокита!

— Ясновельможный панъ, — выпрямась, сказалъ Станиславъ, — не женщинъ, но *порядочнаго общества*.

Я расхохотался во все горло. Станиславъ прибавилъ:

— Чтобы ихъ черти взяли! — и ушелъ.

Я уснуль, сдѣлавшись немного веселѣе отъ его бесѣды, которой я представляю тебѣ только отрывокъ.

Въ настоящемъ письмѣ моемъ я хочу прислать тебѣ дополненіе своихъ наблюденій надъ дѣдомъ и страной, но ни того, ни другого не понимаю, въ особенности богатствъ конюшаго: всѣ говорятъ, что онъ богатъ, долговъ не имѣетъ, а, прислушиваясь и присматриваясь ко всему, я вижу непонятную для меня бережливость, даже скупость, слышу однѣ лишь жалобы на тяжелыя времена. Вѣроятно, есть ключъ къ этой загадкѣ, котораго я еще не нашелъ. Нигдѣ нѣтъ признака богатства!

Отправляясь на охоту съ дѣдомъ, я видѣлъ множество ветхихъ зданій, стоящихъ на полѣ. Я спросилъ его, что это такое? Онъ отвѣчалъ мнѣ съ улыбкой, почесавши затылокъ: Хе! не видишь что-ли, что скирды».

— Что это — скирды? — спросилъ я.

Конюшій помиралъ со смѣху и отвѣтилъ, ложась на повозку:

— Хорошій вышелъ бы изъ тебя хозяинъ! Это складъ хлѣба на полѣ.

— Къ чему его такъ много?

— Запасъ, паничу, запасъ!

Я насчиталъ этого запаса нѣсколько десятковъ и осмѣлился спросить дѣда: зачѣмъ онъ не продаетъ хотя часть этого огромнаго запаса, если нуждается въ деньгахъ и жалуется на тяжелыя времена?

— Развѣ я банкротъ, чтобы распродавать запасъ! — вскричалъ онъ съ сердцемъ.

Поймите-же ихъ! Копѣйки у нихъ нѣтъ, охаютъ, жалуются, чуть соберутся—другого разговора у нихъ нѣтъ, какъ о тяжелыхъ временахъ; покупателей много, а хлѣбъ гниѣтъ на полѣ, и ѣдятъ его мыши. Въ этомъ есть какая-то тайна. Панъ конюшій говорилъ мнѣ, что въ прошедшемъ году ему предложили провести почтовую дорогу черезъ Тужую-Гору, что разумѣется, оживило-бы и обогатило окрестность.

— На кой-чортъ мнѣ это? — отвѣчалъ онъ. Почтовая дорога только нагонитъ мнѣ шумъ, крикъ и незваныхъ гостей.

Вчерашній день служитъ образцомъ завтрашнему: люди, вещи, языкъ, обычаи, понятія, все осталось вчерашнее. Третьяго-дня означаетъ здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Начиная съ лошадей, которыхъ наряжаютъ въ хомуты XVII столѣтія, до сапоговъ съ кистями, которые надѣваетъ мой дѣдъ, все все здѣсь не нынѣшнее. Они презираютъ день, который переживаютъ, и всякую новость считаютъ грѣхомъ; они приостановили бы время за полы, если-бы у времени были полы, и охотно возвратились бы ко временамъ Саксовъ^{*)}. Богачи, они не пользуются своимъ богатствомъ. Въ домѣ дѣда господствуетъ величайшая скупость. Дѣдъ имѣетъ при себѣ главные ключи, менѣе важные довѣряетъ Мальцовскому, а всѣ остальные вѣшаютъ на колышекъ въ спальнѣ дѣда. Въ обстановкѣ жилища у нихъ все по старому: затыкаютъ только дыры, которыя время пробило тощими локтями. Новость,—этотъ двигатель нашей жизни,—они считаютъ самымъ отвратительнѣйшимъ явленіемъ. Можешь себѣ вообразить, каково мнѣ здѣсь?!

Я не умѣю говорить, ходить по-ихнему. То они смѣются надо мною, то я имъ удивляюсь, потому что смѣяться не могу и не хочу. Дѣдушка любезенъ, но помаленьку меня исповѣдуетъ и съ особенной заботливостью допрашиваетъ о моемъ имѣніи, а я не знаю, что ему сказать. Если онъ еще разъ прижметъ меня, то мнѣ придется сказать ему всю правду.

Онъ очень гостепріименъ, хотѣлъ-бы занять меня и поразвлечьъ, но, придумывая различныя увеселенія, кончаетъ всегда охотой, которую онъ разнообразить по своему. Хотя я ко всему

*) Династія польскихъ королей.

приготовленъ, сомнѣваюсь, однако, переживу-ли я это. Но пустить пулю въ лобъ время еще терпѣть; я могу подождать ради любопытства, которое раздражаетъ мои нервы, разгадать загадку. Будь счастливъ, мой другъ, прощай до слѣдующей почты.

Твой Юрій.

PS. Я читаю со слезами на глазахъ старый, прошлогодній „Варшавскій Курьеръ“, которымъ были обернуты мои лакированные сапоги. Онъ имѣетъ въ моихъ глазахъ особенную прелесть; изображаетъ прошедшее просто, неизысканно. О, неоцѣненный „Курьеръ“! Какой слогъ! Какое разнообразіе предметовъ! Сколько остроумія въ шарадахъ! Сколько характеристичности въ описаніяхъ! Въ немъ сіяетъ Варшава, трепещетъ жизнь!

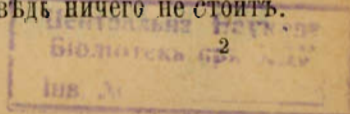
У меня нѣтъ ни сигаръ, ни табаку; послали нарочнаго за шесть или десять миль; а покажѣть я курю что-то такое, отъ чего тебѣ сдѣлалось-бы тошно отъ одного запаха; здѣсь это называютъ Залибоцкимъ (или Забятскимъ), — ядъ, да и только!

Дурная привычка къ чему не приведетъ! Станиславъ сталъ молчаливъ, мраченъ и вдобавокъ не чиститъ сапогъ, доказывая, что на Подлѣсьѣ это совсѣмъ лишнее.

III.

Тужа-Гора, 20 октября.

Дорогой Эдмундъ! Наконецъ, я начинаю знакомиться съ здѣшними сосѣдями: вчера былъ капитанъ. Поздравь меня съ этимъ знакомствомъ. Я воображалъ увидѣть воина, героя наполеоновскихъ временъ и страшно ошибся. Представь себѣ фигуру, одѣтую не лучше пражскаго ремесленника, въ сѣренькое, истертое платье, съ лицомъ блѣднымъ, увидшимъ, фигуру, которая, лѣтя конюшему до дерзости, низкопоклонничаетъ передъ нимъ и болтаетъ, какъ мельница. Представь себѣ этого гостя, которому я подалъ-бы милостыню, встрѣтивъ на улицѣ, а дѣды мой посадилъ на первое мѣсто, угощалъ, принималъ самымъ любезнымъ образомъ. Одинокъ другого называлъ Dobrodzieju, одинъ другому говорилъ saluje pòzki; это вѣдь ничего не стоитъ.

466320

Несмотря на это, они, повидимому, смѣялись другъ надъ другомъ съ величайшей вѣжливостью.

Я долженъ категорически описать тебѣ этотъ первый цвѣтокъ, который я нашелъ въ степи, опредѣляя его, какъ ботаникъ опредѣляетъ найденное растеніе. Росту: два аршина, верхковъ... (въ слѣдующемъ письмѣ пришлю точную мѣрку), худой, сухой, руки длинныя, съ огромными пальцами, ноги толстыя, спина согнутая, голова плѣшивая, сѣдоватая, глаза сѣрые, улыбающіеся, искоса лукаво посматривающіе, усы, опредѣляющіе капитанскій чинъ, но въ пренебреженіи, какъ трава подъ заборомъ. Это не тѣ усы, которые служатъ украшеніемъ лицу, и платятъ ему за это любовью; ихъ обязанность засматривать любопытно въ тарелку и присваивать себѣ остатки обѣда. Лицо изнуренное, щеки впалыя... Онъ однихъ, кажется, лѣтъ съ моимъ дѣдомъ. Платье сѣренькое, камзолъ чуть-ли не изъ стараго одѣяла выкроенъ, табакерка въ карманѣ, кисеть на пуговкѣ, сшитый изъ тряпичныхъ треугольниковъ различныхъ цвѣтовъ. Вотъ тебѣ капитанъ. Но ни одинъ живописецъ не въ состояніи уловить выраженія лица его, ни Бродовскій, ни Норвидъ. Какая въ немъ хитрая покорность, какая забавная униженность—олицетворенная лисица!

Дѣдушка изумилъ меня, низкопоклонничая и унижаясь въ перегонку съ нимъ. Дорогой сосѣдъ пробылъ до сумерекъ; уѣхалъ въ простой повозкѣ, запряженной плохую тройкой. Кучеромъ и камердинеромъ былъ у него простой мужикъ въ сермягѣ, съ трубкой во рту. Когда онъ уѣхалъ, я спросилъ у конюшаго:

— Кто этотъ бѣдный, невзрачный господинъ? Должно быть, ничтожный шляхтичъ.

Дѣдъ мой фыркнулъ со смѣху.

— Опять *скирда* (онъ мои ошибки привыкъ называть *скирдами*). Онъ бѣдный, бѣдный! Такъ-то вы, варшавяне, умѣете узнавать людей! Капитанъ со всею своей покорностью—самый твердый орѣхъ для сосѣдей и сидитъ на мѣшкахъ золота. Это Крезъ, богачъ.

— Богачъ!!!—Я сталъ втупикъ.—У него, вѣрно, есть семья, для которой онъ собираетъ деньги?

— Жена померла, сынъ въ военной службѣ и ничего изъ дому не получаетъ! Одинъ живетъ, старый скряга!

Послѣ этихъ восклицаній, дѣтъ замолчалъ, вздохнулъ, глаза, его мрачно сверкали, и я его не видѣлъ въ такомъ состояніи. Я не понималъ въ чемъ дѣло, но вдругъ дѣдъ мой повеселѣлъ и прибавилъ:

— О! Не съѣсть меня съ кашей!

— Кто?—спросилъ я простодушно.

— А достойнѣйшій капитанъ! Но ты ничего не знаешь?

— Рѣшительно ничего; я нисколько не подозрѣвалъ, чтобы вы хотѣли ѣсть другъ друга, судя по приему и обхожденію, я думалъ даже, что вы глубоко уважаете другъ друга.

Старикъ опять фыркнулъ и поправилъ хохолокъ.

— Терпѣніе!—вскричалъ онъ—*labor omnia vincit*. Не съѣсть насъ капитанъ.

— Но по какой причинѣ ему точить на васъ зубы?

— Ты ничего не знаешь, братецъ,—повторилъ дѣдъ. Здѣсь у насъ подъ носомъ страшныя вещи творятся.

— Я всякій день удостаиваюсь, что ничего не знаю и не понимаю, что дѣлается на Подлѣсьѣ: иной народъ, иная жизнь, иныя связи.

Старикъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, поцѣловалъ въ лобъ, какъ-будто въ благодарность за мое грубое невѣжество, и, смѣясь, сказалъ:

— О, *sancta simplicitas*! Съѣсть чорта, но не меня! Нужно объяснить тебѣ, въ чемъ дѣло,—продолжалъ онъ и смотрѣлъ мнѣ въ глаза, какъ-будто хотѣлъ ихъ выколоть.—Ты долженъ знать, что капитанъ самая отвратительнѣйшая дрянь на землѣ. Я могу тебѣ сказать на ухо, это—шельма, какой свѣтъ не создавалъ.

— Вотъ какъ?

— Да, да!—говорилъ дѣдъ, все болѣе и болѣе горячась.— Я не знаю подобнаго ему челоуѣка—такая дрянь! Со своею деревней подлѣзъ мнѣ подъ самый бокъ и хочетъ склонить меня къ тяжбѣ, стараюсь втянуть въ дѣло, чтобы лѣсъ и дугъ, которые принадлежать къ Тужей-Горѣ, отошли бы къ нему. Но я не дуракъ! Предупреждая его, я хотѣлъ купить этотъ пустякъ, но негодный Джазгевичъ надулъ меня; вѣрно, взялъ съ него взятку, хотя тотъ не охотникъ давать. Я отвлачу Джазгевичу—время терпѣть. Ну, послѣ этого, капитанъ сталъ при-

дираться ко мнѣ за рубежъ. Но я, дорожа спокойствіемъ, держусь defensive. Когда соберется буря, тогда потѣшимся!

При этихъ словахъ глаза конюшаго засверкали скрытою радостью. Мнѣ кажется, что споръ конюшаго съ съ капитаномъ — старья дѣла. Но кто знаетъ? Можетъ быть, онъ съ особеннымъ наслажденіемъ ожидаетъ тяжбы. Среди этого бездѣйствія, однообразія, недостатка въ занятіяхъ, если-бы меня засадили въ этой глуши, можетъ быть, я тоже, разнообразя охоту, покусился-бы на спокойствіе сосѣдей. Это не малое развлеченіе: конюшій съ особенной подробностью продолжалъ свой рассказъ, желая убѣдить меня, что онъ говорить чистую пистину.

— Вотъ видишь, онъ унижается, расточаетъ мнѣ похвалы, я ему тоже. Присылаетъ мнѣ дичь и я ему, мы отправляемся другъ къ другу съ поздравленіемъ на именины, цѣлуемся, обнимаемся, такъ что кости трещать, а между прочимъ я чувствую, что тяжба виситъ надъ головой.

Видна была какая-то тайна въ этихъ словахъ: конюшій, замѣтя это, началъ заглаживать свою неловкость. Одна тайна ихъ жизни разгадана — тяжба! Хэ, вѣдь это азартная игра. Въ простотѣ, ни зная ланскнехта, они тягаются. Вторая, третья инстанція — это *parole*; севать — *quitte ou double*. Разница та, что мы играемъ на тысячи, а они на сотни тысячъ... Я, наконецъ, понимаю ихъ. Вездѣ челоѡѡкъ — челоѡѡкъ. Все таки скука съ ними смертельная! Не имѣя возможности возвратиться въ Варшаву, въ отчаяніи, я придумываю, что мнѣ дѣлать! Черезъ нѣсколько недѣль, или мѣсяцевъ ты не узнаешь меня, дорогой Эдмундъ, платье мое выйдетъ изъ моды, я самъ огрубѣю, состарѣюсь, поглупѣю. Въ первомъ письмѣ своемъ не забудь посовѣтовать мнѣ, что мнѣ дѣлать? Проклятый Станиславъ убѣдилъ меня, что героическое лѣченіе въ Подлѣсьи хуже всякой болѣзни, хуже кредиторовъ, хуже долгового отдѣленія! Спасай-же твоего Юрія!..

IV.

Тужа-Гора, 20 ноября.

По счету Станислава сегодня два мѣсяца, какъ я гошчу у конюшаго, и ровно мѣсяць, какъ я не писалъ къ тебѣ, доро-

гой Эдмундъ. Это лишеніе для тебя нечувствительно, потому что въ городѣ одинъ человѣкъ смѣняетъ другого, для сегодняшняго друга забывается о вчерашнемъ! Но тебя должно удивить, что я ничего не пишу, я, который ради скуки хотѣлъ посылать къ тебѣ одно письмо за другимъ.

Многое измѣнилось съ пріѣзда моего и твой Юрій—тоже. Да, да, послѣдній мѣсяцъ имѣлъ вліяніе на меня и на всю жизнь мою. Выслушай меня, любезный Эдмундъ.

Разскажь свой я могъ-бы начать, передѣлывая стихъ Шекспира о многихъ вещахъ на землѣ и на небѣ, о которыхъ не снилось даже философамъ, и сказать, что на Подлѣсьи есть много, премного вещей, которыхъ наши философы варшавской мостовой не видали и во снѣ. Terra incognita, а я Колумбъ ея!

Два дня спустя послѣ посѣщенія капитана, о которомъ въ послѣднемъ письмѣ я писалъ тебѣ, мы получили отъ него, дѣдъ и я, пригласительныя письма на охоту на лосей и дикихъ козъ. Конюшій, разсмотрѣвъ конверты и адреса и не находя никакого урона своему достоинству, рѣшился принять приглашеніе. Сначала онъ хотѣлъ меня одного отпустить, но послѣ, разсудивъ, что въ такихъ щекотливыхъ отношеніяхъ, въ какихъ онъ былъ съ капитаномъ, ему слѣдуетъ быть осторожнымъ, рѣшился сопровождать меня въ Куриловку.

Названіе этой деревни задѣло мое любопытство. Это яма, трущоба, пустырь. Данте не зналъ нашего края, а то онъ бы непременно изобразилъ его въ своемъ адѣ и въ его отдѣленіи помѣстилъ-бы тѣхъ, которые при жизни своей слишкомъ гонялись за новостью. Представь себѣ хижины, на половину засыпанныя пескомъ; песокъ окруженъ болотомъ, болото—скупнымъ и гадкимъ лѣсомъ, лѣсъ песками и т. д. Черезъ болота и лѣса прорѣзаны узкія и извилистыя дорожки, вымощенныя корнями сосенъ и какими-то палками, по которымъ разѣзжаютъ только мужики. Безконечныя плотины, мосты, изорванные, какъ старая перчатка, вездѣ ямы, грязь, кочки и т. п.

Все это нужно проѣхать, чтобы добраться до капитана; и это называется большой дорогой! Иногда полдня ѣдешь и человѣческаго лица не встрѣтишь, а мужика можешь принять за медвѣдя... Пустыня Сахара!.. Деревня съ одной стороны

окружена болотомъ, съ другой — песками, покрытыми сосновыми кустарниками, мрачна, черна отъ дыму, а жители ея — идеалы нищеты и опустошенія! Женщины носятъ какіе-то чепчики, закоптившіе отъ дыму, которымъ здѣсь пропитанъ воздухъ. Онѣ моются только по большимъ праздникамъ и имѣютъ видъ дикихъ индѣйцевъ. Всѣ живущіе здѣсь прячутся и только изъ-за угла посматриваютъ на проѣзжающихъ. За деревней стоитъ домъ, окруженный садомъ и деревьями, низкій, въ четыре окошка, съ высокимъ заборомъ и воротами, которыя никогда ни затворяются. Рядомъ съ домомъ — гумно, сарай, конюшни и овчарни; все это на одномъ дворѣ составляетъ одно цѣлое. Четыре борзыхъ собаки и одна дворовая съ осмоленнымъ бокомъ и искусанными ушами, кромѣ хозяина, привѣтствовали насъ на крыльцѣ. Капитанъ кланялся намъ до земли и благодарилъ за счастье, за честь, за милость, которую мы изволили оказать своимъ посѣщеніемъ, которое, какъ онъ выражался, останется вѣчнымъ воспоминаніемъ бѣдной его хижины и утѣшеніемъ его старости. Я никогда не ожидалъ, что могу осчастливить кого-либо до такой степени.

Капитанъ, сопровождая насъ безчисленными гиперболическими вѣжливостями, на которыя конюшій отвѣчалъ ему вдвое большими, ввелъ насъ въ чистую горницу. Два стола, два сундука, четыре дырявыхъ, деревянныхъ стула, каминъ, выбѣленный ради нашего пріѣзда, съ самоваромъ для украшенія; по стѣнамъ: иконы Іисуса Миланскаго, Львовскаго (я имѣлъ время осмотрѣть), образъ Пресвятой дѣвы Холмской, Почаевской и Каменецъ-Подольской; въ углу шашечная доска на маленькомъ столикѣ; вотъ вся гостиная, изъ которой ходъ въ спальню капитана. Толстая дѣвка и босой слуга угощали насъ завтракомъ. Поѣвши, мы отправились на охоту, и твой Юрій имѣлъ счастье убить огромнаго лося. Не знаю, вслѣдствіе-ли моей ловкости, или по другой причинѣ, я впалъ въ особенную милость капитана. Онъ былъ со мною предупредителенъ, воодушевленъ, вѣжливъ и занималъ меня своимъ разговоромъ. Нѣсколько разъ, впрочемъ, онъ намекнулъ о моемъ имѣніи въ княжествѣ Познанскомъ, съ улыбкой, которую конюшій даже примѣтилъ. Но, когда въ четвертый разъ навелъ разговоръ на эту тему, дѣдъ мой возразилъ съ проницаніемъ:

— Не говорите объ этомъ имѣнии, капитанъ, вы нехотя можете сдѣлать непріятность моему любезному Юрашѣ. Вы должны знать, что вслѣдствіе тяжбы и происшедшихъ отъ нея хлопотъ онъ долженъ былъ отказаться отъ него.

Подобный отзывъ дѣда не мало удивилъ меня.

И такъ, старикъ зналъ обо всемъ! Но откуда, какимъ образомъ и почему онъ только теперь высказался?

Капитанъ закрутилъ усы и налилъ вина въ рюмки, провозглашая наше здоровье. Разговоръ шелъ объ охотѣ. Въ сумерки капитанъ покорно просилъ насъ остаться на чай.

— Навѣстивъ почтеннѣйшаго родственника, — сказалъ онъ мнѣ, — вы захотите вѣрно познакомиться тоже съ нашими сосѣдями?

— Да, да, — подхватилъ мой дѣдъ, — безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія!

Видно было, что ему не нравится разговоръ, и по той-же причинѣ капитанъ упорно держался его.

— У насъ есть хорошіе дома, — прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Во главѣ которыхъ тотъ, въ которомъ мы имѣемъ удовольствіе быть теперь! — перебилъ конюшій.

— Моя бѣдная хижина, которую вы, милостивые государи, удостоили своимъ посѣщеніемъ, недостойна такого возвышенія, но...

— Не пора-ли намъ ѣхать, панъ Юрій?

— Ей Богу, не пушу! — закричалъ, вставая, капитанъ. — Лошадей даже не привели. Я возвращаюсь къ разговору, во-первыхъ, перечислю дома...

— Играете-ли вы въ шашки, капитанъ? — спросилъ мой дѣдъ съ явнымъ замѣшательствомъ.

Капитанъ подпрыгнулъ, вытащилъ изъ угла шашки, но, не сводя съ меня глазъ, продолжалъ говорить:

— Домъ пана Грабы...

— Начнемъ, капитанъ.

— Начнемъ... Интересный домъ, право!

— Да, дѣйствительно... Ваша очередь идти.

— Я пошелъ... Стоитъ познакомиться съ сосѣдами. Во-первыхъ, домъ пана Грабы, котораго мы обыкновенно называемъ чудачкомъ; во-вторыхъ, онъ обратился къ конюшему съ вопросомъ, — вѣдь и панна Ирина живетъ постоянно въ деревнѣ, ваша воспитанница?

Говоря это, оба переглянулись, какъ-будто желая съѣсть другъ друга, а дѣдъ мой закрылъ ротъ, опустил глаза и все вниманіе свое устремилъ на шашки.

— И такъ,—продолжалъ капитанъ, — домъ пана Грабы, панны Ирины и Дудича.

— Это ужъ не сосѣдство,—сказалъ мой дѣдъ.

— Считается нашимъ сосѣдствомъ, потому что не далѣе четырехъ миль отъ Тужей-Горы; а что касается Румяной, имѣнія панны *Ирины, вашей питомицы*,—прибавилъ съ удареніемъ капитанъ,—то еще ближе.

Конюшій молчалъ и съ досады кусалъ костяную шашку. Капитанъ продолжалъ:

— Такимъ образомъ дорогой дѣдъ и почтенный сосѣдъ нашъ, желая удержать достойнаго своего внука какъ можно долѣе у себя, постарается развлекать его, знакомя съ сосѣдами, въ особенности-же съ панной Ириной. Вы, вѣрно, не скоро уѣдете отъ насъ? Въ Тужей-Горѣ свѣтскому кавалеру хотя пріятно, но тѣмъ не менѣе покажется скучно: молодежь нуждается въ молодежи.

Признаюсь тебѣ, что этотъ постоянный намекъ о какой-то паннѣ Иринѣ и еще болѣе упорное молчаніе конюшаго сильно подстрекнули мое любопытство. Капитанъ, окончивъ, посмотрѣлъ на моего дѣда, который, молча, кусалъ шашку и, наконецъ, сказалъ съ удареніемъ:

— А какъ-же, какъ-же! Познакомимся съ сосѣдами: пана Грабу, панну Ирину и семейство Дудичей и всѣхъ живущихъ въ окрестности увидимъ.

— Не забудьте тоже и о бѣдномъ семействѣ...

— А какъ-же, *Pane dobrodzieju*, а какъ-же,—прибавилъ дѣдъ, краснѣя и подвигаясь на стулѣ,—никого не забудемъ.

Я до сихъ поръ ничего не зналъ о здѣшнихъ нашихъ родныхъ, а потому удивился и спросилъ о нихъ.

— Гм! Ты забылъ, любезный Юрій,—возразилъ старикъ съ удареніемъ,—вчера еще мы говорили о нихъ.

— А, это о нихъ говорить капитанъ,—воскликнулъ я, видя, что дѣдъ велитъ мнѣ играть комедію, и, входя въ роль, я сейчасъ прибавилъ:—мы именно къ нимъ собирались ѣхать.

Капитанъ поочередно посмотрѣлъ на насъ и замолчалъ.

Вскорѣ послѣ этого разговора, простившись съ нимъ искренно и не менѣе пяти разъ: при столикѣ, у порога, въ сѣняхъ, у крыльца, на подножкѣ брички и въ самой бричкѣ, пзливъ искреннюю свою благодарность, мы уѣхали съ дѣдомъ.

Половину дороги конюшій молчалъ, сопѣлъ только отъ злости, и, наконецъ, какъ-будто невольнo сорвалось у него:

— Съѣсть чорта, съѣсть чорта! Этотъ негодный капитанъ пригласилъ насъ на эту проклятую охоту для того только, чтобы посмѣяться вдоволь надъ нами. Слушай, время говорить откровенно.

— Я всегда откровененъ.

— Ба! Человѣкъ иногда откровенно лжетъ, но мы, ты понимаешь, будемъ чистосердечны. Правда ли, что ты свое имѣніе проигралъ?

Этотъ внезапный вопросъ озадачилъ меня.

— Откуда такое извѣстіе?—спросилъ я.

— Откуда бы оно ни было, но правда ли это?

— Нечего мнѣ скрывать: бѣдность не порокъ.

— Да, но безпутность и мотовство не дѣлаютъ чести человѣку. Говори всю правду.

— Если я проигралъ имѣніе, — возразилъ я гордо, обидѣвшись тономъ, съ которымъ были сказаны эти слова, — если я проигралъ его, то свое собственное, и никого ни о чемъ не прошу.

— Ты проигралъ не свое, не пріобрѣтенное трудами, но то, что твои родители, трудясь въ потѣ лица, сохранили и оставили тебѣ. Во-вторыхъ, до сихъ поръ ты ничего не просишь, но что ты будешь дѣлать, когда ни копѣйки у тебя не останется? Гм! Говори искренно и не сердись. Къ труду ты не способенъ; съѣсть, выпить, покутить, вотъ на что ты мастеръ! Скажи мнѣ, любезный, что будешь ты дѣлать?

Удивленный, озадаченный, я молчалъ.

— Говори, любезный Юрій, говори! — прибавилъ дѣдъ. — Не сидѣть же тебѣ въ Тужей-Горѣ, разсчитывая на мою кончину; наскучить же тебѣ ждать, потому что я не скоро умру. Не думаешь ли ты жениться на богатой?

— А если и такъ, то никому не стану кланяться.

Дѣдъ фыркнулъ со смѣха.

— Такъ ты предпочитаешь жениться изъ-за денегъ! Ну, бросимъ всё эти шутки, а станемъ говорить серьезно. Ты слышалъ, что я богатъ, пріѣхалъ, рассчитывая получить что-нибудь отъ меня, а увидѣвши несовременнаго шляхтича и чудака, не знаешь, что дѣлать, не такъ-ли?

— Я долженъ молчать, досада душитъ меня.

— Молчи, любезный, я договорю за тебя.

Онъ продолжалъ говорить слѣдующимъ образомъ:

— Я хочу знать, что у тебя еще осталось, панъ Юрій, чтобы помочь тебѣ, если можно. Не думаю, чтобы съ нами, деревенскими жителями, тебѣ было весело; но посмотримъ, что можно будетъ сдѣлать для тебя.

— Вы хотите избавиться отъ меня, — сказалъ я. — Я не прошу васъ ни о чемъ и завтра-же уѣзжаю.

Говоря это, я самъ не зналъ, куда мнѣ отправиться. При скопленіи различныхъ мыслей, Кавказъ, Алжиръ, Испанія и Америка попеременно представлялись моему воображенію.

Дѣдъ мой продолжалъ:

— Не считаешь-ли ты меня безжалостнымъ эгоистомъ, не имѣющимъ ни одной искры сочувствія къ ближнему? Я не отправляю тебя и не хочу избавиться отъ тебя. Но,—прибавилъ съ проклятіемъ,—всему причиной этотъ мерзавецъ капитанъ; желчь разлилась у меня. Я не скрываю, что у меня есть родные и другія лица, къ которымъ я имѣю свои обязанности; большая часть моего имѣнія раздѣлена и имѣетъ свое назначеніе... Однакожъ, я и тебя не хочу лишить наслѣдства: оставляю тебѣ что-нибудь на память, это вѣрно. Но ты меня не поймешь, если я скажу тебѣ, что, уважая въ тебѣ свою собственную кровь, я хочу однако-жъ, выпроводить тебя изъ здѣшнихъ мѣстъ. Я не умѣю объяснить этого. Ты заподозришь меня въ чемъ-либо другомъ; думай себѣ, что хочешь, я люблю тебя, но хочу, чтобы ты, какъ можно скорѣй, убрался отсюда прочь.

Я сталъ втупикъ, не имѣя силъ сердиться на дѣда; въ немъ кипѣли мысли и страсти, свойства которыхъ я разобрать не могъ. Его поведеніе со мной было покрыто мракомъ. Его скрытая борьба съ капитаномъ, безпокойство, непонятныя опасенія и таинственность его поступковъ,—все говорило мнѣ, что

что за предѣлами жизни, которой я не зналъ, было много любопытнаго, потому безъ всякой обиды я выслушалъ его объясненіе, прибавивъ только:

— Завтра я уѣзжаю.

— Ъду, но не знаю куда, — сердито возразилъ мой дѣдъ. — Но скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, что у тебя осталось?

Кончая этотъ разговоръ, мы подѣхали къ корчмѣ, изъ которой выходящій свѣтъ вдругъ озарилъ лицо старика, и я увидѣлъ его страшно измѣнившимся.

— Какая вамъ польза, панъ конюшій, если вы будете знать о моемъ состояніи? Я ничего не прошу и не приму отъ васъ. Скорѣе согласился-бы я просить милостыню у чужихъ, чтобы вы не подозрѣвали во мнѣ алчности и корыстолюбія, которыхъ никогда не было въ сердцѣ моемъ. Вы хотите знать, зачѣмъ я пріѣхалъ сюда? Мнѣ было негдѣ спрятаться не только отъ кредиторовъ, но и отъ воспоминаній своей жизни, отъ дурно проведенной молодости и угрызенія совѣсти. Свѣтъ широкъ!

Господинъ конюшій заскрежеталъ зубами.

— Въ немъ есть душа, — сказалъ онъ шопотомъ, — но нѣтъ головы. — Сказавъ это, онъ опять обратился ко мнѣ:

— Послушай, панъ Юрій, — сказалъ онъ рѣшительно, — если ты мнѣ сдѣлаешь это безчестье и въ сердцахъ оставишь меня съ презрѣніемъ, то клянусь тебѣ честию, я вездѣ буду преслѣдовать тебя, какъ тѣнь, до тѣхъ поръ, пока мы не примиримся. И только, можетъ быть, въ Америкѣ я объясню тебѣ, почему, любя тебя, я хотѣлъ, однако, чтобы ты уѣхалъ отсюда.

— Завтра я ѣду, — возразилъ я равнодушно.

— И я за тобой.

— Мнѣ очень пріятно имѣть спутника.

Пріѣхавъ въ Тужу-Гору, которую я привѣтствовалъ другими чувствами (часто одинъ день въ жизни многое въ ней измѣняетъ), я поклонился старику и просилъ его позволить мнѣ уйти въ свою комнату.

Конюшій пожалъ мнѣ руку и шепнулъ тихонько: — Помилуй, при людяхъ!

Утро мы провели хотя любезно, но церемонно; вечеромъ,

чувствуя боль въ сердцѣ, несмотря на просьбы дѣда, я отправился наверхъ.

Станиславъ спалъ въ уголкѣ, потому что на Подлѣсьи имъ овладѣлъ сонъ, который, выражаясь поэтическимъ слогомъ, можно назвать *непробуднымъ*: съ утра до вечера все спалъ. На вопросъ мой, почему онъ все спитъ, онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Э, баринъ, можетъ быть, во снѣ я увижу что-нибудь лучше, чѣмъ эта горемычная страна!

Ложась спать, съ головной болью, я приказалъ Станиславу, чтобы лошади были готовы къ семи часамъ утра.

Сначала, не вѣря неожиданному счастью и думая, что я шучу, онъ сталъ втупикъ; но, когда я повторилъ ему свое приказаніе, онъ упалъ къ моимъ ногамъ.

— Правда-ли это, баринъ! — закричалъ онъ. — Какъ? Мы ѣдемъ, ѣдемъ въ Варшаву! Я всю ночь буду укладываться и ручаюсь, что не опоздаемъ.

Я не могу разсказать, что съ нимъ случилось — взбѣсился: бѣгалъ по лѣстницѣ, кричалъ, шумѣлъ, приказывалъ, суетился и не далъ мнѣ спать до самаго утра.

Еще до разсвѣта коляска стояла готовая передъ крыльцемъ, чемоданъ привинченъ, Станиславъ въ дорожномъ платьѣ; недоставало только лошадей.

Ровно въ семь часовъ я увидѣлъ Станислава въ дверяхъ въ большомъ замѣшательствѣ.

— Готовы-ли лошади? — спросилъ я.

— А, баринъ, сатана вмѣшался въ наше дѣло! — вскричалъ онъ, теребя свои волосы. — Проклятая страна, — все здѣсь не по человѣчески. Въ европейскомъ мірѣ вамъ можно сказать: чтобы къ семи часамъ лошади были готовы, но здѣсь...

— Ну, пускай будутъ къ девяти часамъ.

— А чертъ ихъ знаетъ, — возразилъ въ отчаяніи Станиславъ.

Ты знаешь, дорогой Эдмундъ, какой у него потѣшный видъ, когда онъ сердится. Несмотря на досаду, я смѣялся надъ нимъ въ душѣ.

— Вообразите себѣ, баринъ, — продолжалъ онъ, — вчера еще вечеромъ я любѣжалъ въ это оборванное мѣстечко, недостойное даже этого имени; я спрашиваю, гдѣ почта, мнѣ смѣются въ

глаза. Дурак! Я забылъ, что здѣсь нѣтъ почты. Мнѣ пришло въ голову нанять извозчика. Я вѣзжалъ въ корчму, носомъ къ носу наткнулся на Мальцовскаго; чертъ его знаетъ, что онъ тамъ дѣлалъ ночью.

— Добрый вечеръ.

— Добрый вечеръ.

— А что вы здѣсь дѣлаете?

— Ищу лошадей.

— Какъ лошадей,—сказалъ онъ, потчuya меня зеленымъ табакомъ.

Я понюхалъ усердно, потому что былъ уже навеселѣ.

— Какъ лошадей?—спросилъ онъ опять.

— Да, завтра мы уѣзжаемъ.

— Завтра уѣзжаете?

Покачалъ головой.

— А много-ли лошадей нужно?

— Четверку довольно съ насъ.

— Четверку!.. Сомнѣваюсь, найдете-ли вы столько въ мѣстечкѣ: всѣ извозчики, сколько ихъ ни есть, нанялись съ мукой въ Брестъ.

Онъ отошелъ. Я къ извозику: нѣтъ лошадей; но онъ сказалъ это, какъ-будто эти слова его дорого стоили, вздыхая, и почесывая затылокъ. Я спрашиваю второго, четвертаго: лошади есть, но, чортъ ихъ знаетъ, почему вести насъ не хотятъ.

— Что-же дѣлать?—спросилъ я,—пойдемъ пѣшкомъ.

— Они могли-бы намъ дать казенныхъ.

Входить дѣдъ, который уже собирался на охоту.

— Что это значить,—спросилъ онъ. — Коляска ваша уложена.

— Я уѣзжаю, панъ конюшій, или, лучше сказать, иду пѣшкомъ, потому что въ мѣстечкѣ хотя лошади и есть, но не хотятъ намъ дать.

— Не можетъ быть,—сказалъ старикъ, незамѣтно улыбаясь.—Станиславъ не умѣлъ ихъ искать: здѣсь есть по крайней мѣрѣ десять извозчиковъ.

— Клянусь честью,—сказалъ Станиславъ, прикладывая руку къ сердцу,—я вездѣ искалъ и нигдѣ найти не могъ.

— Не нанялись-ли они въ Брестъ, потому что въ это время они всегда ѣдутъ туда съ мукой?

— Точно такъ-съ,—отвѣтилъ Станиславъ.

— Но зачѣмъ вамъ торопиться? — прибавилъ конюшій, подходя ко мнѣ.

— Я долженъ,—отвѣтилъ я коротко и сухо.

Старикъ вѣжливымъ наклоненіемъ головы далъ знакъ Станиславу уйти и важно сѣлъ въ вызолоченное кресло. Вечерашняя буря прошла, онъ былъ спокоенъ.

— Ну,—сказалъ онъ,—не сердись, мой Юрій; именемъ отца и матери твоей прошу тебя, не сердись на старика. Даю тебѣ слово благороднаго человѣка, что не равнодушіе и не скупость говорили во мнѣ вчера.

Я молчалъ. Панъ конюшій протянулъ мнѣ руку; я пожалъ ее и отвѣтилъ ему.

— Я вѣрю, но вы-же сами хотите, чтобы я уѣхалъ, вы вчера мнѣ это говорили. Я ѣду, а если не найду лошадей, пойду пѣшкомъ; подозреваемый въ алчности, въ разсчетѣ, я не могу здѣсь остаться.

— Ты не понимаешь; меня. Этотъ капитанъ, этотъ чертовскій капитанъ виной всему онъ расшевелилъ мою желчь. Я сожалѣю о томъ, что я вчера говорилъ тебѣ и прошу извиненія. Прости мнѣ и не уѣзжай. Послѣ я не стану удерживать тебя, но дней пять ты можешь погостить у меня. Будь увѣренъ, что мнѣ очень пріятно видѣть тебя, но обстоятельства...

Онъ махнулъ рукой.

— Сегодня, хотя-бы хотѣлъ, я не могу ѣхать, лошадей нѣтъ; но завтра, дорогой дѣдушка, какъ только Станиславъ найдетъ лошадей, я долженъ ѣхать и уѣду.

Подумавши немного, старикъ вынулъ изъ кармана довольно большой свертокъ и, кладя на столъ, сказалъ:

— Передъ отъѣздомъ ты долженъ принять отъ меня небольшой подарокъ.

— Я вздрогнулъ и попытлся назадъ.

— Примешь-ли? — сказалъ онъ.

— Никогда!

— Я даю тебѣ двѣ тысячи червонцевъ, на которые я хочу, чтобы ты составилъ опять состояніе. Я даю тебѣ ихъ взаймы и возьму вексель.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ я, — скорѣе умру, чѣмъ возьму даромъ или займы что-либо отъ пана конюшаго.

— Гордая душа! Гордая душа! — сказалъ онъ про себя, видя мое волненіе и глядя мнѣ въ глаза, какъ будто желая вывѣдать меня, онъ всунулъ опять свертокъ въ карманъ.

— У тебя будутъ лошади, если ты такъ упорствуешь; хотя я хотѣлъ бы, чтобы ты остался у меня не болѣе пяти дней.

На этомъ кончился нашъ разговоръ. Дѣдъ приглашалъ меня на охоту, но я отказался: онъ тоже не поѣхалъ и только послалъ своихъ людей. Цѣлый день мы провели у камина, или гуляя въ саду, несмотря на осеннюю погоду. Это былъ одинъ изъ рѣдкихъ дней, который, подобно свѣтлой минутѣ старости, сіяетъ почти передъ самой зимой. Солнце еще согрѣвало землю; длинныя нити паутины разстилались по сухимъ вѣтвямъ деревьевъ и по стеблямъ завядшихъ цвѣтовъ. Кое-гдѣ расцвѣтала еще запоздалая почка. Типина царствовала въ природѣ, на поляхъ хлѣбъ собранъ, другой посѣянъ и зеленѣетъ; народъ веселъ, потому что не голоденъ; а деревья покрыты листьями багрянаго и золотого цвѣта. Даже запахъ осенняго воздуха, пропитаннаго туманомъ, производилъ на меня грустное, но пріятное впечатлѣніе. Я не узналъ самого-себя. Разговоръ съ паномъ конюшимъ тянулся медленно, словно возъ по подлѣскимъ дорогамъ, подпрыгивая съ палки на палку, или тихо волочась по пескамъ. Мы пошли въ садъ, а послѣ во дворъ, напротивъ котораго есть старый валъ замка, воздвигнутаго съ незапамятныхъ временъ, и на фундаментъ его построены теперь новый домъ; липы и дубы окружаютъ его, и среди нихъ стоитъ каменная скамья. Дѣдъ повелъ меня съ собой. Мы разговорились. Солнце было уже на закатѣ, а мы все еще сидѣли на скамьѣ. Осенній холодокъ былъ довольно чувствителенъ; дулъ западный вѣтеръ, а багровые лучи солнца освѣщали разостланную по полю паутину. Вдругъ среди затишья природы послышался топотъ и свистъ. Дѣдъ мой поблѣднѣлъ, задрожалъ, соскочилъ со скамьи, посмотрѣлъ на меня и не рѣшался идти; послѣ съ явнымъ безпокойствомъ сказалъ:

— Сейчасъ возвращусь! и исчезъ. Я остался въ недоумѣніи и, съ любопытствомъ всматриваясь во дворъ, увидѣлъ

изъ-за деревьевъ передъ крыльцомъ женщину, верхомъ на лошади, за ней двухъ грумовъ, отлично одѣтыхъ, прекрасную коляску, а въ ней другую даму. Я видѣлъ, какъ дѣдъ мой подошелъ къ нимъ, раскланялся, и скоро увелъ ихъ въ комнаты, а Мальцовскій, еще скорѣе—лошадей въ конюшню.

Я не слушался дѣда, который велѣлъ мнѣ ожидать его, и отправился во дворъ; мы встрѣтились съ нимъ на половинѣ дороги. Старикъ былъ взволнованъ и неловко притворился равнодушнымъ.

— Кто это прѣхалъ?—спросилъ я его.

— А, а, это очень странная личность, по сосѣдству съ нами—моя знакомая... я былъ ея опекуномъ; она навѣщаетъ меня иногда... очень обыкновенная особа! Придешь-ли къ намъ?—спросилъ онъ, смотря мнѣ въ глаза.

— Непремѣнно приду.

— Ты, можетъ быть, будешь скучать, или стѣсняться. Это очень странная женщина!

— Я иду, и буду помогать пану конюшему занимать гостей.

— Я знаю, что тебя утомить, вѣдъ тебѣ нуженъ отдыхъ передъ отъѣздомъ.

Видя, что дѣдъ всячески старается удержать меня, я рѣшился во что бы-то ни стало увидѣть этихъ дамъ.

Смѣясь, я взялъ дѣда подъ руку и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ гостиную.

Позволь мнѣ подробно описать тебѣ, кого я здѣсь увидѣлъ. Я чувствую, что эта минута великая и торжественная въ моей жизни. Не смѣйся, надо мною! Это любовь не та, которая поверхностно пролетитъ мимо сердца, не затрогивая его; чувство, которое я питаю—высокое, святое, достойное уваженія—это сильная страсть, о которой прежде я не имѣлъ и понятія. Я, который послѣ десяти дней обыкновенно говорилъ: *on se lasse de tout, mon ange!* теперь не пресытился еще своимъ страданіемъ, ни созерцаніемъ ея. Прочитай съ терпѣніемъ это письмо, хотя оно гадко написано.

Конюшій съ явнымъ неудовольствіемъ и сопротивленіемъ вошелъ со мной въ залу, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, точно воръ, пойманный въ злодѣяніи, иногда только хваталъ себя за

сѣдоватый хохолокъ. Въ каминѣ пылалъ яркій огонь, напротивъ его сидѣла на стулѣ молодая женщина, высокаго роста, съ лицомъ чрезвычайно бѣлымъ, по блѣднымъ, съ смѣлымъ взглядомъ, съ большими черными глазами; бархатная амазонка, кожаные башмаки и хлыстикъ въ рукѣ составляли весь ея костюмъ. Коротко подобранные волосы спускались блестящими кудрями вокругъ головы, прекрасный, высокій лобъ, не покрытый ни одною морщинкой, возносился надъ ея лицомъ, какъ куполъ надъ храмомъ; дивныя черты эти составляли цѣлое необыкновенной красоты, какую можно увидѣть только въ древнихъ статуяхъ. Я протеръ глаза, чтобы убѣдиться, не во снѣ-ли я ее вижу, не призракъ-ли это? Я боялся, чтобы она не исчезла и не разсѣялась въ воздухъ. Рядомъ съ нею сидѣла другая женщина, старше ея, но почти такой-же красоты. Не спрашивая ихъ, и не зная ихъ, сразу можно было отгадать, что первая не испытала еще ничего въ жизни, между тѣмъ, для другой она кончилась навсегда вмѣстѣ съ надеждами и отрадой. Въ глазахъ этой женщины не выражалось даже любопытства; взглядъ ея былъ холодный, а стиснутыя губы выражали равнодушіе.

Эти двѣ женщины представляли совершенную противоположность: казалось, первая рвалась къ жизни, вѣря во все, чего не испытала еще; вторая-же ничего болѣе не желала, какъ спокойствія и конца смѣшной траги-комедіи, которую называютъ жизнью. Выраженіе какого-то равнодушнаго горя, неизлѣчимой тоски, презрѣнія къ міру можно было прочесть на ея изнуренномъ лицѣ, покрытымъ преждевременными морщинами.

Ты можешь представить себѣ мое удивленіе при видѣ этихъ двухъ женщинъ, здѣсь, гдѣ ничего подобнаго я не ожидалъ встрѣтить. Осанка, нарядъ—все въ нихъ обличало существо изъ другого міра. Представь себѣ двѣ пальмы на подлѣсскихъ болотахъ; такими мнѣ показались эти двѣ женщины у пана конюшаго. Я вошелъ и окаменѣлъ отъ удивленія, но скоро опомнился, когда дѣдъ сталъ представлять меня:

— Мой внукъ, Юрій Суминъ; пани Лацкая, панна Ирина З...

Съ панною Ириной, сколько я замѣтилъ, конюшій былъ въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ.

Мы обмѣнялись съ ней взглядами, въ которыхъ выражалось то нѣмое привѣтствіе, по которому можно судить о дальнѣйшихъ отношеніяхъ нашихъ. Злой, недовольный своимъ положеніемъ и скоромъ отъѣздомъ неизвѣстно куда, я пришелъ въ отчаяніе и впалъ въ странное расположеніе духа: я сдѣлался язвительнъ, насмѣшливъ и пренебрегалъ всѣми, начиная съ хозяина. Обѣ дамы сначала смотрѣли на меня, какъ на дикаго звѣря; имъ казалось страннымъ видѣть въ глубокомъ Подлѣсѣ интеллигентное существо. Дѣдъ мой подходилъ то къ одной, то къ другой дамѣ, но съ особенною отцовскою, или, лучше сказать, материнскою заботливостію суетился около панны Ирины: то придвигалъ, то отодвигалъ ея стулъ, самъ подносилъ ей воду, всматривался въ нее, по выраженію простого народа, какъ въ чудотворную икону.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе; конюшій шепотомъ разговаривалъ съ дамами, я, сидя въ сторонѣ, презрительно молчалъ, не думая даже присоединиться къ нимъ. Однако я долженъ сознаться, что дивная красота панны Ирины и появленіе ея у моего дѣда сильно возбудили мое любопытство. Я хотѣлъ короче познакомиться съ ней, но частью гордость, а частью робость, первый разъ напавшая на меня, удерживали меня на мѣстѣ. Наконецъ, панна Ирина поднялась со стула, взяла со стола букетъ осеннихъ цвѣтовъ и, играя имъ, стала прохаживаться по комнатѣ. Ея движенія и походка были величественны; я слѣдилъ за ней пожирающими глазами. Конюшій глазами провожалъ Ирину, а иногда и на меня поглядывалъ съ безпокойствомъ. Ирина, какъ-будто придумывая, съ чего начать разговоръ, равнодушно остановилась напротивъ моего стула и спросила:

— Вы давно изъ Варшавы?

Конюшій, не давая открытъ мнѣ ротъ, поспѣшилъ отвѣтить за меня. Я, въ знакъ подтвержденія, только склонилъ голову.

— И долго-ли вы думаете оставаться здѣсь?

— Я уѣзжаю завтра,—отвѣтилъ я тихо.

— Скоро-же вамъ надоѣло наше Подлѣсье!

Я горько улыбнулся, смотря на конюшаго, и возразилъ:

— Я не имѣлъ времени узнать его.

— Нелюбопытно?

— Нѣтъ, мнѣ помѣшали другія обстоятельства.

— Да, ничтожные интересы матеріальной жизни, эту грязную кухню вы ставите выше великихъ обязанностей и назначенія мужчины. Вы, гоняясь за чѣмъ-то ничтожнымъ, суетнымъ, что обыкновенно у насъ называютъ интересомъ, и пренебрегаете знаніемъ края и народа.

Это замѣчаніе *à brûle pourpoint* отъ женщины, вовсе незнакомой, чрезвычайно удивило меня. Она точно разставила сѣти, чтобы узнать, кто я. Ни одинъ варшавскій левъ не нашелся-бы, что отвѣтить ей. Озадаченный ея словами, я отвѣтилъ ей съ нѣкоторымъ удивленіемъ, вперяя въ нее взглядъ.

— Свѣтъ и люди, сударыня, вездѣ одинаковы; а эти лоскутья, которые составляютъ ихъ нарядъ, обычаи и привычки, это виѣшность, различающаяся только по виду, но подъ которою открывается одна и та-же природа? Что я не узналъ,—попробую угадать.

Мы обмѣнялись взглядами. И только теперь, услышавши изъ ея устъ нѣсколько словъ, я увидалъ, что передо мной одинъ изъ рѣдкихъ типовъ нашего времени,—женщина, умъ которой столько-же прекрасенъ, сколько и лицо. Но что могло быть общаго между этой образованной женщиной и конюшимъ, одеревенѣвшимъ ко всему?

— Угадать!—повторила она мои послѣднія слова, продолжая опять ходить по комнатѣ.—Много можно угадать, но многому тоже нужно учиться. Мы въ массѣ народа должны изучать человѣка. Свѣтъ и люди—такая загадка, которую въ теченіе всей нашей жизни нужно усердно отгадывать. Но кто только отгадываетъ, тотъ ложно понимаетъ свѣтъ и весь родъ человѣческій, а при столкновеніи съ живыми образами смѣшиваетъ ихъ съ произведеніями собственной фантазіи, не понимая причины своего обмана.

Вотъ ея слова, которыя я хорошо затвердилъ. Ты можешь представить себѣ мое восхищеніе! Слова эти изливались изъ прекрасныхъ устъ свободно, безъ всякой изысканности, безъ усилія! Съ каждой минутой я болѣе и болѣе изумлялся ея смѣлой рѣчи; она нисколько не конфузилась. Конюшій бросалъ на меня гнѣвные взгляды; я все еще сидѣлъ у окна.

— Не стоит отгадывать, или лучше изучать свѣтъ!

— Всегда-ли?

— По большей части.

— Откуда такое разочарованіе въ молодыхъ лѣтахъ?—спросила она, ставъ противъ меня.—Не думаю, чтобы это была только краска, которою мажутся нѣкоторые люди, выступая на сцену? Я предполагаю, что вы искренны.

— О, благодарю васъ за это! Я искрененъ: что думаю, то и говорю.

— Хорошо! Итакъ, скажите откровенно, какое вы впечатлѣніе увезете изъ нашей глуши?

— Не знаю: до нынѣшняго дня я не давалъ себѣ въ этомъ отчета.

— Надъ этимъ не нужно задумываться, надо чувствовать.

— До сихъ поръ Подлѣсье казалось мнѣ страной доброю, но очень дикою,—сказалъ я, улыбаясь,—исключая домъ моего дѣда и все то, что я узналъ въ немъ сегодня.

— О, пожалуйста безъ комплиментовъ, — этого пустого энміама!

Панъ конюшій не могъ долѣе удержаться и вмѣшался тоже въ разговоръ, но очень невпопадъ.

— Я просилъ его остаться, сказалъ онъ, оборачиваясь, чтобы поправить огонь въ каминѣ,—но онъ такъ заупрямился ѣхать...

Я незамѣтно улыбнулся. Ирина посмотрѣла на меня и на дѣда, какъ-будто догадываясь о чемъ-то.

— Панъ конюшій, вѣрно, не умѣлъ просить. Но, если-бы мы старались удержать васъ для лучшаго изслѣдованія нашей страны?

— Ха, ха!—злобно улыбнулся мой дѣдъ, раздувая съ безспокойствомъ огонь,—не упросимъ, не упросимъ: далъ слово, я самъ слышалъ, далъ слово ѣхать.

— Кому!—спросила Ирина.

Но въ это время конюшій велѣлъ подавать самоваръ и притворился, будто не слышалъ. Я молчалъ. Вотъ тутъ-то и выказалась ея короткость съ моимъ дѣдомъ; она взяла его за руку и, смотря ему прямо въ глаза, спросила съ настойчивостью:

— Кому далъ слово?

— Кто?—спросилъ старикъ, притворяясь будто не понимаетъ.

Она съ нетерпѣніемъ отбросила его руку и вскричала:

— Бѣдные старики, какая у васъ слабая память!

На этомъ кончился первый эпизодъ. Разговоръ все болѣе и болѣе воодушевлялся. Она развивала его, переходя отъ одного предмета къ другому. Дѣдъ напрасно пытался мѣшать намъ; сѣлъ возлѣ каминна и предался глубокой думѣ. Пани Лацкая упорно молчала, посматривая съ состраданіемъ то на меня, то на Ирину, то на дѣда.

Подали самоваръ. Ирина усадила меня между собой и ш-те Лацкой и начала хозяйничать, точно у себя въ домѣ. Вдругъ, осмотрѣвъ весь столъ, она обратилась къ конюшему со словами:

— Видно, дорогой опекунъ не ожидалъ сегодня женской напасти, потому что не велѣлъ испечь для меня хлѣба.

— О! уже пекутъ.

— Не стоитъ угождать моимъ прихотямъ! Человѣку не слѣдуетъ баловаться, не зная, что его ждетъ въ будущемъ.— И послѣ прибавила:—но вмѣсто благодарности, что я *пятью* днями раньше пріѣхала, панъ конюшій не въ духѣ, какъ будто-бы не попалъ въ лося.

Я вспомнилъ, что дѣдъ позволилъ мнѣ именно *пять* дней остаться у себя; я взглянулъ на него и незамѣтно улыбулся. Мы встрѣтились взглядами, онъ сконфузился и всталъ, чтобъ выгнать собакъ изъ комнаты.

Разговоръ послѣ чая продолжался до ужина. Нѣсколько разъ принимала въ немъ участіе прекрасная и грустная ш-те Лацкая; голосъ ея звучалъ необычайною грустью. Послѣ ужина мы разговаривали, какъ будто были знакомы уже нѣсколько лѣтъ. Я былъ веселъ и, если-бы не горькая мысль о завтрашнемъ отъѣздѣ, могъ-бы сказать первый разъ въ своей жизни, что счастливъ быть вполне.

Меня не мало удивляло, что эти дамы нисколько не собирались ѣхать, а между тѣмъ я слышалъ распоряженія Мальцовскаго насчетъ помѣщенія ихъ въ нѣсколькихъ комнатахъ, которыя до сихъ поръ оставались закрытыми; онѣ оста-

вались на ночь. Это подтвердила Ирина, обращаясь къ дѣду:

— Я надѣюсь, опекунъ не прогонитъ меня? Ночь темна; я чувствую усталость.

— Панна Ирина, панна Ирина!—съ чувствомъ сказалъ конюшій, ломая руки.—Спросите, пустилъ-ли-бы я васъ съ вашей неустрашимостью ѣхать по безпутью?

— Скажите, еще упрекаетъ меня, вмѣсто благодарности!—сказала она, подходя къ нему и пожимая ему руку.—Онъ схватилъ ее за бѣлые пальчики и торопливо разцѣловалъ ихъ; но, сдѣлавши это почти страстно, онъ посмотрѣлъ на меня, отпрыгнулъ и разохотался.

— Что,—вскричалъ онъ,—хе, старую печку чортъ топить! Счастье, что мнѣ семьдесятъ лѣтъ, а то, чортъ возьми, эта пташечка далеко завела-бы меня!

Сказавши это, онъ въ изнуреніи бросился на диванъ. А я съ дамами (или, лучше сказать, съ m-ле Ириной, потому что m-ше Лацкая была молчалива и грустна), какъ старые знакомые, смѣялись, шутили, болтали. Но вдругъ Ирина сдѣлалась серьезна, остановилась и прибавила, обращаясь къ конюшему:

— Опекунъ, я въ претензіи на васъ!

— На меня? Что-же я сдѣлалъ?

— Вы сдѣлали преступленіе; вы доказали, что вы старый эгоистъ. Какъ! Не желать подѣлиться съ сосѣдями своимъ дорогимъ гостемъ, да еще со мной! И это въ странѣ, какъ наше Подлѣсье, гдѣ гость изъ теплыхъ странъ рѣдко прилетаетъ, исключая аистовъ, которыхъ у васъ всегда много. О это скверно!

Конюшій покраснѣлъ.

— Онъ пріѣхалъ на короткое время.

— Это нисколько не оправдываетъ васъ. Если-бы не капитанъ, который извѣстилъ меня, что у насъ есть дорогой гость въ Тужей-Горѣ, то я-бы ничего не знала, и онъ преспокойно-бы уѣхалъ.

Дѣдъ, слыша о капитанѣ, вынулъ платокъ изъ кармана и незамѣтно завязалъ на немъ узелокъ.

— Ну, ужъ этотъ капитанъ!—ворчалъ онъ про себя.—Опять чювая штука! Хорошо, посчитаемся!

— И я должна была,—продолжала Ирина,—ускорить свой приѣздъ въ Тужу-Гору. За это преступленіе я назначаю наказаніе моему дорогому опекуну:—вы должны...

— Что прикажете? — сказалъ, подпрыгивая, старикъ.

— Да, именемъ вашей привязанности ко мнѣ я повелѣваю вамъ удержать вашего внука и не пускать его завтра. Пускай сидитъ у насъ на Подлѣсьи.

Старикъ съ горечью скривился и, неискренно улыбаясь, подошелъ ко мнѣ. О! Нужно было видѣть, какъ онъ просилъ меня!

— Ты не поѣдешь, любезный Юрій, нѣтъ, нѣтъ! Твое дѣло обойдется и безъ твоего присутствія. Стоитъ написать; не правда-ли? Ты не поѣдешь, хотя ты далъ благородное слово и оно свято; но, тѣмъ не менѣе, ты долженъ остаться!

Въ такомъ тонѣ долго еще говорилъ старикъ, наконецъ Ирина, которая вѣрно лучше знала, что таится въ его душѣ, шепнула ему что-то на ухо, и мой дѣдъ сейчасъ сталъ иначе удерживать меня. Ты понимаешь, я остался не для него, но для ней. Мы поздно разошлись по комнатамъ, хотя въ Тужей-Горѣ ночь начинается обыкновенно въ девять часовъ, и конюшій значительно посматривалъ на часы, а м-ше Лацкая нѣсколько разъ шептала Иринѣ на ухо, что пора спать; но она разсѣянно принимала эти замѣчанія и продолжала разговоръ.

Наконецъ, въ одиннадцать часовъ старикъ сталъ немилосердно зѣвать, прохаживаясь по комнатамъ, и, видя, что насъ трудно разогнать, объявилъ безцеремонно, что пора спать. Возвратясь къ себѣ, я засталъ Станислава въ превеселомъ расположеніи духа. Онъ не мало удивился, когда я ему объявилъ, что мы остаемся еще на нѣкоторое время. Въ отчаяніи онъ ушелъ изъ комнаты и бросился, не раздѣваясь, на кровать.

Я долго ходилъ и мечталъ. Дивно-прекрасная Ирина мелькала передъ моими глазами. Но кто-же она? Какая связь соединяла ее съ конюшимъ? Трудно было догадаться. Я хотѣлъ было послать Станислава узнать, но въ настоящую минуту онъ былъ ни къ чему не годенъ: его убивала отсрочка отъѣзда. Поутру, проснувшись рано, я послалъ его разузнать о гостяхъ; но ихъ уже не было въ Тужей-Горѣ, они ранехонько

уѣхали, одна, по обыкновенію, верхомъ, другая—въ коляскѣ. Исчезли, словно сонъ! Но когда вошелъ я въ залъ, въ которомъ я провелъ такъ прекрасно съ ними вечеръ, предо мною предстало свѣжее воспоминаніе, которое мнѣ казалось ночнымъ бредомъ.

Конюшій, мрачный, задумчивый, облокотясь локтями на колѣни, сидѣлъ у потухшаго камина; казалось, онъ постраждѣлъ со вчерашняго дня: грусть, безпокойство, сильное огорченіе изображались на его лицѣ. Онъ поклонился мнѣ молча. Во взглядѣ его выражалось затаенное неудовольствіе и гнѣвъ, однако онъ былъ очень вѣжливъ со мной. Послѣ взаимнаго привѣтствія я не утерпѣлъ, чтобы не спросить о вчерашнемъ явленіи. Онъ косо посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Эти дамы уѣхали домой.

— Такъ скоро? Такъ рано?

— Я не хотѣлъ удерживать ихъ,—отвѣчалъ дѣдъ.—Въ домѣ холостяка неловко принимать ихъ.

— Кто это панна Ирина?—спросилъ я.

— Молокососъ! Вертопрахъ!—сказалъ старикъ, подымая плечи,—всякая красивая и не глупая женщина вскружитъ вамъ голову на четверть часа. Нѣтъ степенности, нѣтъ такту! Вотъ уже такъ влѣзла въ голову панна Ирина. Брось это!

— Съ чего вы это взяли, панъ конюшій? Я спрашиваю изъ любопытства. Я видѣлъ ее только одинъ разъ, но она заинтересовала меня.

— Вотъ тебѣ на, уже заинтересовала его!

— Она заинтересовала меня своею оригинальностью, а потому я хочу знать...

— Что знать? Какое у нея состояніе? а? Обыкновенно—дочь помѣщика, дѣвушка немножко легкомысленная, своенравная и избалованная; вотъ и все.

Я замолчалъ.

— Да, да,—прибавилъ дѣдъ съ кислымъ видомъ,—вѣдь послѣ обѣда мы ѣдемъ въ Румянью.

— Что это за Румяная?

— Это деревня панны Ирины.

— У панны Ирины есть деревня,—вскрикнулъ я неосторожно.

— Вотъ тебѣ на! Онъ готовъ уже жениться, потому что у нея есть деревня: деревню проѣсть, а жену бросить. Нѣтъ, голубчикъ! Не для кошки сало,—сказалъ онъ тихо.

— Съ паномъ конюшимъ невозможно сегодня говорить; что васъ такъ разсердило?

— Вотъ-те и разсердило! Развѣ я молодой вѣтрогонъ, забіяка, долженъ смѣяться и танцовать всю жизнь, какъ щегленокъ?

— Итакъ, послѣ обѣда,—сказалъ я,—мы ѣдемъ въ Румянью.

Онъ только кивнулъ головой.

Я вышелъ, чтобы поговорить съ Станиславомъ насчетъ дороги; но, желая показать себя человѣкомъ вѣжливымъ, я возвратился опять съ вопросомъ: не лучше-ли поѣхать въ моемъ хорошенькомъ экипажѣ? Къ моему удивленію, конюшій согласился, потому что его Ноевъ ковчегъ былъ у кузнеца въ починкѣ.

Я узналъ, что м-ше Ирина владѣтельница деревни; но есть-ли у нея родители, родные, и кто она?—никто не хотѣлъ мнѣ сказать этого. Я попробовалъ было спросить Мальцовскаго; онъ улыбнулся, поднялъ плечи и отвѣтилъ:

— Обыкновенно, ясновельможный панъ, дочь помѣщика! Находилась подъ опекой моего барина. Очень хорошая дѣвица! О, очень хорошая!

Получивъ столь богатые свѣдѣнія послѣ молчаливаго обѣда, мы отправились въ Румянью. Конюшій молчалъ, дѣлая иногда замѣчанія по хозяйству.

— А такъ и не сдѣлалъ, собачій сынъ, какъ я хотѣлъ, гм! Поле дурно обработано, вездѣ видѣнъ пырей.

Темнѣло, солнце уже садилось но я могъ еще разглядѣть окрестность, приближаясь къ Румяной. Безпокойство конюшаго обличало ея близость. Мы выѣхали на широкую улицу обсаженную старыми липами и покрытую теперь желтыми листьями. Густыя и широкія деревья видѣлись вдали, можно было догадаться, что это былъ садъ; направо блестѣлъ прудъ своими прозрачными водами, а надъ нимъ красовалась готическая часовня; прямо бѣлѣлъ господскій домъ, влѣво отъ него въ нѣкоторомъ разстояніи—службы. Мы вѣхали въ огромный дворъ,

покрытый желтѣющей травой; кругомъ его возвышались деревья, подъ которыми цвѣли еще не захваченныя морозомъ далѣи. Домъ, къ которому мы подѣхали, не похожъ былъ на прочіе подлѣсскіе дома: широкій, одноэтажный, но на высокомъ фундаментѣ, онъ тянулся предъ нами съ оранжереею на концѣ, съ крытою галереею и башней на углу. Стеклое крыльцо было украшено вазами съ различными цвѣтами, разставленными съ большимъ вкусомъ. Мое удивленіе все болѣе возрастало. Какъ оазисъ среди пустыни, показался мнѣ этотъ домъ, которому не стыдно было-бы стоять и въ Парижѣ; содержится превосходно, украшенъ старательно, устроенъ со вкусомъ; онъ даже удивилъ-бы и приготовленнаго къ тому человека, а тѣмъ болѣе меня, ничего подобнаго не подозрѣвавшего, хотя я имѣлъ право судить по владѣльницѣ о ея имѣніи. Конюшій мрачный, какъ осень, сбросилъ свою походную бурку и пошелъ впередъ, ведя меня по большимъ заламъ, въ которыхъ вездѣ видно было прикосновеніе женской руки, съ эстетическимъ чувствомъ. Тысяча симметрически разставленныхъ бездѣлашекъ и различныхъ цвѣтовъ, роскошно раскинутая драпировка свидѣтельствовали о вкусѣ владѣльницы этого дома. Но кто-же она? Гдѣ она воспитывалась? Я задавалъ себѣ эти вопросы, идя по пустымъ комнатамъ, въ которыхъ дорогія картины, статуи, бронза доказывали не только высокое образованіе, но и богатство. Наконецъ, мы добрались до небольшого зала, въ которомъ трудно было повернуться отъ множества мебели и различныхъ вещей. Диваны, кресла, столики, скамеечки, приборы для рисованья и вышиванья, букеты цвѣтовъ, большія вазы тропическихъ растений загромождали этотъ уголокъ, забросанный вдобавокъ книжками. Прекрасное краснаго дерева фортепіано Эрара, съ вызолоченною рѣзбой, казалось, гнулось подъ тяжестью нотъ. Въ этой комнатѣ никого не было, но скоро отворилась боковая дверь, и Ирина, а за ней m-me Лацкая, вошли въ комнату. На Ирину было фіолетовое платье изъ плотной матеріи, стянутое шнуркомъ такого-же цвѣта; руки покрыты черными шелковыми перчатками по самыя локотки, волосы гладко причесаны; m-me Лацкая въ черномъ платьѣ и безъ чепчика. Я не могу выразить, какъ онѣ обѣ были хороши, въ особенности Ирина! Я ожидалъ

еще кого-нибудь увидѣть—отца, мать, тетку, бабушку, но никого болѣе не было. Ирина одна принимала насъ, какъ хозяйка дома: у конюшаго отняла сейчасъ шапку и перчатки, которыя онъ церемонно держалъ въ рукѣ; придвинула ему кресло, мнѣ указала другое и сама сѣла. Въ каждомъ движеніи ея выражалась неописанная прелесть. Какъ сонъ на зарѣ, прошелъ для меня этотъ вечеръ, и я не могъ ничего удержать въ памяти, осталось только общее впечатлѣніе самой пріятной минуты въ жизни. Трудно было развеселить моего дѣда, онъ то перебрасывалъ книги, то читалъ газеты, то ходилъ по комнатѣ, изрѣдка измѣряя насъ любопытнымъ и беспокойнымъ взглядомъ. Прекрасная хозяйка, которой давно уже не съ кѣмъ было подѣлиться мыслями, была весела. Я первый разъ въ жизни находился въ присутствіи женщины серьезной и весьма образованной, и, признаюсь, она мнѣ показала неземнымъ созданіемъ; мнѣ стыдно сдѣлалось потраченной моей молодости. Она точно на крыльяхъ своей мысли подняла меня и указала, какимъ кажется міръ, если на него смотрѣть съ высоты. Во всякомъ словѣ ея отпечатлѣвалась свѣтлая мысль. Строго, серьезно, говорила она о себѣ, перечисляя свои недостатки безъ трусливости, свойственной женщинамъ, которая иногда придаетъ ей еще болѣе прелести, а иногда служить только покрываломъ ея слабости. Въ обществѣ ея я чувствовалъ себя вооруженнымъ смѣлѣе и, ободренный, я рассказалъ ей часть своей жизни. Я теперь только узналъ, что дѣдъ мой гораздо лучше знаетъ мое прошедшее, нежели я предполагалъ; съ особенной ѣдкостью, будто шутя, онъ помогалъ мнѣ въ моей исповѣди, преувеличивая все то, что могло выказать меня съ дурной стороны. Изрѣдка поглядывалъ онъ на Ирину, какъ-будто хотѣлъ сказать: „вотъ видишь его, самъ себя рисуетъ“. Но она не показала ему виду, что перемѣнила обо мнѣ мнѣніе; напротивъ, обращалась со мной непринужденно, почти дружески. Казалось, мы давно съ ней были знакомы: во взглядѣ, въ движеніяхъ я угадывалъ ея прошедшее, котораго не зналъ. По мѣрѣ того, какъ покрывало спускалось съ этого божества, оно становилось все свѣтлѣе, прекраснѣе, совершеннѣе; близость нисколько не разочаровывала, а, напротивъ, возвышала ее.

Обращеніе дѣда для меня было загадкой. Когда Ирина неумышленно вспомнила о капитанѣ, конюшій опять процѣдилъ сквозь зубы: „Съѣсть чорта; съѣсть чорта!“ покрутилъ усы и покраснѣлъ. Я долженъ былъ, наконецъ, догадаться, что недоразумѣнія между капитаномъ и дѣдомъ были не изъ-за луга и лѣса. Почему прежде дѣдъ даже не вспомнилъ, что Ирина родня капитану?

Оставшись на ночь, мы отправились въ павильонъ, выстроенный въ саду. Изъ оконъ моей комнаты видѣнь былъ широкій прудъ, а за нимъ сѣдѣли вдаль сосновые лѣса. Нѣсколько книгъ лежали на этажеркѣ возлѣ кровати, я полюбопытствовалъ рассмотреть ихъ: всѣ были неизвѣстны мнѣ, какъ будто нарочно. Я долго читалъ, или, лучше сказать, мечталъ съ книгой въ рукахъ. Поутру прислали спросить меня: хочу-ли я сопутствовать паннѣ Иринѣ верхомъ въ ранней прогулкѣ? Я хотѣлъ воспользоваться случаемъ быть съ ней поближе и, одѣвшись, побѣжалъ къ большому дому. Лошади стояли уже передъ крыльцомъ. Конюшій, не желая, вѣроятно, отпустить насъ однихъ, хотя не совсѣмъ любилъ прогулки безъ цѣли (то есть безъ гончихъ), однако-жъ сѣлъ на гнѣдого, который былъ ему назначенъ.

М-ме Лацкая показалась только въ окнѣ, прося Ирину, чтобы она не слишкомъ шалила. Она вспрыгнула легко на ретиваго коня, въ той-же амазонкѣ, въ которой была въ Тужей-Горѣ, и помчалась галопомъ по улицѣ. Я держался возлѣ ея; конюшему трудно было справиться съ упрямою лошадью. Ирина смѣло управляла своею лошадью. Большая часть женщинъ, которыя ѣздить верхомъ, исключительно заняты лошадью, она-же, казалось, не обращала на нее никакого вниманія и вела съ нами живой разговоръ.

Мы ѣхали тихо по опушкѣ лѣса, примыкающей къ пруду. Съ одной стороны склонялись надъ нами сухія вѣтви деревьевъ, почти совсѣмъ обнаженные, и зеленыхъ сосенъ, съ другой—о песчаный берегъ плескали волны, движимыя вѣтромъ; узкая тропинка тянулась между лѣсомъ и водой. Торжественная тишина, тишина деревенская царствовала надъ нами; издали только слышенъ былъ грохотъ воза, гусиный крикъ, или разговоръ мужика. Ирина задумалась и, указывая на горизонтъ, воскликнула:—Боже мой! Скучать о городѣ!

— Спросите этого повѣсу Юрія,—злобно сказалъ конюшій, который подѣхалъ къ Иринѣ. Она съ любопытствомъ посмотрѣла на меня и, прочтя по моимъ глазамъ, что въ эту минуту я не грустилъ о городѣ, прибавила:

— Тѣ только стремятся въ города и къ городской жизни, которые думать не хотятъ и не находятся въ связи съ Богомъ и природой; живя искусственною жизнью и поддѣльными чувствами, они стараются оглохнуть, одурѣть, хотятъ жизнь сдѣлать игрушкой. Среди толпы и шума имѣютъ-ли они время подумать о себѣ и о Богѣ?

— Увѣряю васъ,—сказалъ я,—городъ для меня нисколько не привлекателенъ, но...

— Какое *но*? Городъ для общества представляетъ элементъ движенія и умственного прогресса. Городъ живетъ тѣмъ, что ему изъ деревни приплютъ, а такъ какъ рынокъ ежедневно нуждается въ деревенскомъ хлѣбѣ, въ продуктахъ, заработанныхъ потомъ мужика, то и для умственной жизни нуженъ ему плодъ деревенскаго труда. Большая часть великихъ философовъ жили и живутъ въ деревнѣ. Жанъ-Жакъ-Руссо, какъ вамъ извѣстно, не могъ свыкнуться съ городомъ; среди самаго города онъ искалъ деревни.

— О, философа!—закричалъ мой дѣдъ.

— Для того, чтобы обладать богатыми мыслями, нужно сосредоточиться въ самомъ себѣ,—продолжала она,—а въ городѣ человѣкъ принужденъ жить внѣшней жизнью, тамъ одно впечатлѣнiе скоро сглаживается другимъ; къ тому-же въ городѣ человѣкъ портится, я убѣждена въ этомъ. Безнравственныя зрѣлища не могутъ не имѣть дурного вліянія.

— Старая истина!—опять перебилъ конюшій.—Вы не передѣлаете этого заклятаго городского жителя, который не усидитъ съ нами даже нѣсколько недѣль.

— Почему?—спросилъ я.

— Почему!—отвѣтилъ старикъ, смѣясь,—потому, что здѣсь нѣтъ театра, а можетъ быть актрисъ, нѣтъ шумныхъ баловъ, карточныхъ вечеровъ, клубовъ, и жизнь идетъ ровно, какъ часы: тикъ-такъ, тикъ-такъ, однообразно.

— Правда, даже страхъ беретъ, какъ однообразно!—сказала Ирина.—Человѣкъ созданъ для чего-то высшаго, постоян-

наго, неизмѣннаго, а между тѣмъ чувствуетъ, что нѣтъ ничего постояннаго!

— Это ужасающее однообразіе есть признакъ счастья, — сказалъ я. — Мы боимся потерять то, что высоко цѣнимъ.

— Счастье, счастье! — говорила Ирина какъ-бы самой себѣ. — Да, это спокойствіе деревни и тихаго уединенія; иного счастья нѣтъ.

— О, есть еще иное! — вскричалъ я.

— Вы вѣрите въ него? — спросила она, отвернувшись, съ грустною улыбкой.

— Я? И вѣрю, и не вѣрю, но надѣюсь еще...

— Вы счастливы, — надежда на счастье есть уже счастье.

Мы замолчали. Нѣкоторое время мы ѣхали, не говоря ни слова. Конюшій и его лошадь рвались домой. Ирина пустила свою вороную во весь опоръ, и скоро мы прискакали къ крыльцу. Лошади конюшаго были запряжены.

— Что это значитъ? — спросила хозяйка.

— Мы уѣзжаемъ, — возразилъ старикъ.

— Это невозможно!

— Панъ Юрій торопится, — сказалъ конюшій.

— Панъ Юрій?

Я молчалъ, не желая противорѣчить моему дѣду. Она шепнула ему что-то на ухо; старикъ не соглашался, качалъ головой; она увела его въ галлерею, долго и убѣдительно говорила до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, старикъ не приказалъ распречь лошадей. Но, оставшись по ея просьбѣ, онъ сдѣлался невыносимъ и всю желчь свою излилъ на меня.

Но письмо мое переходитъ всякую мѣру приличія и объемомъ своимъ можетъ оправдать самыя странныя догадки почтмейстеровъ; я спѣшу его кончить, или, лучше сказать, прервать. Изъ слѣдующаго письма ты узнаешь судьбу твоего вѣрнаго друга Юрія.

У.

Тужа-Гора, 23 ноября.

Дорогой Эдмундъ! Не знаю, право, на чемъ я остановился въ послѣднемъ письмѣ; я чувствую потребность подѣлиться съ кѣмъ-нибудь и рассказать свои приключенія на Подлѣсьи.

Кажется, я остановился на томъ, что конюшій по просьбѣ

или по приказанію Ирины (это для меня пока тайна) остался со мною въ Румяной. Какъ только мы встали изъ-за стола, конюшій увидѣлъ изъ окна казака, ѣхавшаго изъ Тужей-Горы. Онъ побѣждалъ къ нему навстрѣчу въ безпокойствѣ. И было чего безпокоиться: экономя докладывалъ, что капитанъ, пользуясь отсутствіемъ дѣда, охотился въ тужегорскихъ лѣсахъ; отъ рубежа Куриловки, впрочемъ, онъ не далеко зашелъ, но все-таки въ тенеты, въ которыхъ содержались дикія козы и гдѣ никому нельзя было стрѣлять.

Нужно было знать страсть конюшаго къ охотѣ, чтобы представить себѣ его бѣшенство, ярость при этомъ извѣстїи. Онъ велѣлъ сейчасъ запретъ лошадей и готовиться въ путь, а самъ, прохаживаясь быстрыми шагами по комнатѣ, постоянно посматривалъ въ окно, не увидитъ-ли коляски, повторяя:

— Пулю въ лобъ пущу шельмѣ!

Ирина успокаивала его тѣмъ, что люди изъ усердія къ своему барину представляютъ фактъ въ преувеличенномъ видѣ; но онъ ничего не хотѣлъ слушать. Нѣсколько разъ бросилъ на меня испытующій взглядъ, какъ-будто хотѣлъ удостовѣриться, поѣду-ли я съ нимъ, и спросилъ вдругъ:

— Я надѣюсь, ты тоже поѣдешь со мной?

— Разумѣется!

— Почему разумѣется? — спросила Ирина. — Зачѣмъ вамъ ѣхать, панъ Юрій? А я хочу васъ просить остаться; я дамъ вамъ лошадей обратно или лошадь, что пожелаете.

— Зачѣмъ ему оставаться? — пробормоталъ конюшій.

— Затѣмъ, что вамъ панъ Юрій не нуженъ, а для меня онъ прїятный гость.

— Прїятный! — повторилъ сквозь зубы старикъ, подымая плечи.

— Впрочемъ, — говорила Ирина, — вечеромъ мы его отпустимъ. Сегодня я ожидаю пановъ Грабовъ, и вы, дорогой опекунъ, не можете сказать, что съ ними не стоитъ познакомиться.

Дѣдъ отвернулся съ какимъ-то отчаяніемъ, взялъ шапку и перчатки и, увидѣвъ подъѣзжающую коляску, сказалъ съ удареніемъ Ирину:

— По праву опекуна, я предостерегаю васъ. Молодой мальчишка, а вдобавокъ городской житель; женщины вскружили ему

голову. Скажите мнѣ, что онъ долженъ предполагать, когда вы его удерживаете, а? Онъ готовъ, бѣдняжка, напрасно влюбиться. Напрасно! — повторилъ еще разъ съ удареніемъ, — о, напрасно, накажи меня Богъ, если не напрасно!

— Благодарю васъ, дорогой опекунъ, за предостереженіе, — сказала Ирина, — но я слишкомъ хорошаго мнѣнія о панѣ Юріи, чтобы обвинять его въ самоувѣренности и легкомысліи. Я прошу его остаться, потому что съ нимъ весело время проходить. Но, если, пользуясь вѣжливостью и дружбой, онъ захотѣлъ-бы присвоить себѣ другія права, то вамъ извѣстно, дорогой конюшій, что я, безъ посторонней помощи, скажу ему, какъ я объ этомъ думаю. Вы вѣдь знаете меня.

Говоря это, она протянула ему руку, а старикъ, вспрыгнувъ въ коляску и приказавъ не жалѣть лошадей, помчался быстро къ загороженнымъ тенетамъ. Онъ мнѣ послѣ разсказывалъ, какъ они встрѣтились съ капитаномъ. Дѣйствительно, любезнѣйшій сосѣдъ забрался было въ поставленные тенета, и утверждалъ, что онъ сдѣлалъ это по своему невѣдѣнію, не зная настоящаго рубежа; а кромѣ того, онъ ни разу не стрѣлялъ и, получивъ предостереженіе отъ пограничныхъ сторожей, сейчасъ удалился въ свой лѣсъ. Разгнѣванный конюшій, узнавши отъ людей, что непріятель его расположился невдалекѣ отъ пограничныхъ дубовъ, поѣхалъ туда.

Капитанъ подошелъ къ нему съ улыбкой самой искренней дружбы; крѣпко жалъ въ своихъ объятіяхъ, цѣловалъ отталкивающего его конюшаго и усадилъ на колодѣ, не давая ему даже раскрыть рта.

— Ну, сто чертей! — закричалъ разъяренный конюшій, — я пришелъ ссориться. Вы, милостивый капитанъ...

— Ссориться? — перебилъ сосѣдъ, — намъ ссориться? Со мною, который васъ уважаетъ и любитъ, какъ отца! Со мною, готовымъ дать себя изрѣзать за васъ! Нѣтъ, нѣтъ, я не ожидаю такого несчастья!

— Ну, сто чертей! Зачѣмъ-же вы въ мои лѣса вступили? Вы знаете, что я охотникъ, знаете рубежъ.

— Я? Я вступалъ въ чужіе лѣса, я сдѣлалъ это преступленіе?! Да вы разрываете мое сердце, господинъ конюшій! Не сознаете-ли вы, что я не способенъ на это?!

— Зачѣмъ вы залѣзли въ мои тенета?

— По ошибкѣ! Спросите своихъ людей, охотился-ли я, стрѣлялъ-ли я?

— Ба! Но вы собакъ пустили, которыя травили моихъ дикихъ козъ.

— Собаки сами забѣжали. Вы сами знаете, почтеннѣйшій конюшій, что такое собаки, когда почуютъ звѣря! А когда его увидятъ! Извините...

— Но я сердить.

— Вы на меня сердиты, на покорнѣйшаго вашего слугу?! Нѣтъ, нѣтъ, не бывать такому несчастью! Я заболѣю! Да, нѣтъ, вы шутите и хотите только напугать меня.

— Вовсе нѣтъ. Еще гдѣ охотиться? Въ самыхъ лучшихъ тенетахъ!

— Развѣ я охотился?

— Вѣдь вы согнали мое стадо дикихъ козъ?

— Слушайте, панъ конюшій, — сказалъ капитанъ, — даю вамъ свою руку: честное слово, я не имѣлъ намѣренія сдѣлать вамъ непріятность. Вы можете въ цѣломъ лѣсу моемъ охотиться, и я вамъ слова не скажу; а въ вашемъ моя нога болѣе не будетъ. Ну, не сердитесь-же!

Конюшій, радъ не радъ, долженъ былъ успокоиться, но все еще ворчалъ про себя.

— Но для вѣрности, что одинъ не зайдетъ въ лѣсъ другого, — сказалъ капитанъ, подавая водочку и закуску, — не находите-ли вы нужнымъ провести пограничную линію?

— Да, въ самомъ дѣлѣ! Я тоже этого мнѣнія. Провести пограничную линію отъ одной насыпи къ другой.

— Вы согласны?

Капитанъ счумѣлъ убѣдить, наконецъ, ревностнѣйшаго охотника въ необходимости пограничной линіи. Увы, онъ вовсе не догадывался, какая въ этомъ таплась измѣна!

Но возвратимся къ Румяной. Ты будешь смѣяться, дорогой Эдмундъ. Прежде ты зналъ меня совсѣмъ инымъ; сначала ты сочтешь шуткой то, что я скажу тебѣ отъ чистаго сердца: люблю и люблю безъ надежды! Прежде мы знали съ тобою легко дающуюся любовь варшавскихъ гостиныхъ, которая неизвѣстно съ чего начинается и чѣмъ кончается; мы знали

тоже другую любовь, которая извѣстно чѣмъ кончается, а брать начало не въ сердцѣ, но въ карманѣ. Но такого святого, высокаго и чистаго чувства мы даже не предполагали. Я чувствую себя теперь переродившимся человѣкомъ: я вѣрю, надеюсь и живу. Бѣдность нисколько не пугаетъ меня. Свѣтъ, который потерялъ въ своихъ глазахъ всю прелесть и красоту, теперь имѣетъ для меня новую приманку. Я жажду труда, даже страданія, чтобы омыться отъ грязи прошедшаго. И все это дѣло женщины! Нѣтъ, сегодня я не могу болѣе писать. Прощай. *Юрій.*

VI.

Милостивому государю Юрію Сумнну.

Варшава, 15 ноября.

Дорогой Юраша, нашъ почтеннѣйшій пилигримъ, какъ поживаешь? Ты еще не умеръ съ тоски? Тебя не съѣли волки и медвѣди? И не измучилъ тебя отчаявающимся Станиславъ? Не отравили тебя помѣщики, сосѣди господина хохлатаго? Живѣли ты еще? Мы за тебя отслужили панихиду у Мачу, два прекрасныя, хотя короткія, погребальныя слова были произнесены въ память твою, изъ коихъ одно было слѣдующее: „бѣдный хлопецъ!“ другое: „дуракъ“ и больше ничего! Но мы понемногу начинаемъ забывать свою скорбь, горе и сиротство и изъ глубокаго траура переходимъ въ самый легкій. Одинъ только Шмуль Мальштейнъ въ неутолимой печали, потому что Мачу, которому ты остался кое-что долженъ, вѣрить еще въ твое воскресеніе. Напрасно мы смѣемся надъ нимъ: онъ остается при своемъ. Что касается Лауры, то она любитъ тебя теперь гораздо болѣе, нежели когда ты былъ здѣсь, постоянно говорить о тебѣ и вздыхаетъ; естественно, какъ женщина, любитъ то, чего не имѣетъ.

Альфредъ, у котораго ты выигралъ коляску на дорогу, объявилъ, что ты удралъ со своею добычей въ недоступныя страны, которыя орошены слезами Овидія (я не помню, гдѣ читалъ), и въ память дорогихъ слезъ римскаго поэта онъ навѣки превратились въ слякоть и болото.

Ты долженъ съ мужествомъ перенести, когда я скажу тебѣ, что городъ живетъ, шумитъ, кипитъ, хотя тебя нѣтъ въ немъ, какъ-будто онъ ничего не потерялъ; напротивъ, приближеніе зимы придаетъ ему еще болѣе оживленія.

Что касается меня, дорогой Юраша, хотя я вижу, что ты въ письмахъ своихъ смахиваешь на правоучителя, педанта и человѣка деликатныхъ нервовъ, такъ что вскорѣ я надѣюсь увидѣть тебя въ монашеской рясѣ, проповѣдующаго намъ, грѣшникамъ, въ монастырѣ капуциновъ, однако-жъ долженъ сознаться, что не имѣю ни малѣйшаго желанія, слѣдуя твоему примѣру, оставить прежнія привычки ради такъ называемаго исправленія жизни. Увы! Я закоренѣлый грѣшникъ; я не перенесъ бы тихой атмосферы скучной деревни, я не понимаю даже, какъ ты тамъ живешь? Свое исправленіе я отложилъ до появленія подагры и женитьбы; а это не раньше наступитъ, какъ выпадутъ мои зубы, и я велю себѣ вставить новые. Тогда я отыщу себѣ богатую купчиху или хоть дочь пражскаго мясника и стану проводить дни въ спокойствіи и раскаяніи.

Прошу тебя, во-первыхъ, извѣщать меня аккуратно обо всемъ, что съ тобой случится; во-вторыхъ, изъ твоихъ впечатлѣній и мыслей (но не приключеній, которыя собственно твои) я буду догадываться, что со мной случилось — бы, если-бы меня приговорили къ подобному изгнанію съ однимъ лишь отчаяніемъ и карманной чахоткой? Это будетъ интересное для меня изслѣдованіе.

У насъ рѣшительно ничего нѣтъ новаго. Въ этомъ сборищѣ новостей ничто не производитъ впечатлѣнія, и потому я выражаюсь, что нѣтъ ничего новаго. Мы нуждаемся въ колоссальныхъ новостяхъ, какъ, напримѣръ, пріѣздъ Лолы Монтеъ и трагическое ея прощанье, которые могли-бы насъ тронуть. Шмуль притворяется равнодушнымъ и не разспрашиваетъ болѣе о тебѣ; Лаура досталась одному изъ молодыхъ князей — ты его знаешь, тому самому, который все молчитъ; она очень имъ довольна, потому что онъ не ревнивъ, *la jalousie est capaille*, какъ въ отношеніи жены, такъ и въ отношеніи, какъ же ты это теперь называешь? Въ Маломъ театрѣ сегодня даютъ новую пьесу Корженевскаго; мода велитъ мнѣ идти, хотя,

признаться, балетъ я ставлю выше всего. Пока я лучше всего понимаю поэзію прекрасныхъ ножекъ и дѣвичьей груди. Прощай! Остаюсь всегда преданный тебѣ *Эдмундъ Суща*.

PS. Въ случаѣ, если ты возвратишься къ намъ, помни, что изъ Подлѣся обыкновенно привозятъ въ Варшаву: 1) дикую козу или кабана, 2) боченокъ рыжиковъ маринованныхъ и 3) трюфели. Трюфели необходимы; ты знаешь, какъ много мы ихъ требуемъ, а у Мачу они чересчуръ дороги.

VII.

Милостивому государю Эдмунду Сущѣ.

Тужа-Гора, 24 ноября.

Я не знаю, почему я съ такой подробностью описываю тебѣ свои приключенія, когда ты, по всей вѣроятности, будешь только смѣяться надъ ними. Я нахожу потребность подѣлиться съ кѣмъ-либо мыслями и потому пишу. Да, вы не узнали бы меня теперь, не узнали!

Слушай! Послѣ отъѣзда конюшаго я остался въ Румяной; ты можешь догадаться, какъ охотно я остался, но не думай, что, какъ у насъ говорятъ и дѣлаютъ, я воспользовался временемъ. Полюбивъ съ перваго взгляда, я нахожусь въ очень странномъ положеніи, вслѣдствіе нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ моимъ дѣдомъ, а еще болѣе вслѣдствіе того впечатлѣнія, какое на меня производитъ серьезное лицо королевы Ирины, и не понимаю даже совсѣмъ, что происходитъ въ моемъ сердцѣ. Дѣдъ заподозрилъ — бы меня въ корыстолюбіи и намѣреніи жениться на богатой, потому что теперь я бѣденъ, а она миллионерка; кто знаетъ, можетъ быть и другіе люди также думали-бы? Я долженъ любить и молчать. Я ушелъ въ самого себя и принялъ оболочку равнодушія, которая дорого мнѣ стоитъ. Но свои страданія я переносу съ величественной гордостью. Мнѣ пріятно страдать изъ-за нея; я разжигаю свои страданія, чтобъ еще сильнѣе чувствовать ихъ. Я ими прогоняю свое прежнее самолюбіе и прежняго человѣка.

Утро прошло, какъ и предыдущій день, скоро, неуловимо. Обѣ дамы сидѣли надъ работой; я читалъ имъ. Боже мой!

какъ онѣ были прекрасны! Одна въ цвѣтѣ жизни, силы, чувствъ, сіяющая красотой, вторая—на послѣдней ступени молодости и такъ серьезна, грустна, молчалива и ко всему равнодушна! Я мало тебѣ говорилъ о госпожѣ Лацкой, хотя, если-бъ не было Ирины, она могла-бы сильно заинтересовать меня своей таинственной наружностью; но при солнцѣ меркнетъ эта свѣтлая звѣзда. Не разъ, однако, я задавалъ себѣ вопросъ: отчего она страдаетъ? Откуда такое преждевременное равнодушіе и презрѣніе ко всему? Я очень хотѣлъ узнать что-либо отъ m-elle Ирины о ея компаньонкѣ, но она отдѣлывалась одними общими отвѣтами, а сама m-me Лацкая говорить вообще очень мало а себѣ никогда ни слова; такъ я ничего и не знаю,—кто она и какое прошедшее тяготѣетъ надъ нею?

Послѣ обѣда мы ожидали визита господина Грабы, о которомъ капитанъ говоритъ, что его зовутъ *чудакомъ*. Въ четвертомъ часу вечера мы, дѣйствительно, услышали топотъ лошадей и Ирина вскочила со стула такъ живо, что я позавидовалъ новому гостю.

— Это панъ Граба!

— Панъ Хуторъ-Граба,—прибавила Лацкая съ удареніемъ.— Произнеси, Ирина, всю его фамилію.

— Вы увидите, — сказала, улыбаясь, Ирина,—что этотъ человѣкъ еще страннѣе своей фамиліи. Предостерегаю васъ, будьте осторожны,

Я улыбнулся.

— О! не смѣйтесь! Можетъ быть, вы меня не поняли. Человѣкъ этотъ страшенъ своей добродѣтелью и твердостью характера.

Въ это время двери отворились, и вошелъ упомянутый сосѣдъ. Но, извини меня, что я болѣе не пишу и посылаю тебѣ письмо короче прежнихъ. Писать теперь не могу, не уиѣю; я хочу думать и быть съ самимъ собою.

Прощай! Остальное въ слѣдующей почтѣ. *Юрій*.

Письма Юрія, которыя составляютъ начало нашей повѣсти, прекращаются на этомъ отрывкѣ и скоро опять будутъ собраны въ одно цѣлое. И такъ, мы должны замѣнить рассказомъ то, чего въ нихъ недостаетъ.

VIII.

Два прїѣзжіе, вошедшіе въ залу, были: старый панъ Хуторъ-Граба и Янъ, сынъ его; но на Юрія, приготовившагося увидѣть что-то очень странное, гости не произвели сначала такого впечатлѣнія, какого онъ ожидалъ.

Хуторъ-Граба называли старымъ, вѣроятно въ различіе отъ сына, потому что ни лѣта его, ни наружность не оправдывали названія. Степенность и доброта видны были въ прїятныхъ чертахъ еще до сихъ поръ свѣжаго лица его. Ему было около пятидесяти лѣтъ, но бодрый старикъ былъ полонъ силы, только около висковъ коротко подстриженные волосы начинали серебриться. Онъ могъ служить ваятелю моделью для изображенія силы и спокойствія, красоты и прекраснаго тѣлосложенія, съ выраженіемъ доброты и ума въ лицѣ. Взглянувъ на него, сразу можно было угадать, что эту силу придавало не тѣло, но душа.

Высокій, гладкій и до половины бѣлый лобъ подымался надъ синими и ясными глазами; немного повисшія надъ ними брови обрамляли двумя дугами зрачки глазъ, полныхъ тихаго и прїятнаго огня. Сарматскій носъ, роскошно завитые усы и и красныя губы, со строгою и немного грустной улыбкой, дополняли его фізіономію. Онъ держался прямо, по солдатски, но съ мужественнымъ видомъ. Высокая грудь, широкія плечи, стройный станъ, красивыя руки и ноги гармонировали съ его фигурой, на которой отпечатлѣвалось славянское происхожденіе. Видно, что съ кровью, которая текла въ его жилахъ, не смѣшался другой элементъ.

Одѣтъ онъ былъ очень скромно: на немъ была венгерка изъ темносѣраго сукна, остальное такого-же цвѣта и черный платокъ на шеѣ. Въ рукахъ держалъ онъ шапку, похожую на мужичьи польскія чеыерехугольныя шапки, употребляемыя обыкновенно лѣтомъ. Сынъ, слѣдующій за нимъ, былъ одѣтъ почти такъ-же, но отличался лицомъ. Въ немъ славянскій типъ былъ съ примѣсю другого неизвѣстнаго типа; волосы темнѣе, почти черные, цвѣтъ лица смуглѣе, глаза полные жизни. Тѣлосложеніе, манеры, улыбка напоминали отца.

Однимъ взглядомъ старый Граба осмотрѣлъ, кто находится въ залѣ, и подошелъ къ хозяйкѣ, которую привѣтствовалъ съ веселою улыбкой. Ирина живо привстала съ дивана и, подавая руку гостю съ радостью, которой не таила, искренно привѣтствовала его словами:

— А! Съ какимъ нетерпѣніемъ я васъ ждала.

— Благодарю васъ. Вамъ извѣстно (говорилъ онъ, кланаясь всѣмъ), что я не умѣю говорить комплиментовъ, но что говорю — то чувствую. Благодарю васъ, отъ души благодарю!

Юрій, котораго предупредили о Грабѣ, привсталъ робко и почтительно, чтобы отдать поклонъ, когда хозяйка представляла ихъ другъ другу.

Старый Граба поклонился вѣжливо, окинулъ провзительнымъ взглядомъ молодого человѣка и сѣлъ возлѣ круглаго столика. Сынъ, между тѣмъ, подошелъ къ m-me Лацкой, которая съ явнымъ неудовольствіемъ и гордымъ равнодушіемъ привѣтствовала пріѣзжихъ — и отвѣчала на вопросы только полусловами. Ирина еще разъ поблагодарила Грабу за его пріѣздъ.

— Странно, что вы меня за это благодарите, — улыбаясь, сказалъ пріѣзжій, вы, которая хорошо меня знаете и понимаете. Я недостойнъ никакой благодарности, потому что навѣщаю или ради собственного удовольствія, или по обязанности.

— Неужели вы, дорогой сосѣдъ, только ради собственного удовольствія, или по принужденію имѣете столкновеніе съ людьми?

— Мы должны объясниться, — возразилъ гость съ улыбкой, опираясь на ручку стола, — обыкновенно люди ѣздятъ въ гости, чтобы убить время, для свѣтскихъ приличій, или наконецъ по другимъ причинамъ, которыхъ сами не умѣютъ объяснить, какъ напримѣръ изъ любопытства. Но я не навѣщаю никого, чтобы убить время, потому что оно дорого для меня. Свѣтскихъ приличій я не признаю. Я навѣщаю только тѣхъ, которыхъ люблю и желаю видѣть, или тѣхъ, которымъ, не любя, я надѣюсь быть въ чемъ-либо полезнымъ.

— О! — вскричала, смѣясь, Ирина, — вы напоминаете мнѣ, какъ васъ послѣдній разъ принялъ капитанъ.

— Это пустяки.

— Вы не знаете, — сказала хозяйка, обращаясь къ Юрію, —

если-бы не присутствіе героя этой сцены, я рассказала-бы ее вамъ, потому что стоитъ рассказать.

— Вы можете рассказать ее, если вамъ угодно, — сказалъ Граба, немного подумавъ,—это послужитъ незнакомому гостю къ описанію сосѣда, котораго всѣ называютъ *чудакомъ*, и вѣрно не безъ причины.

— И такъ, я воспользуюсь позволеніемъ, — продолжала Ирина.—Во-первыхъ, вы должны знать, что почтеннѣйшій сосѣдъ нашъ придерживается совѣмъ другихъ правилъ, которыми мы обыкновенно слѣдуемъ.

— Они другія, но вѣрнѣе ведутъ къ цѣли.

— Какая-жъ цѣль жизни?—спросила Ирина.—Не будетъ-ли она всегда одной лишь загадкой?

— О, жизнь не загадка!—возразилъ панъ Граба.—Ясно и совершенно справедливо, что цѣль жизни— быть полезнымъ ближнему, а умомъ и поступками возноситься какъ можно болѣе къ Божеству, на подобіе котораго мы сотворены.

— И такъ?

— И такъ, мы должны стремиться къ усовершенствованію самихъ себя и для этого употребить все время и всѣ наши силы. Вотъ цѣль жизни.

— А главное средство?—спросила Ирина, принимая серьезный видъ.

— О! нашъ разговоръ похожъ на проповѣдь; но, если мы начали, то должны кончить. Средство—трудъ и жертва. Не трудясь надъ собою и не посвящая себя ближнему, мы не будемъ полезны ни обществу, ни самимъ себѣ.

— Вы теперь видите,—заговорила Ирина,—каковъ нашъ дорогой сосѣдъ. И это не пустые слова, но очеркъ его жизни и дѣйствій. Не знаю, догадываетесь-ли вы, что отъ примѣненія столь строгихъ правилъ къ жизни часто должны были происходить очень странныя приключенія.

Юрій улыбнулся.

— Мы всѣ,—продолжала Ирина,—точно въ туманѣ видимъ эту цѣль, но прямо и смѣло идти къ ней не всегда позволяетъ намъ окружающее общество, или, скорѣе, уваженіе наше къ нему; иначе жизнь сдѣлалась-бы кровавой битвой.

— Кто мужественно несетъ бремя жизни, свято исполняетъ

свою обязанность и свое высокое назначеніе, — возразилъ Граба, — для того жизнь всегда должна быть кровавой битвой.

— Но мы далеко ушли отъ разсказа, — перебила Ирина, — возвратимся къ нему. Когда панъ Граба полагаетъ, что можетъ ому - нибудь - принести пользу совѣтомъ, словомъ, дѣйствиємъ, посредничествомъ, то даже незнакомый и незванный пріѣзжаетъ... Какъ это вы, господа, называете на латинскомъ языкѣ?

— Вѣрно, *Deus ex machina*, — тихо прибавилъ сынъ, смотря почтительно на отца.

— Но не всегда ему удается быть полезнымъ, въ особенности когда идетъ дѣло о примиреніи поссорившихся; тогда часто ему приходится переносить невѣжливости съ той и другой стороны. Спустя нѣсколько недѣль, капитанъ, мой родственникъ, поспорилъ съ паномъ подкоморіемъ о рубежѣ, что съ нимъ часто случается. Оба они чрезвычайно горячи, съ тою только разницею, что капитанъ прикрываетъ свою вспыльчивость наружнымъ равнодушіемъ, а подкоморій высказывается весь, каковъ онъ на дѣлѣ, даже если-бы ему пришлось краснѣть за себя. Панъ Граба, узнавши, что они съѣдутся вмѣстѣ, предвидѣлъ, до какой крайности могутъ дойти, если послѣ долгой ссоры встрѣтятся съ глазу на глазъ. Мнимое хладнокровіе капитана, безъ сомнѣнія, бѣсило подкоморьяго; вспышки старика еще болѣе отклоняли примиреніе и дѣлали его даже невозможнымъ. Достойный сосѣдъ нашъ, узнавши о съѣздѣ, будучи мало знакомъ, рѣшился явиться въ качествѣ посредника въ назначенный день.

— Вы должны прибавить, — сказалъ панъ Граба, — если уже вы хотите ничтожную жертву моего спокойствія вознести на степень величайшаго подвига, что капитанъ и подкоморій, какъ и все сосѣдство наше, вѣрно по моей винѣ, не любятъ меня.

— Съѣздъ былъ назначенъ у господина подкоморія: два исправника, панъ Дудичъ и еще кто-то по сосѣдству были приглашены на этотъ съѣздъ, какъ вдругъ панъ Граба является совсѣмъ неожиданно.

— Не стоитъ разсказывать, — сказалъ гость, — кончилось тѣмъ, что обѣ стороны примирились.

— Да, они согласились, — прибавила, смѣясь, Ирина, — довольно грубо попросить васъ уйти.

— Чѣмъ вы могли заслужить это?— спросилъ Юрій.

— О, я заслужилъ это! Я имѣю обыкновеніе говорить всегда и вездѣ правду въ глаза. Если меня спросать, я откровенно высказываю свои мысли. Я полагаю, что человѣкъ, уважающій себя и тѣхъ, съ которыми имѣетъ дѣло, долженъ считать своею обязанностью говорить то, что думаетъ. Дѣтямъ только не говорить всей правды, потому что они не поймутъ ея.

— Но кто же любить истину?— спросила Ирина.

— Она не совсѣмъ нравится: это горькая пища, которую мы охотно предлагаемъ другимъ, но сами вкушать ее не любимъ, къ ней нужно привыкнуть.

— Въ концѣ-концовъ сосѣдъ далъ вкусить одной и другой партіи спорящихъ такую большую порцію этой горькой пищи, притомъ безъ всякой приправы и за одинъ пріемъ, что чуть не выруганный...

— Говорите, прошу васъ, все, какъ случилось, не скрывая ничего.

— Хуже, чѣмъ обруганный, увѣ! почти вытолканный, долженъ былъ уѣхать изъ дому пана подкоморія. Это послужить вамъ урокомъ не вмѣшиваться въ чужія дѣла.

— Извините, къ несчастью, это нисколько не проучило меня,—сказалъ Граба.—Если десять попытокъ будутъ бесполезны, а одиннадцатая принесетъ плодъ, я доволенъ. Наконецъ, если-бы и всю жизнь мнѣ пришлось напрасно трудиться, все-таки желаніе труда останется во мнѣ всегда непоколебимымъ.

— Но, сознайтесь,—спросила Ирина,—что вы сказали слишкомъ рѣзкую правду въ глаза этимъ господамъ!

— Но только не всю. Я держусь правила: строго судить въ глаза, но заочно—съ умѣренностью, о собственныхъ-же врагахъ ничего не говорить, страшась самого себя и чувствъ, которыя не должны вліять на сужденіе.

— Это софизмъ!—отозвалась пани Лацкая.—Какъ, чувства не должны имѣть вліянія на сужденіе? Развѣ умъ судить всегда справедливо? Чувства перѣдко лучше его.

— Можетъ быть,—возразилъ панъ Граба,—но сужденіе разума вѣрнѣе. Впрочемъ, я согласенъ съ сужденіемъ дружескаго чувства; но всякое личное недоразумѣніе оно не можетъ рѣшать справедливо.

Слова пана Грабы, рассказ Ирины и начало разговора произвели странное впечатлѣніе на Юрія; ему ничего подобнаго не случилось слышать.

Люди, нравственную силу которыхъ нельзя оцѣнить, производятъ непонятное дѣйствіе на ближняго. Къ числу подобныхъ принадлежалъ этотъ *чужакъ*, который приковывалъ къ себѣ, чуть-ли не съ перваго разу, однихъ страхомъ, другихъ любовью и уваженіемъ. Злой человѣкъ въ присутствіи его дрожалъ, смущался, чувствовалъ безпокойство отъ его взгляда и готовъ былъ бѣжать; но у кого тлѣлась искра добра, у кого былъ зародышъ благородства, тотъ чувствовалъ душевную теплоту при видѣ пана Грабы, возносился духомъ, слушая его, дѣлался добрѣе, смѣлѣе и спокойнѣе. Такое именно впечатлѣніе произвелъ Граба на Юрія. Собственное его размышленіе указало ему ложную дорогу, по которой онъ повелъ свое прошедшее, а теперь нѣсколько словъ навели его на истинный, прямой путь.

Онъ поникъ головой, задумался и когда опомнился и поднялъ глаза, то разговоръ перешелъ уже къ другому предмету. Говорили объ уѣздѣ, о помѣщикахъ, о наступающихъ выборахъ въ губернскомъ городѣ. Панъ Граба, отвѣчая на вопросъ Ирины, сказалъ съ достоинствомъ:

— Я поѣду на выборы. Не понимаю, почему мнѣ не принять участія въ столь важномъ для насъ дѣлѣ? Слабые и равнодушные люди избѣгаютъ подобныхъ сѣздовъ, говоря, что они ни къ чему не поведутъ, и совсѣмъ бесполезны. Но это ложь. Вездѣ и всегда, если только захочетъ, человѣкъ можетъ быть полезнымъ.

— Дѣйствительно, — возразила Ирина, — но нынѣ поле дѣйствій такъ нешироко.

— Для тѣхъ, которые не знаютъ его предѣловъ. О! я не хочу унижать своихъ соотечественниковъ! Но, увы, большая часть ихъ дастъ отвѣтъ передъ Богомъ и потомками за свою лѣнь и нерадѣніе. Мы говоримъ много, но дѣлаемъ или очень мало, или вовсе ничего.

— Что-же можетъ быть болѣе естественнаго? — тихо спросила Ирина.

— Да, на время. Но дѣло мужчины отереть слезу стыда и той-же рукой, которая отерла ее, взяться за трудъ.

- Когда сердце ноетъ?
- Трудъ унимаетъ страданія.
- Но силъ не хватаетъ...
- Трудъ увеличиваетъ силы.
- Но нѣтъ цѣли трудиться.

— Такъ слѣдуетъ еще разъ протереть глаза, потому что слезы намъ мѣшаютъ ее видѣть. Цѣль, это—мы всё, не одно лицо, но цѣлая масса. Въ каждомъ страданіи есть зародышъ собственной вины. Въ бѣдствіи мы прежде всего должны стараться возвыситься духомъ, очистить грязь и проложить себѣ дорогу къ нравственному усовершенствованію.

— Да, да!—съ жаромъ подхватилъ Юрій,—если человѣкъ, отдѣльно взятый, или весь народъ, хочетъ жить, то не долженъ плакать на полѣ брани; но, похоронивъ мертвыхъ, спасать живыхъ!

— Вы высказали мою мысль,—прибавилъ съ удивленіемъ Граба.—Благородныя чувства не скоро угасаютъ, нужно только ихъ разжигать и трудиться надъ ними.

— Трудъ, трудъ, трудъ!—постоянный припѣвъ всѣхъ нашихъ пѣсенъ,—воскликнула Ирина.—Право, вы слишкомъ уже насъ ругаете имъ.

— Я совѣтую вамъ прочесть,—перебила м-ше Лацкая,—что высказалъ о немъ Байронъ въ своемъ Кайнѣ.

— Вы постоянно намъ ставите этотъ трудъ, какъ привидѣніе передъ глазами,—сказала Ирина.—Кончится тѣмъ, что мы испугаемся и убѣжимъ.

— Мы пугаемъ васъ трудомъ? Вы сами его пугаетесь. Значеніе труда до сихъ поръ непонятно, и потому онъ для многихъ кажется страшнымъ. Что такое трудъ? Это—созиданіе. А что можетъ быть отрадіе воспроизведенія чего бы-то ни было, созиданія? Воздѣлываемъ-ли трудомъ чувство, мысль, зерно хлѣба—все-же создаемъ. Всякое произведеніе заключаетъ въ себѣ страданіе и отраду: трудъ имѣетъ то и другое. Но страданіе скоропроходяще, а отрада постоянна.

— Право, нужно восхищаться,—отозвалась пани Лацкая,—съ какою легкостью нашъ совѣдъ составляетъ теоріи и объясняетъ ихъ. Къ несчастью, здѣсь нѣтъ никого, кто-бы могъ опровергнуть ихъ; но, мнѣ кажется, это очень легко сдѣлать.

— Я ожидаю и слушаю,—сказалъ Граба.

— Я, слабая женщина, не могу состязаться съ такимъ борцомъ!—проницески сказала м-ме Лацкая,—однако-жъ я осмѣливаюсь спросить: всякій-ли трудъ можно подвести подъ эту общую теорію? Мнѣ кажется, что трудъ можно раздѣлить на двѣ различныя категоріи: трудъ умственный и механический; первый—производительный, а второй—только изнурительный. Хотя разборъ бѣлаго мака отъ чернаго будетъ тоже трудъ, но сомнѣваюсь, чтобъ панъ Граба съ пріятностію взялся за него.

— Безъ сомнѣнія! — смѣясь, отвѣтилъ Граба, — но есть тоже два разряда людей: мыслящихъ и почти немыслящихъ, или мыслящихъ такъ мало, что перебирание мака будетъ служить удовлетворительной темой для ихъ разговора. Каждый человѣкъ избираетъ соотвѣтственный ему трудъ, и только въ такомъ случаѣ онъ будетъ полезенъ обществу. Извините, если я вамъ скажу, что въ нравственномъ отношеніи перебирание мака лучше бездѣйствія. Ни одна женщина, если бы ее съ дѣтства приучили къ терпѣнію и труду, распутывая шелкъ или перебирая макъ, какъ бывало встарину у нашихъ дѣдовъ, не изнывала-бы въ будущемъ подъ бременемъ жизни, потому что она нашла-бы достаточно для этого силъ.

М-ме Лацкая, принимая послѣднія слова на свой счетъ, покраснѣла отъ гнѣва и, сжимая губы, склонила голову къ работѣ, не отвѣтивъ ничего. Граба повернулся къ окну, посмотрѣлъ и вдругъ, задрожавъ, подбѣжалъ ближе.

Вслѣдъ за нимъ всѣ встали, не зная въ чемъ дѣло, но, судя по быстрому движенію его, можно было предполагать, что онъ не безъ причины смотрѣлъ въ окно.

— Что тамъ такое? — спросила съ живостью Ирина, подходя къ окну.

Граба, молча, смотрѣлъ, блѣдный, и что-то соображалъ.

Столъ густого дыма, принимая снизу кровавые оттѣнки, подымался съ сѣверной точки горизонта надъ лѣсомъ, окружающимъ окрестность.

— О, горе! Пожаръ! — вскричали женщины.

— Пожаръ! — повторилъ Граба, — и, кажется, въ моей деревнѣ. Но, если даже и не у меня, обязанность всякаго, имѣющаго здоровыя руки, спѣшить на помощь несчастнымъ.

Граба схватилъ шалку и бросился къ двери. Юрій задержалъ его.

— Позвольте мнѣ сопутствовать вамъ,—сказалъ онъ,—и у меня здоровыя руки, хотя еще не привыкшія къ работѣ, не пренебрегайте ими.

— Пойдемъ скорѣе!

Въ дверяхъ прощальный взглядъ Ирины вдвойнѣ подкрѣпилъ въ немъ рвеніе и мужество. У порога, прощаясь, Ирина воскликнула;

— А я должна остаться? Развѣ мы, бѣдныя женщины, рѣшительно ни къ чему негодны?—Лицо ея запылало алою краской; она схватила колокольчикъ.—И я съ вами! Коня!—сказала входящему человѣку,—для пана Сумина и для меня! Если я умѣю ѣздить для своего удовольствія, съумѣю поѣхать и на пожаръ. Если не спасу несчастнаго, по крайней мѣрѣ утѣшу его.

М-ме Лацкая въ безпокойствѣ и почти во гнѣвѣ подбѣжала къ Иринѣ, пыталась уговорить ее не ѣхать на пожаръ, но напрасно; Ирина была непоколебима.

— Я скоро вернусь. Можетъ быть, я пригожусь тамъ: буду руководить, приказывать другимъ спасать народъ, если сама не съумѣю. О, нѣтъ! Женщина не такъ безсильна, какъ вамъ кажется. Не правда-ли панъ Граба? Не могу-ли я ѣхать? Не пригожусь-ли я вамъ для спасенія людей?

Граба стоялъ взволнованный и молчалъ.

— Лучше останьтесь, м-ме Ирина,—сказалъ онъ,—вечерѣтъ, дорога не хороша.

— Нѣтъ! Пустите меня, я должна ѣхать. Коня, коня!—И, васкоро набросивъ шлану, шерстяной бурнусъ, платокъ, она выбѣжала на крыльцо, не слушая м-ме Лацкой, топая нетерпѣливо ногами и поглядывая то на конюшню, то на пожаръ, все болѣе усиливавшійся.

Наконецъ послышался топотъ коней, которыхъ рысью вели изъ конюшни. Оба Грабы сѣли на своихъ; Юрію дали верховую лошадь, Иринѣ ея любимца Бѣлоножку; а всѣ дворовые, по принятому обычаю, вскочили, кто на какую лошадь и готовились сопутствовать своей госпожѣ.

Изъ деревни видно было множество лошадей, скачущихъ въ

перегонку по направленію пожара. Каждый изъ нихъ бросилъ работу, вскочилъ на лошадь и помчался къ зареву.

Въ свитѣ дворовыхъ людей отецъ и сынъ Грабы, Ирина, Юрій мчались во весь опоръ. Странное зрѣлище представляла эта женщина во главѣ нѣсколькихъ десятковъ всадниковъ, среди которыхъ блѣдное, но мужественное, лицо стараго Грабы, печальное — его сына, мрачное и страстное — Юрія отражались на первомъ планѣ. Всѣ молчали; хорошо выкормленные лошади быстро мчались. По дорогѣ свита постоянно увеличивалась присоединявшимися къ ней крестьянами, которые спѣшили на пожаръ. Всѣ устремили глаза на огромное зарево. Огонь все болѣе расширялся, раздуваемый осеннимъ вѣтромъ. Столбъ черного дыму, среди котораго сіяли, какъ звѣзды, поднимающіяся искры, возносился медленно вверхъ, то разстилаясь далеко направо и налево, то опять утихая.

Деревня пана Грабы лежала за лѣсомъ, дорога къ ней шла крутая, ухабистая, и для скоро скачущихъ лошадей даже опасная; многіе должны были осадить своихъ рысаковъ, только отецъ и сынъ Граба, Юрій и Ирина гнали своихъ по полямъ, спѣша на помощь несчастнымъ. Въ сумеркахъ иногда мелькала лужа, плескалась вода подъ ногами лошадей, трещали вѣтви, шелестѣли листья, или конь фыркалъ, испугавшись.

Лѣсъ началъ рѣдѣть, а мракъ становился гуще и гуще, сквозь перепутанныя вѣтви деревьевъ видно было кровавое зарево пожара. Деревня была за плотиной и лугомъ, не менѣе полумили разстоянія; но огонь освѣщалъ весь этотъ путь людямъ, спѣшавшимъ на помощь. Проѣхавши лѣсъ, старейшій Граба замѣтилъ, что догадки его, къ несчастію, оправдались: горѣла его деревня, а вѣтеръ бросалъ пламя отъ одной житницы къ другой, и рядъ крестьянскихъ сараевъ, наполненныхъ осеннимъ хлѣбомъ, почти весь былъ въ огнѣ.

— О, лучше-бы мои сарай и скирды горѣли! — вскричалъ съ чувствомъ Граба. — Бѣдный народъ, бѣдный народъ! — И, стегнувъ сильно коня, онъ поскакалъ впередъ. Страшное, но величественное, зрѣлище представлялъ пожаръ. Почти черное небо озарялось кровавыми клубами дыму; лѣсъ, куполъ церкви сіяли яркимъ блескомъ. Гумна, точно погребальные костры, пылали то синимъ, то желтымъ, то краснымъ пламенемъ. Трескъ

падающихъ строеній, изъ которыхъ съ яростью вспыхивало пламя, крикъ людей, печальный звукъ колоколовъ и глухой шумъ осенняго вѣтра сливались въ одинъ печальный хоръ. Чѣмъ ближе подъѣзжали всадники, тѣмъ яснѣе слышенъ былъ крикъ, отъ котораго ихъ сердце разрывалось въ груди. Ирина была блѣдна, глаза ея сверкали; устремивъ взглядъ на пылающую деревню, она машинально гнала свою лошадь. Юрій, несмотря на чувства, которыя давили его грудь, взглянувъ на Ирину, не могъ не сознаться, что воодушевленіе усиливаетъ красоту и еще болѣе возвышаетъ ее. Въ эту минуту Ирина была идеальнымъ созданіемъ, какое только художникъ въ минуту божественнаго вдохновенія въ состояніи создать магическою кистью на холстѣ.

Когда они подъѣзжали къ деревнѣ, жаръ огня обхватилъ ихъ кругомъ, удушливый дымъ давилъ грудь. Отецъ и сынъ, желая скорѣе поспѣть, гнали изъ послѣднихъ силъ своихъ лошадей и, перескакивая низкіе заборы, пустились чрезъ огороды. Юрій и Ирина послѣдовали ихъ примѣру. Вѣтеръ гналъ имъ въ глаза дымъ и искры, и лошади бросались во все стороны. Земля была покрыта догорающими снопами и раскаленными угольями. Они подъѣхали къ сараямъ, которыхъ огонь еще не коснулся, а потому здѣсь помощь была нужнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Лошадь пана Грабы, которую онъ пустилъ свободно, неслась, фыркая, по знакомой дорогѣ во дворъ и конюшни.

— Баринъ, баринъ! — радостно крикнуло нѣсколько голосовъ.

— На крышу, ребята! — крикнулъ Граба, поднимая руки, — разбросать сарай Василя, прекратится огонь!

И въ одинъ мигъ мѣстные люди и пріѣзжіе карабкались на строеніе; но въ это, же время слышенъ былъ жалобный стонъ.

— Хаты горятъ, хаты горятъ!

Граба пустился бѣжать по тѣснымъ закоулкамъ между двумя горящими сараями и проскользнулъ скоро на улицу къ хатамъ. Дѣйствительно, рядъ хатъ занялся пламенемъ.

Здѣсь собралась толпа народа: кто спасалъ что могъ, а кто плакалъ, ломая руки, надъ тѣмъ, что потерялъ, или цѣпенѣлъ отъ страха, опасаясь того, что ему угрожаетъ. Одна хата, вся обхваченная пламенемъ, горѣла сильнѣе и быстрѣе другихъ. Народъ выбрасывалъ на дворъ уцѣлѣвшую утварь.

Вдругъ послышался пронзительный крикъ женщины, которая, ломая руки, бѣжала къ хатамъ.

— Мое дитя! Мое дитя! Гдѣ мое дитя?!

Мужъ, опустивъ голову, стоялъ молча, она металась въ отчаяніи. Пламя черезъ сѣни проходило уже во внутрь избы, полной дыму. Услышавъ этотъ крикъ, не задумавшись ни на одну минуту, старый Граба вломился въ дверь. Сынъ, шедшій за нимъ, увидѣвъ это, остановился и оцѣпенѣлъ; но, видя, что отецъ не возвращается, вмигъ бросился въ дверь строенія, которое все болѣе и болѣе разгоралось, и исчезъ въ клубахъ дыма. Народъ, любившій барина какъ отца, съ пронзительнымъ крикомъ окружилъ хату, переставая спасать строеніе. Вдругъ отецъ и сынъ съ ребенкомъ въ рукахъ показались въ дверяхъ хаты, выскочивши изъ нея въ дыму и копоти, но невредимые. Всѣ ахнули въ одинъ голосъ отъ радости и удивленія. А мать? — Она упала къ ногамъ спасителя ея дитяти, протягивая руки, схватила своего единственного сына и, прижимая его къ груди, упала безъ чувствъ.

Граба былъ уже въ другомъ дворѣ, становилъ людей въ рядъ отъ колодца къ горящему строенію, подавалъ самъ ведра, воодушевлялъ, просилъ, приказывалъ народу. Примѣръ пана Грабы воодушевилъ народъ и придалъ ему рѣшимость побѣдить предразсудокъ, будто огонь отомстить тому, кто будетъ заливать его. Молодые и старые съ усердіемъ бросились ломать обхваченныя пламенемъ строенія, чтобъ загородить дорогу распространенію огня. Отецъ и сынъ Грабы съ Юріемъ, для котораго опасность въ глазахъ Ирины казалась отрадой, были вездѣ первыми. Ирина, между тѣмъ, ласкала дѣтей, утѣшала рыдающихъ женщинъ и тихо молилась Богу.

Пожаръ зрчительно уменьшился, благодаря силѣ воли, разуму и присутствію духа распорядителей. На крышахъ, облитыхъ водою, сидѣли дворовые люди изъ Румяной; Юрій и молодой Граба трудились вмѣстѣ съ другими и распоряжались подачею ведеръ.

Кровавый блескъ постепенно исчезалъ; дымъ становился рѣже; тлѣли только тѣ строенія, которыя пожирало пламя. Граба сперва распорядился всѣмъ, поставилъ стражу у огня и видя, что опасность миновала, возвратился къ своимъ гостямъ

весь въ коноти, сажѣ и дыму, приглашая ихъ къ себѣ отдохнуть и подкрѣпить силы. Иринѣ въ особенности нуженъ былъ отдыхъ; душевное волненіе, верховая ѣзда, участіе ея во время пожара,—напоминали ей, что она женщина.

По приказанію, вмгѣ явились лошади, и каждый, вскочивъ на свою, помчался къ господскому дому.

Вдали, подъ тѣнью старыхъ деревьевъ, раскинутыхъ на холмѣ, бѣлѣли стѣны низкаго господскаго дома, къ которому вела широкая дорога. Тамъ и сямъ подъ старыми липами и дубами стояли простыя, но широкія, скамьи. Легко догадаться, что ихъ поставили не для господъ, но для крестьянъ, возвращающихся съ работы. Кое-гдѣ видѣлся крестъ между густыми вѣтвями деревъ. За холмомъ блестѣлъ теперь кровавыми отливами широкій и прозрачный прудъ. Нигдѣ здѣсь не встрѣтишь той заграничной роскоши, которую часто можно видѣть у насъ, рядомъ съ развалинами и опустошеніемъ; но порядокъ и со вкусомъ выстроенныя зданія дышали прелестью и простотой. Юрій, зная впередъ о богатствѣ пана Грабы, удивлялся съ какою простотою выстроена его усадьба.

— Вы, вѣроятно, живете въ другомъ имѣніи?—спросилъ Юрій.

— Нѣтъ,—улыбаясь, отвѣтилъ хозяинъ.—Я понимаю, почему вы мнѣ дѣлаете этотъ вопросъ: вы удивляетесь моему скромному жилищу, зная, что я богатъ. Но богатство не должно служить орудіемъ для нравственной порчи. Роскошь изнѣживаетъ насъ, дѣлаетъ рабами тѣла и портитъ, потому что отнимаетъ закалъ души. Я избѣгаю роскоши и нѣги не столько для себя, сколько для сына. Зачѣмъ пріучаться къ тому, что не составляетъ необходимости, а только по привычкѣ дѣлается необходимостью и рождаетъ непріятныя страданія?

При этихъ словахъ они остановились передъ крыльцомъ дома.

Домъ пана Грабы былъ небольшой, невысокій, но бѣлый, чистый, и простота составляла все его украшеніе; однако-же въ немъ жилъ миллионеръ. Свѣтъ изъ оконъ служилъ доказательствомъ, что ожидали хозяина, а можетъ быть, и гостей. Нѣсколько людей и молодыхъ мальчиковъ, одинаково одѣтыхъ, выбѣжали на крыльцо, встрѣтивши хозяина и гостей безъ излишняго униженія и прислуживанія, но искренно и чистосер-

дечно. Въ ихъ обращеніи выражались болѣе чувство и привязанность, нежели покорность и униженіе.

Юрій на каждомъ шагѣ приходилъ въ изумленіе. Комнаты, въ которыя они вошли, были бѣлыя, довольно большія, хотя домъ на видъ казался малъ; въ нихъ не было паркетовъ, раскрашенныхъ потолковъ, ни разныхъ бездѣлушекъ, которыми обыкновенно украшаютъ ихъ, словомъ—никакого излишка. Диваны, столы, простые стулья, столики ясеневаго дерева, зеркала въ черныхъ рамахъ: вотъ почти вся мебель, находившаяся въ нихъ.

Ирина была сильно изнурена; панъ Граба позвалъ сейчасъ свою родственницу пани Квасовскую, проживавшую у него, и поручилъ ей заботиться объ Иринѣ, пока не приведутъ лошадей, которыя должны были отвезти ее въ Руманую. Но самъ хозяинъ нисколько не усталъ, потому что привыкъ къ труду; онъ умылся только, переодѣлся и возвратился къ Юрію.

— Въ вашихъ глазахъ выражается любопытство, — сказалъ, онъ, — и я хочу удовлетворить его: я покажу вамъ себя и все, что меня окружаетъ, но сегодня нѣтъ времени для этого. Вы переночуете, а завтра, надѣюсь, захотите погостить у меня.

Вмѣсто отвѣта Юрій пожалъ ему руку, но не ложился до тѣхъ поръ спать, пока не успокоился за Ирину. Она вскорѣ, подкрѣпивши свои силы, сѣла въ коляску и, прощаясь съ Юріемъ, съ улыбкой напомнила ему, что если не завтра, то послѣзавтра она ждетъ его къ себѣ, а покамѣстъ, она пошлетъ извѣстить конюшаго о причинѣ его задержки.

Послѣ отъѣзда Ирины молодой Граба отвелъ Юрія на другую половину дома, гдѣ находилось нѣсколько гостиныхъ. Къ своему удивленію, онъ нашелъ здѣсь роскошь, къ которой привыкли люди «высокаго воспитанія». Войдя, онъ спросилъ взглядомъ, что все это значитъ? Молодой Граба отвѣтилъ ему съ улыбкой:

— Мы съ отцомъ привыкли къ самой скромной жизни, но старо-польское гостепріимство не дозволяетъ лишать удобствъ людей, привыкшихъ къ нимъ, безъ которыхъ имъ трудно обойтись.

— Я легко могу отказаться отъ этого удобства, — отвѣтилъ Юрій, краснѣя.

— И мы помѣстили-бы васъ въ одной изъ обыкновенныхъ комнатъ, если-бы она была теперь свободна.

— Спокойной ночи! До завтра.

Янъ ушелъ, Юрій бросился на кровать и видѣлъ тревожный онъ, въ которомъ его воображенію рисовалась картина пожара, Ирина, верховая ѣзда, и въ сладкихъ грезахъ онъ проспалъ до самого утра. Но послѣ перваго пробужденія любопытство, подстрекаемое всѣмъ, что онъ вчера видѣлъ, не давало ему болѣе сомкнуть глазъ. Онъ наскоро одѣлся и прошелъ тихонько черезъ дверь, ведущую въ садъ.

Теперь, при дневномъ свѣтѣ, онъ могъ лучше разглядѣть то, что вчера ему мелькнуло при заревѣ пожара. Воздухъ былъ еще пропитанъ дымомъ и гарью, но утро было дивное, теплое, точно весною. Бѣлый, прохладный туманъ носился надъ землею и постепенно разступался передъ осеннимъ солнцемъ. Большой, въ чистотѣ содержимый, садъ спускался къ пруду и къ рѣчкѣ, и представлялъ прекрасное зрѣлище. Деревья, съ умѣньемъ сгруппированныя, ели, сосны на первомъ планѣ, вдали тополи, потерявшіе уже свои серебристые листья, извилистыя дорожки, прорѣзывавшія пожелтѣвшій лугъ,—все это представляло рѣдкое явленіе на Подлѣсьи.

— Однако-жъ, это роскошь, — сказалъ про себя Юрій. — А, попался спартанецъ въ грѣхѣ!

Онъ пошелъ по направленію слышавшихся голосовъ, между которыми онъ вскорѣ отличилъ серьезный голосъ Грабы, вставшаго съ зарей, чтобы посоветоваться съ народомъ. Нѣсколько долетѣвшихъ словъ убѣдили слушателя, что здѣсь иначе обращаются съ крѣпостными. Отношенія помѣщика и крестьянина, стоящихъ на двухъ противоположныхъ концахъ общественной цѣпи, взаимно ихъ связывающей, здѣсь измѣнились въ патріархальную связь одной семьи, скрѣпленной взаимною благодарностью. Съ одной стороны не было упрековъ, съ другой дерзкихъ отвѣтовъ. Они совѣщались безъ шума, а когда баринъ говорилъ, то въ молчаніи выражалось уваженіе, которое крестьяне питали къ нему, а одобрительные возгласы доказывали, что они понимаютъ другъ друга. Голосъ старшаго Грабы звучалъ такъ нѣжно, какъ-будто отецъ или братъ говорилъ съ ними. Юрій, приближаясь, услышалъ слѣдующую рѣчь Грабы, исполненную глубокаго чувства:

— Теперь, мои дѣти, не плачьте и не скорбите, но вдвой-

нѣ трудитесь. Что до меня касается, то я сдѣлаю для васъ все возможное, но вы не должны опускать рукъ. Богъ посылаетъ на насъ бѣдствія, чтобъ испытать, достойны-ли мы Его милосердія. Я дамъ лѣсъ, пособіе, о хлѣбѣ не безпокойтесь, вы не будете въ немъ нуждаться. Возьмитесь за постройку хатъ, потому что зима приближается.

Погорѣвшіе ушли, успокоенные словами пана Грабы; Юрій подошелъ и почтительно привѣтствовалъ хозяина.

— Еще рано, а вы уже встали, — сказалъ панъ Граба, подымаясь со скамьи крыльца. — Не безпокойло-ли васъ что-нибудь?

— Да, я поторопился видѣть васъ и слышать. Я не скрою, что привыкъ много спать, но сегодня мнѣ стыдно моей дурной привычки.

Граба посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Я васъ поздравляю, — сказалъ онъ. — Излишній сонъ, происходящій отъ лѣности, принадлежитъ къ обычаямъ роскоши. Противный природѣ, онъ есть слѣдствіе порчи нравовъ, потому что вреденъ для здоровья, для ума и отнимаетъ время, не принося никакой пользы. Но мы слабыя дѣти роскоши.

— Я вижу, что роскошь, по вашему мнѣнію, болѣе всего губить общество.

— Въ особенности наше. На насъ лежатъ великія, священные обязанности; намъ нужно подняться изъ нравственнаго паденія, укрѣпить умъ и тѣло. Если-же нельзя изгнать совершенно роскош, то оставимъ ее счастливымъ. Врагъ всякаго избытка, — я не покажу вамъ ничего бесполезнаго, — сказалъ Граба, вставая. — Я замѣтилъ вчера, что все, что вы видѣли у меня, возбуждало въ васъ сильное любопытство. Любопытство это жажда души. Я считаю своею обязанностью утолить ее, если то, что я задумалъ, — хорошее и полезное, слилось съ понятіемъ и убѣжденіемъ массы. И такъ, — прибавилъ онъ весело, — я къ вашимъ услугамъ. По моему дому вы лучше всего можете судить обо мнѣ. Пойдемъ.

Они вошли въ домъ безъ всякихъ старосвѣтскихъ церемоній у дверей — кому войти первому. Первую комнату, видѣнную еще вчера, они прошли молча. За ней вторая почти такая-же,

съ окномъ въ садъ. Юрій, увидѣвъ изъ него прекрасный уголъ парка, улыбнулся и спросилъ пана Грабу:

— Не поймалъ-ли я васъ въ преступленіи противъ собственныхъ законовъ? Вы терпѣть не можете роскоши; а этотъ садъ стоитъ не мало труда и денегъ. Не лишняя-ли это вещь?

— Я вамъ благодаренъ за этотъ вопросъ, потому что онъ даетъ мнѣ возможность въ точности объяснить вамъ мои убѣжденія. Повидимому, это такъ, какъ вы сказали, но на дѣлѣ совсѣмъ не то. Человѣкъ живетъ не однимъ лишь хлѣбомъ, онъ не ограничивается животными потребностями, удовлетворяющими только тѣло, ему нужна пища для души, которая открываетъ намъ прекрасную сторону жизни. Прекрасное нельзя опредѣлить общими выраженіями, какъ это дѣлаютъ пошлые эстетика. Въ обаяніи прекраснаго соединяются стремленія души ко всему благородному, великому, вообще къ добру и идеалу. О! Это слово *идеалъ* есть величайшее пятно на лицѣ рода человѣческаго. Все, чего боятся и не хотятъ исполнить, чего лѣнятся достичь и низвести съ небесъ на землю, называютъ—*идеаломъ*. Все прекрасное есть пища для души. Душа мыслить, жаждетъ общества великихъ людей, стремится къ исполненію добрыхъ дѣлъ, къ размышленію о Богѣ, о самомъ себѣ и къ познанію природы. Пища моя — книги, разговоръ, произведенія искусствъ, и тѣ прекрасныя картины природы, которыя я нахожу теперь въ саду, а въ будущемъ представляю садомъ всю землю, потому что въ счастливѣйшія времена она приблизится къ идеалу.

Эта картина, на видъ изысканная, составляетъ пищу и потребность для моей души, въ ней я вижу прошедшую жизнь человѣческаго рода и потерянную колыбель, о которой рассказываютъ преданія; въ ней я вижу будущее, къ которому я подвигаюсь медленно и съ трудомъ. Это мой рай. Вотъ объясненіе, почему я завелъ садъ. Что я могъ его имѣть, я оправдываю тѣмъ, что у меня былъ грунтъ, что у крестьянъ довольно земли, а на содержаніе его я издерживаю то, что мнѣ остается отъ моихъ обязанностей. Потъ крестьянъ до сихъ поръ не проливался для моихъ фантазій и прихотей. Я стараюсь, чтобъ этотъ рай не орошала человѣческая слеза, чтобъ въ немъ не отозвался стонъ.

Юрій слушалъ съ восхищеніемъ рѣчь пана Грабы, не возражая ничего. Вдругъ хозяинъ отворилъ дверь, и гость къ своему величайшему удивленію увидѣлъ передъ собою длинную галерею, съ одной стороны украшенную картинами, а съ другой заставленную шкафами книгъ.

— Вотъ еще моя роскошь! Я исповѣдываюсь заразъ во всѣхъ грѣхахъ этого рода; это двойная пища для души. У меня нѣтъ экипажей, каретъ, нѣтъ парадныхъ лошадей, ливреи, дворцовъ, нѣтъ повара-француза, нѣтъ тысячи бездѣлушекъ, которыми насъ надѣляетъ мода; но я купаюсь (если можно такъ выразиться) въ книгахъ, наслаждаюсь произведеніями искусствъ. Смотрите, — прибавилъ онъ, — вотъ превосходныя картины, которыя передали на полотно какъ наши художники, такъ и иностранцы; онѣ служатъ доказательствомъ всемогущества мысли въ борьбѣ со скудными средствами воплощенія. Это истинная побѣда человѣка надъ матеріей, это вѣчная его слава, это доказательство искры безсмертія его души. Творить для наслажденія, воплощать мысль, производить ее на свѣтъ ребенка, чтобы впоследствии выросла она гигантомъ, — одинъ только человѣкъ въ состояніи это сдѣлать. Но мы не должны этимъ гордиться: всякая черта человѣческаго творчества служить вмѣстѣ доказательствомъ его безсилія и предѣловъ его могущества.

Юрій подошелъ сперва къ книгамъ, къ которымъ ни шкафы, ни блестящая отливка не привлекали. Онъ, который до сихъ поръ мало занимался литературой, въ особенности своей національной, съ удивленіемъ увидѣлъ, сколько полокъ она здѣсь занимала. Дорогіе историческіе памятники, свидѣтельствующіе о древней жизни славянскаго племени, собраны были здѣсь въ одно цѣлое.

Напротивъ висѣли избранныя картины. Онѣ изображали происшествія минувшихъ временъ, лица великихъ людей; въ нихъ отражались мысль художниковъ, религіозное вдохновеніе, или вѣрно изображенная фizioномія нашей страны.

— Эта коллекція, — сказалъ Граба, — болѣе всего мнѣ стоитъ; но богатый человѣкъ обязанъ ее имѣть, а также и библіотеку. Я предпочелъ оставить моему сыну это богатство, вмѣсто лишннихъ капиталовъ, которыхъ у него и безъ того много. Если

у него будетъ гораздо меньше денегъ, я спокоенъ за него, потому что онъ приученъ къ труду. Портфели, которые вы здѣсь видите, дополняютъ галерею моихъ картинъ. Здѣсь вы найдете прекрасныя и нерѣдко художественныя произведенія людей, о которыхъ вамъ не приходилось даже слышать.

Послѣ вы можете лучше разсмотрѣть этотъ музеумъ. Вотъ моя роскошь, даже грѣхъ, если хотите; но совѣсть не можетъ упрекнуть меня, что я когда-либо пожертвовалъ твореніямъ искусствъ и фантазіи аматера строгими обязанностями жизни. Хотя искусство я считаю потребностью жизни, даже насущною необходимостью, какъ хлѣбъ и воздухъ, а тѣхъ, которые не понимаютъ его и не находятъ въ немъ надобности, я считаю уродами, однако-жъ обязанности къ ближнему я ставлю на первомъ планѣ.

— О, помилуйте!—сказалъ Юрій, — вы черезчуръ строги.

— Нужно быть строгимъ, въ особенности къ самому себѣ, иначе нельзя быть справедливымъ. Все можно простить людямъ, себѣ—ничего: это мое правило. Пойдемъ далѣе!

Они вошли въ небольшой арсеналъ, прекрасно устроенный. Гость, который былъ лучшимъ знатокомъ оружія, нежели книгъ и картинъ, не могъ надивиться ихъ богатству, добротѣ и устройству.

— Вотъ еще продолженіе моей роскоши,—прибавилъ скромно хозяинъ,—и въ этомъ тоже я долженъ дать вамъ отчетъ.

— Развѣ и это требуетъ объясненія?

— Объясненія—страсть моя. Мысль, заключенная во мнѣ, беспокоитъ меня; высказавшись, я чувствую облегченіе. Я собиралъ древнее оружіе; есть у меня и новое. Нашъ народъ былъ храбрый народъ, а потому оружіе есть самый характеристическій памятникъ его мужества. Въ немъ, въ его формѣ и украшеніяхъ болѣе исторіи, чѣмъ предполагають даже самыя историки. Эти булаты, булавы, топоры, чеканы, луки, самострѣлы, карабины, кинжалы, камки, щиты, копыя, рогатины долгое время были единственнымъ орудіемъ нашихъ предковъ, большая часть которыхъ кончили жизнь свою съ ними въ рукахъ, на груди, на боку. Они составляютъ дорогіе памятники, облитые кровью, каждая ржавчина на нихъ не слеза-ли умирающаго на полѣ брани, или послѣдняя капля крови героя?

Что касается новаго оружія, то я хочу оставить его своему сыну. Мы сдѣлались слишкомъ изнѣженными; все, что развиваетъ мужество и ловкость, теперь намъ очень нужно. Цивилизація въ чужихъ странахъ приняла ложное направленіе; она развиваетъ роскошь; какъ дерево съ большими листьями, не приносящее плода, она выжимаетъ изъ насъ соки, заковываетъ въ цѣпи, ослабляетъ и изъ человѣка дѣлаетъ только прекрасную куколку, завернутую въ футляръ и вату. Я совсѣмъ иначе понимаю прогрессъ цивилизаціи, и потому я воспиталъ сына, какъ закаленного мужчину. Развитие головы нисколько не мѣшаетъ силѣ тѣла. Я прежде выучилъ самого себя, теперь учу сына не страшиться ничего, что для нѣжныхъ сыновъ этого вѣка кажется почти убійственнымъ. Мы умѣемъ преодолѣть голодъ, жажду, холодъ, нужду, — словомъ страданіе. Средствомъ для развитія силъ въ тѣлѣ я употребилъ охоту, которая подвергаетъ различнымъ физическимъ неудобствамъ и борьбѣ съ природой. Мы оба умѣемъ тоже копать, пахать и заниматься садоводствомъ.

— Копать? Пахать?—спросилъ Юрій.

— Да, и вы не сыщете въ цѣлой деревнѣ человѣка, который лучше меня проведетъ соху.

— Вы пробовали идти за сохой, за плугомъ?

— И не одинъ разъ. Для меня это не было желаніемъ отличиться, или причудой, игрушкой; нѣтъ, въ этомъ я видѣлъ серьезную цѣль.

— Какую-же? Развѣ этого не сѣмѣетъ каждый крестьянинъ?

— Безъ сомнѣнія; но я научилъ крестьянъ деревенскому труду. Вообще ремесла и хлѣбопашество въ какомъ-то пренебреженіи; крестьяне сами привыкли быть въ униженіи; нужно, чтобы мы лично убѣдили ихъ, что назначеніе земледѣльца, который въ потѣ лица даетъ хлѣбъ свѣту, не только не ниже другихъ занятій, но даже благороднѣе. Я постоянно твержу своимъ крестьянамъ, что ихъ бытъ и трудъ я уважаю. Наша обязанность поднять ихъ нравственно; а показывать имъ, что ихъ самопожертвованіе и трудъ достойны презрѣнія—въ высшей степени неблагородно! Рука, поднимающая плугъ, благороднѣе многихъ изнѣженныхъ рукъ, покрытыхъ перчатками.

Юрій не переставалъ удивляться.

— Но, если вы одинъ разъ попробуете пойти за плугомъ или сохой, вы ничего не сдѣлаете. Они сочтутъ это вашей фантазіею, примутъ за шутку. Если-бы уваженіе, которое пытаю къ земледѣльцу, не подтверждалось всѣми моими дѣйствіями, то они бы непременно приписали это моей фантазіи. У насъ обыкновенная награда: принять во дворъ; дворовый находится въ большемъ почетѣ, а у меня наоборотъ. Ни одинъ изъ моихъ крестьянъ не захочетъ перемѣнить своего положенія и стремится, по возможности, къ улучшенію благосостоянія своей души и тѣла. Удовлетворяя потребностямъ тѣла, я не забылъ обратить ихъ чувства на путь истины, склонить къ добру, а умъ—къ высшимъ потребностямъ. Теперь, когда они это почувствовали, я спокоенъ за ихъ будущее. Великія и полезныя реформы не скоро исполняются: «тише ѣдешь, дальше будешь»,—говоритъ пословица. Въ природѣ все, что должно существовать, растетъ и создается медленно; одно лишь уничтоженіе быстро. А потому я не могу надѣяться исполнить для крестьянъ все, о чемъ мечталъ и мечтаю; но Богъ милостивъ! Другой исполнить за меня. Мы начинаемъ, а Провидѣніе приводитъ благую мысль въ исполненіе, будемъ сѣять, и зерно не пропадетъ даромъ!

Съ этими словами они вошли въ большую комнату, которая, судя по обстановкѣ, была столовая.

— Здѣсь мы обѣдаемъ,—сказалъ Граба.

— Судя по столовой, можно предполагать, что вы часто принимаете гостей.

— Вы ошибаетесь, — возразилъ хозяинъ, — самые многочисленные мои гости—это прислуга. Я и сынъ, мы привыкли обѣдать по старому польскому обычаю, со всѣми домочадцами и хватить-ли у васъ терпѣнія выслушать всю мою теорію,—спросилъ старый Граба.

— Почему-же нѣтъ? Ею именно я болѣе всего интересуюсь.

— Въ такомъ случаѣ, прошу васъ выслушать меня терпѣливо, ибо въ двухъ словахъ я не могу ее выразить. Отношеніе человѣка къ ближнему я опредѣляю тремя словами, которыя, по моему мнѣнію, выражаются въ одномъ—*любовь*. Эта любовь къ высшимъ переходитъ въ обожаніе, честь; къ равному себѣ—въ братскую любовь; а относительно низшихъ—въ безпредѣльное

милосердіе. Но, для лучшаго уразумѣнія я долженъ точнѣе объяснить. Все великое возвышаетъ человѣка и облагораживаетъ его. Уваженіе высокаго, это—уваженіе идеала, къ которому человѣкъ приближается. Великіе люди, это—обломки идеала, разбитаго о землю. Понять великое, приблизиться къ нему, отдать ему должную честь, стараться съ нимъ сравняться, — вотъ въ чемъ заключается моя честь и слава. Я братъ для равныхъ себѣ. Въ незнакомомъ человѣкѣ я уважаю прежде всего его личность, а, узнавши его, я стараюсь открыть въ немъ хорошую сторону, и хотя пороки рѣжутъ мнѣ глаза, я знаю, что человѣкъ не можетъ состоять изъ однихъ лишь недостатковъ, въ каждомъ есть сокровенная добродѣтель, или способность къ ней. Евангеліе, исполненіе вѣчныхъ божественныхъ истинъ, научаетъ насъ братской любви. Любовь къ ближнему должна проявляться въ самопожертвованіи, въ отреченіи отъ самого себя, въ сочувствіи, въ единодушіи и равенствѣ. Кто говоритъ, что онъ чело-вѣколюбивъ, и лѣнливо проспигъ сегоднѣшній день, не заботясь о завтрашнемъ, тотъ лжетъ. *Кто любитъ, тотъ трудится!* Падшую умственно, душой и сердцемъ ниже насъ стоящую братію мы обязаны тоже любить, потому что любовь связываетъ человека съ человекомъ. Если онъ палъ нравственно, я жалѣю о немъ, какъ о слѣпцѣ; если онъ палъ вслѣдствіе неразгаданныхъ обстоятельствъ, которыя мы называемъ судьбой, то долгъ нашъ спасать его, потому что онъ самый несчастный, и любить его болѣе нежели счастливыхъ; мы должны жертвовать собою, чтобы вырвать его изъ пропасти. Вы спросите, что дѣлать намъ съ людьми развращенными, злыми, закоснѣлыми въ порокахъ? Въ этомъ случаѣ на насъ лежитъ двоякая обязанность: презирая зло и порокъ, мы должны вездѣ, гдѣ только замѣтимъ, называть его по имени. Золотыя рамки не измѣнять отвратительной наружности порока, его не извинять никакія обстоятельства; сердце должно молчать, чтобы не оскорбить самой высокой добродѣтели на землѣ — истины. *Не почитающій ся поклоняется злу.* Но и при обличеніи лжи, остаются однако-жъ обязанности къ живому человѣку. До послѣдней минуты мы должны вѣрить въ его исправленіе; а презирая порокъ, любить человѣка, какъ брата, и помогать, какъ брату. Чѣмъ ниже онъ упалъ, тѣмъ болѣе нужно стараться поднять его, потому что собственными силами

онъ не въ состояніи подняться. Вотъ вся моя простая и бѣдная теорія общественной жизни, которую я основываю на любви. Самое главное, по моему, преступленіе и зародышъ всего зла, это—самолюбіе; самый высокій постунокъ любви — отреченіе отъ самого себя, жертва! *Кто не жертвуетъ, тотъ не любитъ.* Хотя одни утверждаютъ, что матеріальный міръ противоположенъ духовному міру, а другіе, что первый есть невѣрное изображеніе второго, однако, все на землѣ, что можно назвать словомъ *любовь*, кончается жертвой. *Гдѣ самолюбіе, тамъ смерть.*

На этомъ прекратился разговоръ, потому что вошелъ Янъ, и хлопцы начали подавать завтракъ. Мальчики, отъ десяти до четырнадцати лѣтъ, вошли въ столовую весело и смѣло, неся скатерти, тарелки, блюда и всѣ принадлежности стола; они были одинаково одѣты въ сѣренкія курточки и такіе-же шаровары, съ коротко подстриженными волосами. Румяныя щеки, свѣтлый взглядъ, свободныя движенія, веселый лепетъ доказывали, что служба легка. Они накрыли столы простыми скатертями, довольно чистымъ бѣлымъ, поставили простыя тарелки, разложили простой черный, но свѣжій хлѣбъ и бѣгомъ побѣжали одинъ передъ другимъ въ кухню. Для одного Юрія былъ отдѣльный приборъ, тонкое бѣлье, богемское стекло. Часто въ монастыряхъ, когда принимаютъ гостей, отличаютъ ихъ онъ монаховъ лучшимъ приборомъ и блюдами.

Передъ завтракомъ, по звону колокола, вошла большая половина домочадцевъ, исключая тѣхъ, которые остались или въ полѣ, или на пожарницѣ. Во главѣ ихъ шелъ конюшій съ предлинными усами, завѣдывающій конюшнею и псарней, лошадьми и охотой; вслѣдъ за нимъ учитель дворовой школы, писарь магазина, нѣсколько слугъ и мальчиковъ, которые несли миски и блюда. Къ завтраку подано для кого молоко, для кого клецки, или жареный картофель и крушникъ. Слуги сѣли рядомъ съ господами и даже мальчики присѣли въ концѣ стола за миской съ крушникомъ. Грабы, старый и молодой, привыкшіе къ завтраку, какъ трудолюбивые люди, ѣли весело съ аппетитомъ. Застольный разговоръ между прислугой и господами былъ безъ всякаго стѣсненія, какъ между отцомъ и дѣтьми. Мальчики тоже принимали въ немъ участіе, не конфузясь и не скрывая того, что чувствовали. Учитель школы, на вопросъ объ ихъ успѣхахъ,

указывалъ на прилежныхъ, а остальные краснѣли отъ стыда. Это было единственное для нихъ наказаніе, потому что тѣлесныя наказанія не были въ употребленіи.

Вчерашній пожаръ былъ общимъ предметомъ разговора, въ которомъ всѣ принимали участіе, рассказывали о причинѣ пожара, вслѣдствіе неосторожной сушики льна, о первой помощи и о потеряхъ. Одинъ только Юрій мало ѣлъ, мало говорилъ и все съ восторгомъ слушалъ. Янъ весело и бойко разговаривалъ съ мальчиками, разспрашивалъ, утѣшалъ, и видно было, что взаимная любовь скрѣпила эту большую семью, и никакое чувство непріязни не разстраивало ея гармоніи. У всѣхъ лица были ясны; ни одно чело не помрачалось гнѣвомъ или завистью, ни на чьихъ устахъ не было сардонической улыбки. Наконецъ кончился завтракъ; Граба первый поднялся, а за нимъ всѣ. Юрій, которому поданъ былъ отдѣльный завтракъ, состоявшій изъ яицъ, ветчины, жаренаго, чаю, кофе и т. п., всталъ сконфуженный, что для него дѣлалъ исключеніе.

— Теперь, — сказалъ хозяинъ, — если вы желаете, то пойдемъ смотрѣть хозяйство. Но привыкли ли вы ходить пѣшкомъ?

— Я не привыкъ ко многимъ вещамъ, — сказалъ Юрій, надѣвая перчатки, — но, чтобы пріучиться, надо начать. Впрочемъ, охотясь съ паномъ конюшимъ, я сдѣлалъ начало.

— Ну, такъ пойдемъ начесть съ каплицы *).

Каплица стояла въ саду, обсаженная кругомъ деревьями, и въ эту минуту капуцинъ, исполнявшій должность капеллана у пана Грабы, шелъ къ ней на молитву. Обѣдня служилась гораздо раньше. Изъ дверей они увидѣли этотъ домъ Божій, богато разукрашенный внутри, со всѣмъ великолѣпіемъ, котораго съ такою тщательностью избѣгали въ господскомъ домѣ.

— Странная противоположность, — сказалъ хозяинъ, — но мнѣ казалось, что это должно быть такъ, а не иначе. Божій домъ, домъ молитвы, долженъ быть великолѣпнѣе нашего, въ немъ мы созерцаемъ духъ Божій, вездѣсущій; это мѣсто мы избираемъ для поклоненія Ему, а потому наибъ слѣдуетъ его украшать пышно и великолѣпно. Богу это не нужно, но нужно для людей. Пусть новые философы говорятъ, что хотять, — вѣра составляетъ не только потребность общества, но есть главное

*) Часовня.

условіе жизни человѣка. Общество безъ вѣры въ самое короткое время матеріализируется даже при величайшемъ развитіи своемъ; самая высокая цивилизація не удержитъ его нравственнаго паденія. Философія не замѣнитъ вѣры, точно такъ, какъ химикъ не сдѣлаетъ золота. Если у насъ самихъ въ сердцѣ нѣтъ вѣры, мы должны уважать ее въ другихъ. Между тѣмъ, имѣя вѣру, мы стыдимся ея, и такимъ образомъ дѣлаемъ величайшую въ свѣтѣ пошлость.

— Въ городѣ вы чаще всего встрѣтите подобныхъ личностей,—сказалъ Юрій,—но въ деревнѣ онѣ рѣдкость.

— Но не такая, какъ вы полагаете. Въ городѣ все, даже вѣра, подлежитъ модѣ, въ деревнѣ тоже самое глупое обезьянчанье доводитъ даже очень не глупыхъ людей къ наружному вольтеріанизму, который у нихъ только на устахъ, но не въ сердцѣ.

— Мнѣ кажется,—возразилъ Юрій,—что причина этому не столько вольтеріанизмъ, сколько равнодушіе нашего вѣка. Въ ХУІІІ вѣкѣ кощунствовали надъ религіею, а въ ХІХ не обращаютъ на нее вниманія.

— Это отчасти правда, но деревня остается всегда назади и тянется какъ судно, которое тащутъ на канатахъ. Мы говорили о вѣрѣ. Она у меня глубоко въ сердцѣ, но я не люблю разсуждать о ней. Сынъ мой, благодаря воспитанію, не потушилъ въ сердцѣ своемъ религіознаго чувства. А какой великій горизонтъ разстилается передъ вѣрующими! Я спокоенъ, потому что Провидѣніе бдитъ надо мной, я вручаю ему свою жизнь, счастье, и потеря его для меня не страшна: что ни дѣлается, все къ лучшему.

— Вы оптимистъ?

— Христіанинъ долженъ быть оптимистомъ. Я знаю и вѣрую, что все дѣлается по волѣ Божіей и ведетъ къ добру. Въ жизни есть много горькаго и тяжелаго, но въ мірѣ нѣтъ ничего безполезнаго, пустого.

— И такъ все...—Юрій не договорилъ, а панъ Граба, отгадывая его мысль, прибавилъ со вздохомъ:

— Да, все; но, чтобы замѣтить это, нужно отъ отдѣльнаго человѣка перейти къ общей массѣ рода человѣческаго. Отдѣльная личность страдаетъ, но ни одно страданіе не проходитъ даромъ.

Говоря это, они, выйдя изъ каплицы, прошли черезъ большую часть сада и очутились возлѣ хорошаго зданія: это была школа для дворовыхъ и деревенскихъ дѣтей. Въ большой избѣ, заставленной скамьями, сидѣлъ за столикомъ учитель и рассказывалъ дѣтямъ, которыя съ возбужденнымъ любопытствомъ слушали его, задавая ему вопросы. Урокъ здѣсь читали не такъ, какъ обыкновенно его читаютъ въ сельскихъ школахъ; читать, писать и общія правила ариметики,—вотъ всѣ предметы, которыми учатъ сельскихъ дѣтей. Здѣсь панъ Граба сдѣлалъ совершенно другое распредѣленіе: чтеніе, начала писанія и счета служили какъ будто только пополненіемъ къ развитію юншества. Учителю поручено было развивать молодые умы; главнымъ средствомъ для этого были общія понятія о физическомъ мірѣ, о событіяхъ рода человѣческаго и проч. Ученіе это напоминало рассказы патріарховъ о преданіяхъ исторіи рода человѣческаго и сотворенія міра. Дѣти слушали, спрашивали и, не уставая, удерживали въ памяти основныя свѣдѣнія, развивавшія ихъ способности и понятія. Чтеніе, письмо и ариметика служили только механическимъ упражненіемъ и дополненіемъ науки. Часы объясненія проходили незамѣтно и пріятно, потому что въ простыхъ словахъ изложеніе, не вознесенное на ходули, но заключающее въ себѣ столько поэзіи, занимало ихъ, какъ повѣсть и сказки няни.

— Чтеніе, письмо и ариметику я считаю чуть-ли не послѣднею степенью науки,—сказалъ панъ Граба Юрію. — Когда я научу ихъ читать, то спрашиваю, что они будутъ читать? Не только мы, даже народы, стоящіе на высшей степени просвѣщенія, терпятъ недостатокъ въ книгахъ, которыя-бы служили пищей для начала умственнаго развитія; я увѣренъ и убѣжденъ, что лучше вовсе не читать, нежели читать дехорошія книги. Зрѣлому и окрѣпшему человѣку не все повредитъ, но для простаго народа малѣйшая доза яда смертельна. Изъ этого выходитъ то, что неразвитые крестьяне, выучивши азбуку, читаютъ все, что попадется имъ въ руки и чаще всего портятся и дѣлаются безнравственными людьми. Книги для народа — великая задача; даже во всей европейской литературѣ я знаю ихъ очень мало, и то только сносныя. А какой великій и прекрасный предметъ! Что-же дѣлать? Ни одинъ писатель не предпо-

чтеть этой неблистательной заслугой рукоплесканіямъ, на которыя разсчитываетъ, когда пишетъ для свѣта. Мои сельскіе мальчики, выходя изъ школы, имѣютъ фундаментальное познаніе о религіи и обязанностяхъ, которыя она предписываетъ; они знаютъ, что вѣра не пустое слово, но главный законъ жизни; они познаютъ величіе Божіе изъ сотворенныхъ имъ вещей, имѣютъ понятіе о землѣ и, наконецъ, о человѣкѣ и его дѣйствіяхъ. Учитель толкуетъ имъ вкратцѣ о народной медицинѣ, объ общихъ правилахъ физиологіи человѣка и животныхъ, въ самыхъ простыхъ словахъ; наконецъ, крестьянамъ необходимы познанія, касающіяся земледѣлія, хозяйства и всего, что имѣетъ съ нимъ связь.

Говоря это, они вышли изъ школы; Юрій съ радостью замѣтилъ, что свѣтлые глаза дѣтей весело и пріятно смотрѣли на пана Грабу.

Вблизи школы стоялъ пріютъ, устроенный по образцу заграничныхъ; нѣсколько пожилыхъ женщинъ смотрѣли за кучей ребятишекъ; всѣ онѣ были выбраны изъ мѣстной общины. Потомъ они осмотрѣли станки, на которыхъ упражнялись подростки, имѣющіе охоту къ ремеслу. Большая столярная, токарня, мастерская портныхъ, сапожниковъ, шорниковъ имѣли по нѣскольку подмастерьевъ и мальчиковъ. Вездѣ они встрѣтили сіяющія лица, веселыя и румяныя—признакъ здоровья и ни одного блѣднаго пьяницы, которыхъ такъ много въ нашихъ деревняхъ.

Юрій выразилъ на этотъ счетъ свое удивленіе.

— Дѣйствительно, я могу похвалиться,—сказалъ Граба,—тѣмъ, что успѣлъ искоренить у себя пьянство, но эта побѣда не мало стоила мнѣ труда. Народъ мы не должны винить въ этомъ, такъ какъ мы сами способствовали распространенію пьянства. Наши корчмы издавна были гнѣздомъ всевозможнаго зла, а евреи, завѣдывающіе ими, истинными помощниками Вельзевула. Народъ усталый, изнуренный, часто въ отчаяніи прибѣгалъ къ пьянству, пилъ, потому что вездѣ ему подносили это несчастное вино, не желая ничѣмъ усладить бѣдственной его жизни и указывая на него, какъ на единственное спасеніе отъ страданія. Болѣе зажиточный мужикъ, который заботится о завтрашнемъ днѣ, не станетъ пить. Улучшая бытъ крестьянъ, я не только представлялъ имъ постоянно отвратительныя послѣдствія пьянства, но

и въ корчмахъ своихъ охотно пожертвовалъ ничтожнымъ барышомъ для гораздо большей выгоды — улучшенія крестьянскаго быта. Въ корчмахъ я строжайшимъ образомъ запретилъ продавать вино въ большомъ количествѣ, и пить въ нихъ не дозволяется. Каждый беретъ вино домой, гдѣ не имѣетъ такого желанія пить, кромѣ того, тысяча другихъ причинъ воздерживаетъ его отъ пьянства.

Прогоняя вездѣ евреевъ, привыкшихъ сосать мужика, я долженъ былъ замѣнить ихъ. Жидъ былъ банкиръ, капиталистъ села, но его корыстныя ссуды, давая временное пособіе, были разорительны. Это небольшое строеніе — сельскій банкъ; здѣсь каждый находитъ пособіе въ нуждѣ, безъ притѣсненія въ платежѣ, который крестьянинъ уплачиваетъ по частямъ и по недѣлямъ. Первый закладной капиталъ составляетъ собственность моей деревни, а образовался онъ изъ прибыли, полученной съ земель, воздѣлываемыхъ нѣсколько лѣтъ соединенными силами крестьянъ. Возлѣ банка—сельскій судъ, составляемый и избираемый ежегодно старшинами села, который рѣшаетъ всѣ дѣла не только между крестьянами, но даже между дворовыми. Я самъ добровольно подчиняюсь суду, который, ругаюсь вамъ, не только никогда не произнесъ несправедливаго приговора, но даже подозрѣнія въ несправедливости не навлекъ на себя. «А теперь,—сказалъ Граба, взявъ Юрія подъ руку,—воротимся домой, потому что ничего болѣе не имѣю вамъ показать; вѣрно, вы надѣялись увидѣть больше. Разумѣется, мнѣ нечего вамъ показывать мой сахарный заводъ, различныя машины, потому что все это вы можете вездѣ видѣть. Въ госпиталь я васъ тоже не поведу, мой дорогой гость, потому что тамъ вы увидите непріятное зрѣлище, хотя мой госпиталь въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ у другихъ помѣщиковъ; теперь вы найдете во многихъ деревняхъ больницы. Мой лазаретъ отличается отъ другихъ только тѣмъ, что я ежедневно самъ его осматриваю; при немъ есть хорошій фельдшеръ и аптека; я принимаю только тѣхъ больныхъ, которымъ дома дурно и некому за ними присмотрѣть; въ минуту страданія больному легче быть у себя въ хатѣ, со своими, нежели въ наилучшей больницѣ. Не будь вчерашняго пожара, я бы повелъ васъ въ деревню и показалъ бы вамъ хаты и уходъ за хозяйствомъ, не такой, какъ въ другихъ полѣсскихъ деревняхъ:

но не слѣдуетъ удовлетворять любопытство въ такой печальный день. Мнѣ стоило не мало труда склонить ихъ къ измѣненію образа жизни. Этотъ честный народъ уважаетъ все старое гораздо болѣе, нежели мы, и боится измѣненій, даже въ мелочахъ упорно придерживается стараго; и какъ испоконъ вѣка строилъ онъ свои курныя избы вмѣстѣ съ хлѣвами и курятниками на сырой землѣ, среди удушливыхъ испареній, такъ точно хочетъ жить и теперь, завѣщать это и дѣтямъ своимъ. Измѣнить вѣковое устройство хатъ, относящееся къ до-христіанскимъ временамъ, изгладить преданія, которыя имѣютъ связь съ порогомъ, съ очагомъ, съ угломъ, скамейкой, печкой, стоило большой борьбы и препятствій. А потому я не разрушилъ дерзкой рукой прошедшаго и не строилъ швейцарскихъ домиковъ, которые показались бы скучны и чужды нашему народу. Я только увеличилъ, очистилъ, такъ сказать, идеализировалъ матеріалъ, который я нашелъ подъ рукой. Хата въ моей деревнѣ чище и больше, но не измѣнила ни прежней своей фizioноміи, ни устройства; только дымъ, вредный для здоровья, выходитъ трубой, кирпичная печь сдѣлана старательно, окно шире и свѣта болѣе, воздухъ чище. Наконецъ, скотъ отдѣленъ отъ людей, и хотя близко хатъ, потому что этого требуетъ присмотръ, но все же не рядомъ. Я не пожалѣлъ земли для двора, для огорода; а сады, которые мой садовникъ разводитъ, сдѣлались и для крестьянъ предметомъ заботъ, они очень хорошо у нихъ устроены.

Они взошли на холмъ, и Юрій могъ отсюда рассмотреть несгорѣвшую часть деревни, которая имѣла видъ порядочнаго мѣстечка. Множество деревьевъ окружали бѣлыя хаты, просторныя и гораздо выше обыкновенныхъ хатъ. Недалеко отъ церкви виднѣлась больница, а среди рынка, гдѣ находились лавочки съ необходимыми вещами для крестьянъ, стояла маленькая и тѣсная корчма.

— Кажется, здѣсь есть и лавки?—спросилъ Юрій.

— Есть только склады, которые я на свой счетъ содержу. Мѣстечки, въ которыя крестьянинъ еженедѣльно отправляется для покупки разной мелочи, набиты бѣдными и голодными евреями и болѣе вредны для мужика, нежели шинки. Я не могу запретить ему поѣхать и сбыть въ мѣстечкѣ свой продуктъ,

но, по крайней мѣрѣ, стараюсь устранить его отъ покупокъ. Соль, табакъ, лемешъ, желѣзо и тому подобные товары онъ всегда найдетъ въ моей лавчонкѣ лучшаго сорта и гораздо дешевле, нежели въ мѣстечкѣ. Взамѣнъ этого я принимаю хлѣбъ по самой высшей цѣнѣ, все равно — нуждаюсь ли въ немъ, или нѣтъ. Кромѣ того, рядомъ съ лавкою есть контора для хлѣба, въ которую я всегда принимаю зерно и плачу наличными деньгами. Я скупаю тоже скотъ, лошадей, овецъ, шерсть и ленъ, но не для своей пользы, а чтобъ имъ облегчить сбытъ продуктовъ, которые евреи покупаютъ у нихъ по гораздо низшей цѣнѣ, въ ущербъ имъ. Чтобы успокоить васъ, я прибавлю, что въ купцы я никому не напрашиваюсь. Принудить крестьянина къ продажѣ и даже къ самой выгодной покупкѣ, значить все испортить; желая возбудить въ крестьянинѣ довѣріе, нужно чтобъ онъ самъ на опытъ убѣдился. Сначала долго продолжалось недовѣріе, колебаніе, подозрѣніе, и лавки мои служили болѣе сосѣднимъ деревнямъ, нежели моей; но, наконецъ, постепенно развилось убѣжденіе въ моемъ безкорыстіи; а теперь не только я не теряю, но, стыдно сказать, имѣю пользу въ этомъ. Изумленный Юрій возвращался съ паномъ Граба домой.

— Сосѣди, вѣрно, вамъ подражаютъ, — спросилъ гость.

Граба горько улыбнулся.

— Если-бы! — сказалъ онъ. — Нѣтъ, они ненавидятъ меня и бѣсятся на мои *причуды*, какъ они называютъ. Одно только утѣшаетъ меня, что, если одни ненавидятъ меня, то другіе невольно должны уважать.

— Имъ слѣдуетъ учиться подражать.

— Мы никогда не подражаемъ, если подражаніе оскорбляетъ наше самолюбіе. Мы подражаемъ чаще всего противъ воли, не зная объ этомъ. Разумное подражаніе есть жертва самолюбія, на которую не всякій рѣшится.

— Правда, но человѣкъ часто жертвуетъ своимъ самолюбіемъ для пользы!

— Въ мою пользу никто не хочетъ вѣрить; всѣ упорно доказываютъ, что я непремѣнно разорюсь. Никто не говоритъ про игроковъ и мотовъ, что они близки къ банкротству, хотя оно каждый день готово разразиться надъ ихъ головами, потому что общество всегда къ нимъ снисходительно; но пусть кто-

нибудь пожертвуетъ на искусство, книги, картины и тому подобныя вещи, хотя малую сумму, то завтра же во мнѣніи свѣта станетъ разореннымъ.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ, что въ этомъ есть свое основаніе, — возразилъ Юрій, — мы видѣли тысячу примѣровъ разоренія, вслѣдствіе нерасчетливости и неосновательныхъ издержекъ, несообразныхъ съ капиталомъ.

Они приближались уже къ дому, когда нетычанка, запряженная тройкой породистыхъ лошадей, въѣхала во дворъ. Въ ней сидѣлъ немолодой мужчина, румяный, довольно полный, крѣпко сложенный. въ зеленомъ плащѣ, съ огромной пѣнковой трубкой во рту. Кучеръ, одѣтый по-краковски, погонялъ лошадей, поправляя шапочку съ павлиньимъ перомъ. Господинъ, сидѣвшій въ нетычанкѣ, имѣлъ важный и самоувѣренный видъ, въ глазахъ его выражался сарказмъ; видно, что онъ о себѣ много думалъ. Увидѣвъ идущихъ Грабу и Юрія, онъ ударилъ по плечу кучера и велѣлъ остановиться. Онъ медленно вышелъ изъ экипажа, и, приподнявши немного шапку, приблизился къ пану Грабѣ.

— Здравствуйте, почтенный сосѣдь! — сказалъ, протягивая жилистую руку, пріѣзжій и съ покровительственной улыбкой встрѣтилъ хозяина.

— Здравствуйте! — довольно холодно отвѣтилъ Граба.

— Я пріѣхалъ узнать, — сказалъ пріѣзжій, — мы видѣли вчера у васъ огонь и опасались за господскій дворъ и скирды; но, слава Богу, я узнаю, что только часть деревни сгорѣла.

— Лучше бы скирды мои сгорѣли!

— Вы шутите, любезный сосѣдь. Мужикъ своему горю пособить, а при теперешней дороговизнѣ нѣсколько тысячъ рублей, если не больше...

— Да, но я легче перенесъ бы этотъ убытокъ, нежели бѣдные крестьяне.

— Вы опять со своею филантропіей! Испортите намъ хамовъ.

— Хамовъ? — съ удивленіемъ спросилъ Граба.

— Я хотѣлъ сказать мужиковъ.

Они замолчали. Пріѣзжій съ важнымъ видомъ шелъ и сопѣлъ; Граба, прикусивъ губы, молчалъ съ выраженіемъ досады.

— Намъ нужно подумать о важномъ дѣлѣ, — сказалъ панъ

Самурскій, пріѣхавшій сосѣдъ. — Приближаются выборы, вы поѣдете?

— Я? Конечно, поѣду, это долгъ всякаго помѣщика.

— Вы поѣдете! — повторилъ съ недовольнымъ видомъ Самурскій. — И, вѣроятно, у васъ есть кандидаты на примѣтъ?

— Разумѣется.

— Мы выберемъ самыхъ честныхъ людей.

— Дай Богъ! — сказалъ Граба.

— Какъ вамъ кажется, кому быть предводителемъ?

— Предводителемъ, — возразилъ медленно Граба, — долженъ быть самый достойный человѣкъ. Предводитель — представитель образованнѣйшаго класса людей дворянъ; мы изберемъ, или по крайней мѣрѣ должны избрать наилучшаго и достойнѣйшаго изъ своей среды человѣка, которымъ можно будетъ похвалиться. Представитель дворянъ, исполняющихъ одну изъ священнѣйшихъ обязанностей, — безпристрастный судья между землевладѣльцами и крестьянами, и долженъ быть достоинъ этой высокой миссіи и добросовѣстнымъ исполнителемъ ея.

— Да! да! да! да! — поспѣшно сказалъ Самурскій; — по вы должны согласиться, что дѣло здѣсь не о народѣ, а болѣе всего касается насъ самихъ. Предводителемъ долженъ быть богатый представитель уѣзда.

— Какъ вы это понимаете?

— Разумѣется, долженъ принимать, когда нужно...

— Бутылками и блюдами! — смѣясь, сказалъ Граба.

— Ну, и это нужно.

— Менѣе всего, любезный папъ.

— Пускай и такъ; нечего спорить. Ну, кого же мы изберемъ? Я не скрываю, что хотѣлъ бы знать ваше мнѣніе, и за кого будутъ голоса...

— Признаюсь вамъ, что до сихъ поръ я не знаю, кого бы слѣдовало избрать: это дѣло, требующее размышленія.

— О чемъ здѣсь думать? — прибавилъ Самурскій. — Вотъ есть вѣрнѣйшій кандидатъ, папъ Паливода изъ Монопята.

— Панъ Паливода? Ха! ха! ха!

— Что вы имѣете противъ него?

— Но и за него ничего не имѣю, дорогой сосѣдъ.

— Какъ! Богачъ, honestus, сдѣлаетъ поддержать честь уѣзда,

а сохрани Богъ—дѣла, онъ знакомъ съ губернаторомъ, бывалъ у него на балахъ и даже въ столицѣ имѣеть связи. Вотъ какіе поводы къ избранію пана Паливоды. Наконецъ, чего еще хотите? Онъ честный человѣкъ.

— Какъ вы это понимаете? — вдругъ спросилъ Граба. Самурскій покраснѣлъ.

— А кто же скажетъ, что онъ безчестенъ!

— Подождите. Во-первыхъ, не угодно ли вамъ опредѣлить, что вы понимаете подъ именемъ честнаго человѣка?

— Вѣдь это извѣстно каждому, — сказалъ, натуживаясь, толстый господинъ.

— А мнѣ кажется, нѣтъ.

— Честный человѣкъ, гонорный человѣкъ, достойный человѣкъ, разумѣется, это одно и тоже — подлости никакой не сдѣлаетъ.

— Развѣ этого достаточно, чтобы его назвать честнымъ?

— Но, ей-Богу, я васъ не понимаю.

— Выслушайте два слова: честный человѣкъ не тотъ, который зла не дѣлаетъ, но который по своей обязанности дѣлаетъ добро.

— Но, что же вы имѣете противъ пана Паливоды? Вѣдь вы знаете, что мы съ нимъ родня?

— Я знаю, что вы ему родня, — спокойно возразилъ Граба, — и не имѣю никакой личности противъ него; но, чтобы избрать его въ предводители...

— Скажите, пожалуйста, почему нѣтъ? — гордо и нагло закричалъ Самурскій, остановившись и заложивъ руку за жилетъ.

— Хотите ли вы услышать изъ моихъ устъ всю правду, по совѣсти? Будьте увѣрены, что я ее скажу.

— Конечно, нужно объясниться.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Паливода, можетъ быть, честный человѣкъ, но до сихъ поръ онъ, однакожъ, не старался заслужить этого имени. Во-первыхъ, съ матерью своей, честной и пожилой женщиной, которую онъ долженъ уважать, онъ не ладитъ и этимъ даетъ дурной примѣръ; во-вторыхъ, онъ только думаетъ о развратѣ, картахъ, кутежѣ; въ третьихъ, я знаю навѣрно, что онъ предводительствовалъ бы посредствомъ секретаря, а этотъ способъ управленія въ высшей степени безчестенъ.

Казалось, что съ паномъ Самурскимъ сдѣлается ударъ, — до такой степени онъ покраснѣлъ отъ словъ Грабы, взбѣленился и разсердился. Сначала онъ не могъ пробормотать ни одного слова, но наконецъ, бросаясь какъ на цѣпи и внутренне бѣсясь, скороговоркой проговорилъ, ударяя себя въ грудь:

— Позвольте, позвольте! Право, болѣе невтерпежъ! Вы мнѣ, его родственнику, говорите...

— Я говорю истину, которую вы желали слышать.

— Во-первыхъ, кому какое дѣло, какъ онъ съ матерью живетъ?

— Если всѣ видятъ его обращеніе съ ней, то оно касается всѣхъ.

— Это семейныя дѣла.

— Пускай и такъ.

— Ну, а что касается его жизни, развѣ не всѣ должны покутить въ молодости? Развѣ это безчестить его имя?

— Безчестить, господинъ сосѣдъ.

— Что! Карты, кутежъ и дѣвушки? О, какіе же это пороки! Ну! А на что молодость человѣку?

— Ужъ, конечно, не для картъ и кутежа!

— Развѣ это пренятстуетъ ему быть хорошимъ предводителемъ?

— Не только онъ не можетъ быть съ этими страстями хорошимъ предводителемъ, но даже ничѣмъ.

— Конечно, — закричалъ, бѣсясь, Самурскій, — это ничто иное, какъ личность, или ненависть.

— Напротивъ, панъ сосѣдъ, въ Паливодѣ я принимаю участіе, потому именно, что, несмотря на его недостатки, онъ имѣетъ великія качества, которыя могутъ ему указать лучшій путь. Я говорю вамъ это, потому что вы, какъ родственникъ, обязаны вывести его не въ предводители, но прежде всего стараться исправить его.

Самурскій отвернулся.

— Гей! Петръ! — закричалъ онъ на кучера, — подѣзжай! Мнѣ нечего съ вами говорить. До свиданія! — и, отвернувшись невѣжливо, вскочилъ въ нетычанку, бросилъ на Грабу сердитый взглядъ и уѣхалъ.

Граба перенесъ это оскорбленіе спокойно, съ достоинствомъ и низко поклонился отъѣзжающему Самурскому.

— Неправда-ли, — сказалъ онъ Юрію, — стоитъ ѣхать въ уѣздный городъ, гдѣ на дворянскомъ съѣздѣ будутъ составлять списокъ избирателей къ наступающимъ выборамъ? Если-бы вы не торопились оставить нашъ край, и не хотѣли бѣжать въ Варшаву, то я пригласилъ-бы васъ поѣхать со мной. Вы-бы тогда лучше узнали деревню и уѣздный городъ, а вѣдь это будетъ не безъ пользы для общаго знанія свѣта.

— Съ вами я съ величайшимъ удовольствіемъ поѣхалъ бы, — сказалъ Юрій.

— Ну, а можетъ быть, вы можете отсрочить свой отъѣздъ? Юрій задумался, не рѣшаясь утвердительно отвѣтить.

— Поѣдьте! — сказалъ Граба, — право, поѣдемъ! Завтра я собираюсь.

— Но я вовсе не готовъ; я уѣхалъ отъ дѣда только на одинъ день.

— Мы пошлемъ за вашимъ человѣкомъ и за вещами.

Юрій хотѣлъ дольше пожить въ этой странѣ, но не находилъ только предлога, и потому охотно принялъ предложеніе пана Грабы, и въ ту-же минуту нарочный поскакалъ верхомъ съ запиской къ Станиславу въ Тужу-Гору.

IX.

Всякій изъ моихъ читателей знаетъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько уѣздныхъ городковъ въ нашемъ краю.

Каждый уѣздный городъ стоитъ обыкновенно надъ небольшою рѣкой, озеромъ или прудомъ, въ странѣ песчаной или болотистой; богатъ евреями; въ немъ вы увидите деревянные дома и даже каменные, иногда мостовая ведетъ въ трактиръ, билльярдную и въ кондитерскую, имѣетъ почту, учителя музыки, приходской костелъ, соборную церковь, острогъ, казначейство, гаунтвахту, въ которой чаще всего играютъ маленькіе жидята, заставу, у которой въ соломенной или деревянной будкѣ и смотрять, чтобы ~~въ-сидать~~ два еврея съ желѣзными прутьями. Въ городѣ тайкомъ не привозили вина. Въ каждомъ изъ нихъ есть уѣздный и земскій судъ, предводитель дворянства, *уѣздо-*

ный начальник, казначей, нѣсколько священниковъ, нѣсколько учителей уѣздной школы и, наконецъ, инвалидная команда, подъ надзоромъ господина городничаго и нѣсколько *квадратныхъ*. Къ важнѣйшимъ личностямъ, о которыхъ мы забыли упомянуть, принадлежатъ: секретарь предводителя, уѣздный врачъ, нѣсколько вольнопрактикующихъ врачей и проч.

Главный составъ здѣшняго народонаселенія составляютъ евреи и мѣщане, въ длинныхъ сѣроватыхъ и синихъ кафтаняхъ, въ высокихъ барашковыхъ шапкахъ и въ черныхъ по колѣни сапогахъ, но этотъ костюмъ они носятъ только въ праздники, а въ будни ходятъ въ тулупахъ и свиткахъ, по босые. Одинъ, два или больше постоянныхъ дворовъ, изъ которыхъ одинъ назначенъ для принятія достойнѣйшихъ лицъ, кондитерская, плохой трактиръ (въ которомъ помѣщики обѣдаютъ только въ отсутствіе предводителя), лавочки съ мѣстными и заграничными товарами, — вотъ ресурсы уѣзднаго городка.

Ахъ, да! Мы забыли упомянуть, что во многихъ городкахъ есть тоже... нѣкоторыя лавки, помѣщенные обыкновенно между двумя другими, въ которыхъ съ одной стороны продаютъ подошвы, а съ другой книги. Это не книжная лавка, а просто купецъ, кромѣ книгъ варшавскаго издѣлія, продаетъ тоже другія издѣлія, какъ-то: варшавское накладное серебро, кожаная и соломенная издѣлія, занимается иногда торговлей хлѣба; словомъ, здѣсь вы найдете всякую всячину; книги не даютъ насущнаго хлѣба ни писателямъ, ни продавцамъ ихъ.

Ловкій и расторопный жидокъ, предупреждая желаніе покупателей, ежедневно посѣщаетъ постоянные дворы, и предлагаетъ свои книги во всѣхъ дверяхъ, подъ каждымъ окномъ.

Но оставимъ въ покоѣ бѣдную книжную лавку, а вернемся къ нашимъ уѣзднымъ городамъ, которые, несмотря на общія черты, не имѣютъ, однако, такого однообразнаго вида, какъ намъ кажется. Здѣсь, какъ и въ человѣческихъ лицахъ, длинныхъ или короткихъ, широкихъ или узкихъ, раздутыхъ и покрытыхъ бородавками, носы, губы и глаза перемѣняютъ выраженіе и представляютъ различіе въ лицахъ, состоящихъ изъ однихъ и тѣхъ-же частей. Нѣтъ даже двухъ городовъ совершенно сходныхъ, а каждый имѣетъ свои особенности. Возьмемъ, напримѣръ, городъ К..., отличающійся прекраснымъ садомъ

при дорогѣ, развалинами замка, великолѣпнымъ постояннымъ дворомъ и, наконецъ, каретой предводителя. Въ уѣздномъ городѣ, о которомъ идетъ рѣчь, находящемся вблизи Тужей-Горы и Румяной (котораго ни на одной картѣ покуда найти нельзя), было все то, о чемъ мы выше упомянули, исчисляя составныя части уѣзднаго города, а кромѣ того, еще много другого, ему свойственнаго. Во-первыхъ, онъ стоялъ на мѣстѣ прежняго древняго поселенія, надъ довольно судоходной рѣчкой и прудами, которые были-бы прекрасны, если-бы не окружали ихъ жидовскія избы и грязь; во-вторыхъ, имѣлъ почти вездѣ мостовыя; въ третьихъ, въ немъ были для размышленія и утѣшенія археологовъ, валы древняго замка и старая ратуша съ надломанною башнею; кромѣ того, новая и чистая церковь, нѣсколько старыхъ и мрачныхъ костеловъ, двѣ довольно порядочныя улицы, на которыхъ можно было даже разѣхаться, обширный рынокъ, довольно много деревянныхъ, бѣлыхъ дворянскихъ домовъ и болѣе десятка каменныхъ. Въ центрѣ города десять постоянныхъ дворовъ раскрывали свою широкую и черную пасть. Ряды каменныхъ лавокъ смотрѣли, какъ стоглазый Аргусъ, на проходящихъ, а пустая гауптвахта, украшенная стройными тополями, отдыхала, служа покамѣстъ мѣстомъ игръ для дѣтей, а женѣ ближайшаго будочника — сушильней для вымытаго бѣлья. Напротивъ нея и такъ называемой ратуши, въ которой скрывались только совы и воробы, стоялъ самый лучшій и первый въ городѣ трактиръ, содержателемъ котораго былъ, какъ водится, еврей. Мѣстоположеніе этого трактира было самое заманчивое: ряды съ лавками и кондитерская были очень близко, почти въ нѣсколькихъ шагахъ, уѣздный судъ подъ бокомъ, земскій судъ въ каменномъ домѣ напротивъ. Прїѣзжіе имѣли передъ глазами самое разнообразное зрѣлище: входящихъ и выходящихъ изъ трактира, подѣзжающихъ къ почтѣ брички, идущихъ въ судъ чиновниковъ, бродягъ, которыхъ вели изъ полиціи въ острогъ, и пьяныхъ, качающихся передъ знаменитымъ шинкомъ; весь этотъ сбродъ народа проходилъ мимо знаменитаго трактира.

Хозяинъ, почтенный Авраамъ, съ длинной бородой, въ черномъ сюртукѣ до пятокъ, пользовался въ околodкѣ славой честнѣйшаго и ничѣмъ незапятнаннаго хозяина; случалось, что

старые, забытые въ его домѣ конверты, дырявые тазы или истоптанныя подметки отъ сапогъ онъ возвращалъ по принадлежности, а бралъ только вдвое дороже другихъ. Крашенныя ставни давали ему на это право. Пятьдесятъ рублей серебромъ можно было смѣло ему повѣрить для разнѣна, но за это онъ бралъ только по копѣйкѣ съ рубля. Домъ Авраама не даромъ назывался гостиницей, между тѣмъ какъ остальные назывались только корчмами или постоялыми дворами. На столбахъ стояли два фонаря, точь-въ-точь какъ у почты, и придавали дому торжественный видъ; свѣчки никогда въ нихъ не горѣли, также какъ и на почтѣ; но въ такихъ фонаряхъ никогда свѣчи и не горятъ. Авраамъ не считалъ своей обязанностью давать примѣръ, но самъ готовъ былъ слѣдовать ему. Онъ съ гордостью повторялъ прїѣзжему, что у него стояли три дивизіонныхъ генерала, одинъ нѣмецкій князь (онъ прибавлялъ *заграничный*), а два уѣздныхъ графа только у него останавливались. Какая-нибудь бриченка, запачканная грязью, высланная соломой и запряженная тощими лошаденками, съ кучеромъ въ свиткѣ, никогда не осмѣливалась вѣхаться въ ворота отеля. Сюда только проскользали однѣ кареты, коляски и крытыя рессорныя нетычанки. Какой-нибудь оборванецъ не дерзнулъ бы ночевать въ этой гостиницѣ, потому что привратникъ въ бархатной шапкѣ не пустилъ бы его. Скажемъ, между прочимъ, что этотъ привратникъ платилъ хозяину за право служенія въ его домѣ нѣсколько десятковъ рублей; изъ этого можно судить, какое онъ занималъ важное мѣсто.

Съ одной стороны корридора тянулись ряды гостинныхъ, съ другой въ меньшемъ количествѣ менѣ парадныя комнаты, а тамъ билліардъ и буфетъ, который мѣстные знатоки предпочитали патентованной кондитерской швейцарца Карикато, находящейся на углу улицы съ огромнѣйшей вывѣской, расписанной тортами и кренделями; внутри эта кондитерская была разукрашена исторіей Вильгельма Телля; но она не могла спорить съ буфетомъ Авраама. Авраамъ со своимъ семействомъ помѣщался тутъ-же возлѣ билліарда и буфета. Онъ былъ чрезвычайно гордъ, а съ прїѣзжающими въ нетычанкѣ даже невѣжливо, съ господами немного дерзокъ, со шляхтой невыно-

симо напыщенъ; но владѣтель такого великолѣпнаго дома могъ ли быть инымъ!

Богатый, привилегированный факторъ почти всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ, который часто имъ даетъ въ-займы деньги, или старается у другихъ имъ занять, лучше всѣхъ знаетъ исторію цѣлаго уѣзда и дѣла своихъ кліентовъ. Ихъ характеры, обычаи, наклонности, тайныя сдѣлки и страсти онъ читалъ, какъ по книгѣ. Записки Авраама, безъ сомнѣнія, были-бы лучшей хроникой для уѣзда, но, увы, онъ не думалъ ихъ писать, а единственнымъ въ этомъ родѣ его произведеніемъ была прихода-расходная книга.

Пасмурный осенній вечеръ ложился надъ городомъ въ опшываемое нами время. Небо со всѣхъ сторонъ покрывалось облаками синяго отлива, вѣтеръ свободно гулялъ по опустѣвшему рынку, въ костелахъ раздавался вечерній колоколъ, по мостовой тянулись ряды бричекъ, колясокъ, нетычанокъ, возовъ и своимъ движеніемъ объявляли городу о важной эпохѣ въ его жизни.

Кондитерская была великолѣпно освѣщена четырьмя салными свѣчами; у трактира висѣлъ красный фонарь, одна сторона котораго была заклеена синей сахарной бумагой; въ воротахъ постоянныхъ дворовъ кричали факторы, приглашая пріѣзжихъ; на рынокѣ слышенъ былъ споръ, брань между факторами, кучера хлопали бичами, а домъ Авраама горѣлъ огнемъ. Всѣ трактиры этого города были заняты пріѣзжими. Городъ гудѣлъ со всѣхъ сторонъ: здѣсь слышится привѣтствіе, крикъ жидковъ, тамъ брань кучеровъ, бряканіе бубенчиковъ на лошадяхъ, хлопанье дверьми. Среди этого гула слышится фальшивый тонъ шарманки, разыгрывающей черезъ всякія пять минутъ одну часть вальса, приписываемаго то Бетховену, то Шуберту, котораго, по всей вѣроятности, не сочинялъ ни тотъ, ни другой; по твердой и сухой мостовой шлепаютъ туфли, стучать сапоги суетящихся жидковъ и бренчатъ болты лавокъ, отпираемыхъ съ необыкновенною торопливостью, несмотря на позднюю пору.

Что дѣлается въ городѣ? Лучшее всего можно узнать у Авраама. Въ обыкновенное время въ его билліардной собирались канцеляристы земскаго и уѣзднаго судовъ и рассказывали свои

дневныя проказы съ прїѣзжей шляхтой, теперь-же здѣсь застѣдали знатные гости, которые недавно прїѣхали изъ деревни.

Во главѣ ихъ, если не головой и чиномъ, то по крайней мѣрѣ, своимъ огромнымъ брюхомъ, отличается панъ Іеремія Петрилло, бывшій владѣтель трехъ деревень; но теперь у него остался только одинъ небольшой, и то заложенный, участокъ. Онъ сидѣлъ съ длиннымъ чубукомъ во рту, попивая чай съ ромомъ. Онъ то закрутитъ усы, то шлепнетъ себя по брюху, то пробормочетъ что-то подъ носъ. Добрякъ, хлѣбосоль, ему, какъ всѣмъ добрякамъ, подъ конецъ не хорошо жилось на свѣтѣ. Три деревни улетучились вмѣстѣ съ дымомъ трубки и разгула, и хогя изъ его огромнаго имѣнія осталась только небольшая часть, Петрилло не унывалъ и не сошелъ съ ума. Прокутилъ имѣніе! Что-жъ дѣлать? Зато знакомые его любятъ. Иногда отъ заботы онъ наморщитъ лобъ, вспомя, что онъ оставляетъ двоихъ дѣтей почти безъ куска хлѣба; но мало-ли есть на свѣтѣ людей безъ хлѣба? Нужно всячески утѣшать себя, — въ стаканѣ утопають воспоминанія прошедшаго, на его золотомъ днѣ тонетъ тоска. Въ молодости Петрилло служилъ въ военной службѣ, гдѣ всего легче научиться всему доброму и дурному: изъ ея школы выходятъ ревностнѣйшіе хозяева и величайшіе лѣнтяи. Случилось, что Петрилло вышелъ изъ нея съ возбужденными страстями, а послѣ смерти отца, когда ему досталось имѣніе, спустилъ его скоро и весело съ друзьями. Жена, кроткая женщина, не смѣла сопротивляться добрѣйшему мужу, у котораго была одна только слабость: онъ былъ страшный волокита, сидѣлъ дома только, когда гостей принималъ. Изъ любви она прощала ему этотъ порокъ. Онъ прокутилъ свое имѣніе не вслѣдствіе одного лишь разгула и неразсчетливой жизни, но часть его пошла тоже на милостыню и добрыя дѣла. Одинъ Богъ знаетъ, чего было болѣе въ жизни Петриллы: добра, или зла?

Далѣе за нимъ сидитъ панъ Тыбурцы-Калетынскій. Это былъ сухой, прямой, худой, черный, съ усами на загорѣломъ лицѣ, шляхтичъ, который изъ пятидесяти тысячъ нажилъ миллионное состояніе. Онъ женился на богатой дѣвушкѣ; лѣта и фizioномія его жены не нарушали его супружескаго спокойствія. Онъ постоянно трудился и копилъ деньги; жилъ скромно,

никому не дѣлалъ добра, и такимъ образомъ вышелъ въ паны. Не приведи Богъ быть ему подвластнымъ! Лучше быть лошадыю или собакой, потому что онъ ихъ кормить и жалѣть, а людей не щадить; но зато сколько у него наличныхъ денегъ! Сколько скирдъ! Какіе запасы! Всѣ говорятъ: нѣтъ лучшаго хозяина, какъ Калетынскій, это образецъ для всѣхъ помѣщиковъ! Правда, что въ немъ мало совѣсти, но много денегъ, а деньги, это—фундаментъ. Калетынскій мало говоритъ, саркастически улыбается; всегда упорно и безстыдно торгуется за грошъ, какъ цыганъ.

Что касается бѣдныхъ, онъ всѣхъ вообще считаетъ скрытыми богачами, которые просятъ милостыню изъ одной лишь алчности, лѣни и хитрости, а даютъ тайкомъ деньги подъ проценты. Всякій разъ, когда бѣдный подойдетъ къ его окну, онъ ему рассказываетъ анекдотъ про нищаго, который носилъ въ палькѣ тысячу червонныхъ золотыхъ, и, вслѣдствіе этого, онъ никому ничего не даетъ.

За нимъ третій, панъ Оголевичъ, извѣстенъ своей лишь страстью къ картамъ, которымъ посвятилъ всю свою жизнь. веселый, но глупый, какъ пробка, увѣренный въ самомъ себѣ, неизвѣстно вслѣдствіе чего, крикунъ, съ геркулесовскимъ сложеніемъ, забіяка, любитель лошадей и рюмки. Этотъ типъ слишкомъ извѣстенъ, и потому не стоитъ его описывать. Въ каждомъ уѣздѣ есть свой Оголевичъ.

Далѣе, въ сѣромъ на ватѣ кафтанѣ, съ коротко подстриженными сѣдыми волосами, съ блѣднымъ лицомъ, сидитъ пожилой старичокъ. Онъ прихлебываетъ по каплѣ чай, стоящій передъ нимъ; крихтитъ, все молчитъ, и только изрѣдка, возвышая голосъ, декламируетъ безъ конца, приискивая выраженія, но безъ всякаго смысла. Онъ довольно зажиточный помѣщикъ, всю свою жизнь старался жениться и теперь не прочь, но въ напрасныхъ поискахъ потратилъ годы и потерпѣлъ тысячу неудачъ, очерствѣлъ, прокисъ и одичалъ. Улыбнется ему надежда, онъ веселъ, какъ дитя и отличнѣйшій болтунъ. Въ уѣздѣ его называютъ кавалеромъ *per excellentiam*, это—панъ Ржежицкій.

Возлѣ его молодой него родственникъ, недавно возвратившійся изъ Берлина, Павелъ - Христофоръ Ржежицкій. Онъ докуриваетъ

сигару съ чисто иностранной граціей и удивляетъ провинціаловъ своимъ необыкновенно длиннымъ жилетомъ и чрезвычайно короткимъ сюртучкомъ. Все время, назначенное для науки за границей, онъ прогулялъ; однако-жь, у него что-то болтается въ головѣ изъ слышанныхъ лекцій, разговоровъ и отрывковъ прочитанныхъ книгъ, и потому онъ несетъ турусы на колесахъ, въ особенности, когда попадетъ на невѣждъ, между которыми считается очень умнымъ. Въ другомъ обществѣ онъ мраченъ и молчаливъ, показывая, что онъ не такъ глупъ, какъ кажется. Лѣнь—его первая страсть.

Рядомъ уѣлся добрый и безцѣнный Цинциранкевичъ, человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, наинижайшій слуга цѣлаго уѣзда, нахлѣбникъ и пріятель всѣхъ домовъ, въ которыхъ можно хорошо поѣсть.

Цинциранкевичъ охотно садится играть по небольшой въ преферансикъ, въ вистъ по три гроша, и въ дьябелка по два золотыхъ (когда немного навеселѣ), но съ особеннѣйшимъ удовольствіемъ онъ садится за столъ въ столовой. Въ глаза онъ всѣхъ чрезвычайно хвалитъ, а въ чужомъ домѣ ловко злословитъ съ участіемъ, то есть сожалѣя, кивая головой и вздыхая. Если его пригласятъ на обѣдъ, онъ поддакиваетъ всѣмъ и во всемъ безъ исключенія, а, имѣя много талантовъ, онъ всю ночь готовъ играть мазурку на фортепіано, настраивать инструментъ, выѣзжать лошадей, смотрѣть за стрижкою овецъ, барышнямъ рисовать узоры, переписывать поварскія кушанья, ухаживать за старыми дѣвами. Еще не испытано, умѣетъ-ли онъ чистить сапоги, но, судя по его собственной обуви, можно предполагать, что и этотъ талантъ ему не чуждъ, и что онъ глубоко изучилъ тайны природы и употребленія ваксы. По всей вѣроятности, онъ хотѣлъ бы жениться на комъ попало, лишь-бы на богатой, и ожидаетъ случая, кому бы могъ послужить ширмой и пожертвовать собой. У него есть заложенный участокъ въ какой-то деревнѣ, который онъ получилъ по раздѣлу, и эта деревня уже десять лѣтъ находится въ опеку; у него есть тоже тройка лошадей, изъ которыхъ одна явно слѣпа, другая — скрытно, а послѣдняя припадаетъ на ноги, но незаметно; есть кучеръ, который вмѣстѣ и лакей; пѣнковая трубка,

обшитая въ штопаную перчатку; двухствольное ружье и шка- тулка, полная секретовъ.

Онъ никогда не съѣсть, не выпьетъ на свои деньги, но зато на чужія съ величайшимъ удовольствіемъ; приглашенный въ сви- дѣтели, онъ никогда не дорожится. Цинциранкевича всѣ тол- каютъ, а онъ всѣмъ кланяется, всѣхъ обнимаетъ и, вытолкан- ный въ двери, неожиданно возвращается въ окно, безъ гнѣва, безъ желчи: — такая прекрасная душа!

На стульчикѣ, возлѣ печки, подобравъ ноги подъ себя по восточному обычаю (Кому неизвѣстно, что мы восточнаго происхож- денія? А эта привычка можетъ служить докательствомъ генеа- логиі!), разсѣлся уѣздный предводитель — глава уѣзда. Невдалекѣ отъ него стоитъ неотлучный секретарь Шерепетка, полный, обросшій черными волосами, огромнаго роста мужчина, съ боль- шимъ перстнемъ на пальцѣ, въ зеленомъ вицъ-мундирѣ, съ пряжкой за пятнадцатилѣтнюю службу. Предводитель тоже пол- ны, въ черномъ вытертомъ сюртукѣ, говоритъ очень громко о томъ, о чемъ не стоило-бы даже тихо говорить. Онъ добрый челоувѣкъ, но былъ-бы еще лучше, если-бы не любилъ болѣе всего денегъ. Онъ готовъ даже сдѣлать добро, если въ этомъ видитъ свою пользу. Кромѣ своей выгоды и пользы, его умъ не въ состояніи ничего понять, а потому онъ ни на минуту не можетъ обойтись безъ секретаря. Голова, которую онъ дер- житъ на плечахъ только для формы, полна плоскихъ остротъ, шутокъ, пустой болтовни, но не въ состояніи связать даже двухъ серьезныхъ мыслей, и потому онъ вездѣ и всегда имѣетъ неизбѣжную надобность въ секретарѣ, за исключеніемъ контрак- товъ съ евреями, — съ этимъ народомъ предводитель самъ сла- дить. Если случится дѣло, касающееся службы или опеки, то предводитель никогда не заботится узнать о его развязкѣ и медлить отвѣтомъ, пока не придетъ его секретарь, при которомъ снова начинается разговоръ. Одинъ изъ трехъ условныхъ зна- ковъ управляетъ общаніемъ благопріятнаго успѣха, рѣшитель- наго отказа, или отсрочкой дѣла. Если секретарь покачаетъ головой, то напрасно помѣщику доказывать, что его имѣніе несправедливо остается въ онекѣ; если склонитъ ее на грудь, предводитель радуется, что это дѣло можно скоро рѣшить съ успѣхомъ; если сложить руки на животъ, то дѣло отлагается

до дальнѣйшаго размысленія. Вдобавокъ, кліенту обыкновенно является необходимость поговорить наединѣ съ секретаремъ. Неизвѣстно, по какой причинѣ секретарь привыкъ складывать руки на животъ, но онъ постоянно держалъ ихъ въ такомъ положеніи. Въ городѣ приписывали эту привыку опасенію холеры и потребность согрѣть этотъ важный органъ тѣла.

Кромѣ упомянутыхъ особъ, здѣсь находились еще капитанъ изъ Куриловки, съ которымъ мы уже немного знакомы, всегда невзрачно одѣтый, съ гадкимъ своимъ табакомъ, портящимъ въ комнатѣ воздухъ, щедро надѣляющій всѣхъ поклонами и объятіями, и панъ Самурскій, громко спорящій, съ выраженіемъ скорѣе солдата, нежели дипломата, и молодой Паливода, который мѣтитъ занять достойное предводительское кресло, имѣя на него претензію, по крайней мѣрѣ, за свой открытый столъ и трехлѣтнее потчиванье господъ избирателей.

Это былъ высокаго роста блондинъ; здоровый, крѣпкій и сильный мужчина, черты его лица были-бы прекрасны, если-бы онъ не каверкалъ ихъ разными кривляньями: то щуритъ глаза, отдувая верхнюю губу, то опять открываетъ ихъ и поднимаетъ вверхъ; иногда моргнетъ только одной половиной глаза, а другая остается неподвижна, или хмуритъ и подымаетъ брови, какъ-будто онѣ у него на ниточкахъ. Руки, ноги, голова, плечи и всѣ члены тѣла у него въ сильнѣйшемъ движеніи безъ всякой причины; никогда онъ не встанетъ естественно, не сядетъ спокойно, не подойдетъ по-человѣчески; стоя, онъ качается, такъ что боишься за него; садясь, онъ падаетъ и выворачивается на стулѣ; ходя, прыгаетъ, крутится и вытягивается, точно въ конвульсіяхъ. И такимъ образомъ, даже ничего не дѣлая, ведетъ жизнь очень дѣятельную. Длинные свѣтлые усы спускаются по выбритому лицу, на головѣ образовалась преждевременная плѣшь, остальные волосы онъ зачесываетъ назадъ. Носитъ, обыкновенно, короткую шубку или казакинъ, подшитый зимой простымъ баранкомъ; шаровары необятной ширины, вышитыя кожей, кавказскій поясъ, набитый серебромъ, а на шеѣ платочекъ свѣтло-пунцоваго или голубого цвѣта, небрежно завязанный. На мизинцѣ у него блеститъ маленькое колечко. Прекрасная лягавая собака лежитъ у его ногъ, потряхивая бронзовымъ ошейникомъ. Его окружаетъ молодежь; онъ рассказываетъ

чудеса о своихъ гнѣдыхъ лошадяхъ съ самоувѣренностью, на которую даютъ право кулакъ, молодость и деньги. Онъ былъ-бы смѣшонъ, если-бы не былъ страшенъ; иной и не прочь бы по-смѣяться надъ нимъ, или противорѣчить, но не смѣетъ, страшась кулака, сабли, пистолетовъ и всѣхъ послѣдствій, которыя грозятъ тому, кто задѣнетъ Паливоду. Но, несмотря на недостатки его характера, или, лучше сказать, воспитанія, нельзя не признать въ немъ благородства, душевной доброты, даже честности; тѣмъ не менѣе, онъ дѣлаетъ ежедневно страшнѣйшія глупости, которыя бросаютъ тѣнь на его характеръ. По наущенію товарищей, онъ въ ссорѣ съ матерью, прекраснѣйшею женщиною. За то, что она упрекала его въ пустой и празднои жизни,—онъ сказалъ ей: „Эхъ, что эти бабы понимаютъ!“ Съ тѣхъ поръ, хотя онъ не видится съ обиженною матерью, однакожъ питаетъ къ ней должную признательность и помнитъ о всѣхъ ея нуждахъ. Несмотря на благородство, онъ по разсѣянности не исполняетъ иногда данного еврею слова.

— Что такое жидъ? Піявка, которая сосетъ насъ, — кричитъ онъ, оправдываясь передъ самимъ собою, а самъ не видитъ, что чернота еврея нисколько не оправдываетъ его собственной грязи. Легкомысліе и страсть къ лѣни,—вотъ главные источники его пороковъ.

Смолоду онъ не привыкъ считать обязанности главнымъ основаніемъ своихъ дѣйствій, а въ зрѣломъ возрастѣ удовольствія жизни мѣшаютъ ему ихъ замѣтить; его принципъ—наслаждаться!

У Паливоды нѣтъ болѣе серьезнаго занятія, какъ охотиться, играть въ карты, нить для того, чтобы выиграть пари. Онъ ищетъ ухаживанья, которое легко дается; избѣгаетъ общества, для котораго нужно надѣть фракъ и бѣлыя перчатки; стрѣляетъ въ цѣль; ѣздитъ верхомъ; любитъ свободную бесѣду и проч. Оставшись одинъ, онъ скучаетъ. По этому можно судить о человѣкѣ: кто скучаетъ съ собою наединѣ, у того нѣтъ основанія, — рано-ли, поздно-ли принужденный вести уединенную жизнь, онъ предается гадкимъ страстямъ, чтобы избѣгнуть самого себя. Онъ утонетъ въ пьянствѣ или въ развратѣ. Но, пока на звукъ золота, побрякивающего въ кошелькѣ, откликаются голоса друзей Паливоды, онъ не станетъ жаловаться

на жизнь. Нѣтъ дня, въ который онъ не находилъ-бы общества, готовата повеселиться.

Въ описываемый нами день кругъ мнимыхъ друзей шумно совѣщается выбрать въ предводителя Паливоду. Самурскій, глава союза, шепчетъ на ухо совѣты кандидату и тихо рассказываетъ ему о своемъ визитѣ къ пану Грабу. Молодежь приближается и съ любопытствомъ прислушивается.

— Увидимъ!—кричатъ смѣльчаки,—пускай только покажется, мы дадимъ ему славный урокъ.

— Оставьте его въ покоѣ, лучше не затрогивайте его,—возразилъ Паливода, задумавшись.

— Какъ! Лучше не затрогивать!—закричалъ молодой человекъ съ черными усами.—Что? Не лучше-ли позволить водить себя за носъ? Какой-нибудь старый педантъ станетъ читать тебѣ мораль и проповѣди, а ты еще ему кланяйся за это? Нѣтъ, нѣтъ! Хочетъ получить урокъ—получить!

— Тише, тише, панъ Юзефъ! Не горячитесь, а то надорветесь! — сказалъ Паливода.—Когда увидите его, я ручаюсь, что остынете. Я не въ претензіи за то, что онъ говорилъ, потому что отчасти онъ правъ, а затрогивать его, ей-Богу, вредно.

— Увидимъ!

— Увидите!

И громкій разговоръ снова перешелъ въ шопотъ, возгласы и ропотъ.

Конюшій Суминъ пріѣхалъ тоже въ городъ, не столько для выборовъ, сколько для того, чтобы узнать о торговлѣ хлѣбомъ. Изъ экономіи, онъ остановился въ плохомъ и грязномъ еврейскомъ домѣ, у родныхъ своего арендатора. Его не было на предварительномъ сѣздѣ въ гостинницѣ „Авраама“; не было тоже обоихъ Грабовъ, ни молодого Сумина, потому что они только что пріѣхали и предпочли, послѣ разборки вещей, лучше предаться отдыху, чѣмъ идти въ городъ.

Между тѣмъ, около билліарда завязался оживленный разговоръ; главнымъ предметомъ его были выборы новаго предводителя. Прежній предводитель очень желалъ остаться на своемъ мѣстѣ. Паливода и другіе усердно старались замѣнить его, не переставая, впрочемъ, увѣрять его, что будутъ держать его

сторону. Тихая партія выводила въ предводители нана Калетинскаго, который, высчитавъ впередъ все выгоды и потери, извлекаемыя изъ предводительства, и принявъ въ соображеніе безнаказанность во многихъ, необходимыхъ для него злоупотребленіяхъ, все еще колебался, соглашались-ли ему принять предводительскій титулъ вмѣстѣ съ его выгодами и бременемъ службы, изъ уваженія къ дворянамъ.

Многіе, какъ, напримѣръ, капитанъ, по скрытности своего характера, Цинциранкевичъ, по привычной своей учтивости, не обнаруживали — кому они общали свои голоса. Цинциранкевичъ осторожно разбиралъ, у кого были-бы самые вкусные и богатые обѣды. Впрочемъ, онъ избѣгалъ всякой непріятности, чувствуя, что самый плохой обѣдъ лучше совершеннаго голода; онъ ни въ комъ не хотѣлъ нажить себѣ врага.

Присутствіе предводителя, сидѣвшаго возлѣ печки, препятствовало совѣщаться какъ партіи Паливоды, такъ и другимъ; но какъ только предводитель съ секретаремъ вышли за дверь, разговоръ принялъ самый оживленный тонъ.

Капитанъ, послѣ долгаго размышленія, тщательно вычистилъ трубку; разсмотрѣлъ ее при свѣчкѣ до самаго дна, выдулъ, выскоблилъ ее щипцами отъ сальной свѣчи (онъ вовсе не былъ брезгливъ въ выборѣ средствъ); старательно завязалъ кисеть, обмоталъ его около пуговицы, подумалъ и тогда только отправился къ партіи, которая, не присоединясь къ друзьямъ Паливоды, потихоньку совѣщалась въ углу. Онъ сперва сосчиталъ глазами, сколько тамъ было душъ, остановился и, наконецъ, съ осторожностью втерся между совѣщающимися и, уловивши минуту, сталъ съ покорностью говорить въ такомъ родѣ:

— Позвольте, почтеннѣйшіе господа!

— А, и господинъ капитанъ къ намъ, — отозвался Цинциранкевичъ.

— Бажется, рѣчь идетъ о будущемъ предводителѣ.

— Точно такъ, — отвѣтилъ кто-то со стороны.

— Позволяете-ли вы, господа, подать вамъ одну мысль? — спросилъ капитанъ.

— Даже двѣ! — сказалъ, громко смѣясь, такъ что затря-

слось у него брюхо, добрыйшій панъ Петрилло, довольный своею остротой.

— Но пусть это останется между нами, — тихо прибавилъ капитанъ, осторожно оглядываясь и втиснувшись въ середину кружка, — чтобы только не узнали, что я первый подаль эту мысль.

— Ну, ну! Стрѣляй, капитанъ, стрѣляй только смѣло!

— Скажу коротко: отчего намъ не избрать въ кандидаты пана конюшаго Сумина?

— Въ своемъ-ли вы умѣ?

— Въ своемъ-ли я умѣ? — повторилъ, обидясь, капитанъ, — выслушайте только меня!

— Слушаемъ.

— Онъ старъ, богатъ, свободенъ, отчего ему не послужить уѣзду и дворянамъ? Поваръ у него хорошій, я это знаю, а если теперь еще не такой, какого слѣдуетъ имѣть предводителю, потому что предводитель держится секретаремъ и поваромъ, то ему ничего не стоитъ имѣть отличнаго повара. Секретарь будетъ за него все дѣлать, какъ водится, а поваръ будетъ стряпать, потому что у него есть на что купить и изъ чего сварить. Вдобавокъ, онъ человѣкъ добросовѣстный, честный, не тронетъ ни магазинныхъ, ни другихъ денегъ, это вѣрно, и не позволитъ взять!

— Въ самомъ дѣлѣ, мысль недурная, — сказалъ Петрилло.

— Напримѣръ, въ непочтовые дни онъ можетъ сдѣлать облаву для цѣлага уѣзда, съ завтракомъ и шампанскимъ.

Всѣ громко расхохотались; капитанъ продолжалъ:

— Ну, ну, смѣйтесь, смѣйтесь! Смѣхъ — смѣхомъ, но я не вижу повода, почему-бы его не избрать.

— Домосѣдъ! — отозвался одинъ.

— Старикъ! — прибавилъ другой.

— И скучный ворчунъ! — сказалъ третій,

— Но честный и богатый человѣкъ! — перебилъ еще кто-то.

— И дичи у него до *pas plus ultra*! — шепнула Цинциранкевичъ, — дикія козы у него — обыкновенное блюдо.

— И старое вино, — прибавилъ тихо Петрилло. — Правда, онъ его бережетъ, но, если его единодушно выберутъ дворяне, кто знаетъ, можетъ быть, ключомъ отъ сердца мы доберемся до его погреба.

— Я знаю,—продолжалъ съ горячностью капитанъ,—что онъ ничего не пожалѣетъ; но, тсъ, ни слова! Если онъ узнаетъ о проектѣ, то впередъ запротестуетъ; и такъ языкъ за зубами; увидимъ, что будетъ въ губернскомъ городѣ. Я берусь сдѣлать его кандидатомъ. Вся суть—убѣдить всѣхъ секретнымъ образомъ, что лучше всего избрать конюшаго. А почтеннѣйшему предводителю нашему, котораго я люблю и уважаю...

— Цѣню и почитаю!—прибавилъ Цинциранкевичъ, не пропуская случая заявить свои чувства.

— Дистиллирую и препарирую,—тихо пародировалъ Петрилло.

— Котораго уважаю!—кончилъ капитанъ,—сознайтесь сами господа, пора ему уже на покой. Я не лишаю достоинствъ и любезнѣйшаго Паливоду... (который стоялъ въ сторонѣ и не былъ замѣченъ).

— Достойнѣйшій молодой человѣкъ, подающій надежды,—сказалъ важно Цинциранкевичъ,—и *honestus*, у него даже въ полночь столъ накрытъ.

— Ну! Паливода можетъ подождать,—говорилъ капитанъ,—конюшій—хорошій человѣкъ.

— Прекраснѣйшій изъ всѣхъ людей!—вторилъ ему блюдолизъ.

— Конюшій будетъ достойный представитель уѣзда, нечего объ этомъ говорить!—отозвались нѣкоторые.

Новая мысль, брошенная капитаномъ, скоро распространилась, а виновникъ ея бочкомъ выскочилъ изъ трактира «Авраама», самодовольно улыбаясь.

Рядомъ съ домомъ Авраама, около каменнаго дома Ицки, на другой день, по утру, нѣсколько лакеевъ въ ливреяхъ, въ синихъ фракахъ, суетились, бѣгали отъ однихъ дверей къ другимъ. Прекрасная вѣскалая карета, обвѣшанная коробками и коробочками, знакъ, что въ ней пріѣхали женщины, стояла въ сѣняхъ, а рѣзвые служанки, разговаривающія съ лакеями, все зачѣмъ-то бѣгали къ ней.

— Янъ!—кричала одна,—воды для барыни!

— Павелъ! — выбѣгая, кричала другая, — сварена-ли кашка для барыни?

— Зеленаго чаю для барыни! — отозвалась третья.

— Янъ, изъ окна дуетъ; нужно завѣсить ковромъ, — прибавила первая, спустя минуту, и выбѣгая опять изъ комнаты.

На кухнѣ, въ сѣняхъ, поваръ въ бѣломъ передникѣ и два поваренка, въ курточкахъ, варили, жарили, суетились и трудились, несмотря на то, что было только девять часовъ. Въ комнатахъ, выходящихъ на улицу, исчезъ запахъ, свойственный евреямъ: вездѣ разносился чудный ароматъ. Стѣны были украшены коврами и различными бездѣлушками, безъ которыхъ женщины высокаго тона не могутъ обойтись. Мебель разставлена со вкусомъ, прикрыта чехлами, такъ что нельзя было узнать ея прежняго происхожденія. Изъ всего можно было догадаться, что «знатная пани», какъ выражались жида, прибыла въ уѣздный городъ, вѣроятно въ надеждѣ найти развлеченія, которые готовились молодыми людьми. Свита этой знатной пани занимала другую половину дома. Хозяева забились въ уголокъ и только потихоньку переступали порогъ собственного дома.

Въ девять часовъ утра ставни открылись, слуги забѣгали одна за другой то за чаемъ, то за водой, то за кашкой, то коверъ нуженъ барынѣ, то Янъ, то Павелъ. Въ комнатѣ, на диванѣ, обставленная подушками и подушечками, сидѣла изнѣженная дама, опустивъ ноги на скамейку. Передъ ней стоялъ столъ, прикрытый узорчатой салфеткой, на немъ стояло множество флакончиковъ и баночекъ про всякій случай. Каждая коробочка, часто только разъ въ годъ отворяемая, ожидала малѣйшаго признака нездоровья, чтобы служить къ излѣченію. Здѣсь были разные платочки, принаравливаемые къ погодѣ, духи, соотвѣтственные расположенію здоровья, подкрѣпительныя средства отъ тошноты и проч.

Дама въ бѣломъ тафтяномъ капотѣ, стянутомъ шелковымъ шнуркомъ, въ чистомъ чепчикѣ, въ свѣтло-пенельныхъ перчаткахъ на маленькихъ, ручкахъ съ книгою, которой не читала, развалившись на диванѣ, думала въ молчаніи. Ей было уже за тридцать лѣтъ, но, влѣдствіе строгаго ухаживанія за собой, она сохранила свою красоту въ прежнемъ блескѣ. Годы и страданія не отразились на ея прекрасномъ лицѣ. Бѣлизна ея лица упо-

доблялась слоновой кости, легкій неподдѣльный румянецъ игралъ на ея щекахъ, зубы, ровные, какъ жемчужины, блестѣли, когда она улыбалась, волосы черные, какъ вороново крыло, были заплетены въ большую косу; она казалась молоденькой замужней женщиной. А уже прошло слишкомъ двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она стояла у алтаря. Въ прекрасныхъ черныхъ глазахъ, отбѣенныхъ длинными рѣсницами, пылалъ огонь, хотя выраженіе ихъ, какъ и всего лица, обличало болѣзненное расположеніе къ тоскѣ, къ хандрѣ безъ всякой причины. Несмотря на свѣжую краску ея лица, на признаки довольства и счастья, она постоянно роптала на судьбу, она, казалось, приискивала поводъ къ тому, чтобы жаловаться и оплакивать несчастья, которыя рисовало ея разстроенное воображеніе. Это болѣзненное расположеніе не только не уменьшало ея прелести, но, напротивъ, дѣлало ее еще милѣе и прелестнѣе. Она была точно избалованное дитя, которому баловство къ лицу; и, дѣйствительно, ей это шло. Всѣ черты лица, ножки, ручки, станъ представляли совершенство формъ и сливались въ одно прекрасное цѣлое. Красота ея выдерживала самую строгую критику; она не боялась зоркихъ наблюденій; дорожа собой, она любила заботиться о себѣ.

Возлѣ этой прекрасной женщины, на низенькой скамеечкѣ, съ работой въ рукахъ, сидѣла пятнадцатилѣтняя дѣвочка, перетянутая, прямая, но не такая красивая, какъ мать. Природа дала ей менѣе изящества, станъ ея не имѣлъ той гибкости, глаза того томнаго взгляда, рука тѣхъ формъ, ножка не была такъ безусловно мала, а волосы не такъ черны и длинны, какъ у матери, но между ними было сходство. Зато кротость, доброта и покорность придавали особенную прелесть этому милому созданію. Она вязала чулокъ, заботливо посматривая на мать, какъ-будто желая отгадать ея мысли, предупредить ея желанія. Мать продолжала мечтать съ французскою книгою въ рукахъ.

Вдругъ отворились въ передней двери, и шорохъ шелкового платья объявилъ о прибытіи женщины. Прекрасная дама сжала губы, потерла лобъ, дочь хотѣла уже отказать незванной гостьѣ, но на порогѣ появилась м - те Лацкая. Хозяйка бросилась съ дивана, оставивъ книгу, и радостно закричала:

— Лася! Лася! Дорогая моя Лася!

Объ женщины искренно поцѣловались; дочь сдѣлала реверансъ; м-ме Лацкая потрепала ее по лицу, потому что, несмотря на ея пятнадцатилѣтній возрастъ, ее одѣвали въ коротенькія платья, надѣвали вышитые панталончики и обращались съ нею, какъ съ ребенкомъ. Она сейчасъ ушла въ другую комнату.

Уставши отъ волненія и радости, прекрасная дама бросилась на диванъ и прохлаждалась о-де-колономъ.

— Ахъ дай мнѣ отдохнуть! Сколько радости! Сколько волненія! Я вижу тебя такъ неожиданно!—сказала она слабымъ и отрывистымъ голосомъ.— *Quelle bonheur quelle surprise!* Откуда ты пріѣхала? что здѣсь дѣлаешь? — и, не дождавшись отвѣта отъ хладнокровной пани Лацкой, она звучнымъ и гармоническимъ голосомъ продолжала:

— Я только вчера пріѣхала. Дорога ужасная; воздухъ удушливый; квартира предурная, въ комнатахъ угарь, тѣснота, потолки низкіе, вездѣ сквозить! А мое здоровье все хуже и хуже!

— Боже! Что-же это значить?—спросила пріѣзжая дама.— А мнѣ казалось, милая Тереза, что ты теперь гораздо здоровѣе.

— О, нѣтъ! Этотъ румянецъ у меня отъ усталости послѣ дороги. Кажется, и лицо опухло, глаза покраснѣли, а грудь все болитъ и болитъ! — прибавила она, положивъ руку на грудь, а потомъ перенесла ее ко лбу, какъ-будто у нея тоже болѣла и голова.

Объ дамы замолчали.

— Моя жизнь,—это неразрывная цѣпь страданій: *le boulet est loin de moi, mais je le traîne toujours,* — сказала она послѣ минутнаго молчанія и опять тяжело вздохнула.

— Но скажи мнѣ, дорогая Лася, какъ ты поживаешь? гдѣ живешь? какъ ведешь свою горемычную жизнь?—продолжала она.

— Я?—отвѣчала м-ме Лацкая съ обычной ироніею,—нечего и спрашивать, какъ я живу. Ты знаешь, я ни во что не вѣрю, ни на что не надѣюсь, никого не боюсь, никого не люблю...

— Даже меня не любишь?

— Люблю,—съ грустной улыбкой сказала м-ме Лацкая.— О! ты знаешь значеніе этого загадочнаго слова «люблю». Совсѣмъ не то, если женщина скажетъ женщинѣ: люблю.

— Ты все та-же!—прибавила прекрасная дама.

— Все та-же,—повторила m-me Лацкая, — нечего и спрашивать. А ты?

— Я все страдаю.

— У тебя, по крайней мѣрѣ, есть утѣшеніе въ дочери.

— Утѣшеніе или горе. Онъ не захотѣлъ отдать мнѣ моего любимаго ребенка, а далъ то, для котораго мое сердце не бьется. Я заранѣе плачу надъ ея судьбой, зная, что ее ждетъ, какъ женщину. Какое утѣшеніе!

— Ты не подъ гнетомъ жестокаго одиночества, какъ я,—возразила m-me Лацкая.

— Ахъ! Но мое положеніе страшнѣе одиночества: быть вдвоемъ, но одинокой, никогда непонятой, потому что насъ никто не хочетъ и не умѣетъ понять. *Toujours incomprise, seule toujours!*—прибавила она, нюхая о-де колонъ. — Такъ протекла вся моя жизнь! Но у тебя, дорогая Лася, есть подруга жизни, которая любить тебя, цѣнить и понимаетъ, *car enfin on dit beaucoup de bien de m-lle Irène...*

M-me Лацкая улыбулась съ горькой ироніей.

— *Mais si vous voulez,*—продолжала m-me Лацкая, склоняя голову, — *c'est une femme modèle, c'est un ange, une héroïne;* вся бѣда въ томъ, что я не могу оцѣнить ея достоинствъ, а она не можетъ понять меня. *Il y a incompatibilité d'humeur entre nous.*

— Что ты говоришь? *Deception!* А я такъ рада была, что ты въ этомъ домѣ, я полагала...

— О! подальше все прекрасное!

— Но вѣдь о ней чудеса рассказываютъ.

— Развѣ причуды, потому что она чистѣйшая чудачка, *entre nous soi dit.*

— Расскажи мнѣ все подробно, милая моя, я очень желаю знать; расскажи скорѣе! — забывая о своей слабости, говорила прекрасная Тереза, наклонясь къ m-me Лацкой.

— Для лучшаго опредѣленія ея, я скажу въ двухъ словахъ: самое пріятное для нея общество — панъ Хуторъ Граба.

M-me Тереза закричала, отпрыгнула, точно ее обожгли, задрожала и упала отъ волненія на диванъ, закрывая глаза и прикладывая руку къ сердцу.

— Теперь ты поняла, какая эта женщина, — продолжала м-ме Лацкая.

— О, чудачка и больше ничего!

— Она эксцентрична, какъ англичанка, скучна, какъ книга о нравственности.

— И этотъ господинъ бываетъ у нея?

— Очень часто.

— Ты видѣла его?

— Почти каждый день; онъ ближайшій нашъ сосѣдъ.

М-ме Тереза была поражена этимъ извѣстіемъ.

— Вѣрно, и ты осуждаешь меня?—прибавила она тихо.

— Я? за что?

— Не скрывай, говори откровенно; онъ умѣетъ ловко объясняться!

— Но я его терпѣть не могу!—вскричала м-ме Лацкая.— Это несноснѣйшій чудакъ, наводящій тошноту своею моралью.

— Искренно-ли ты говоришь?—съ радостью спросила м-ме Тереза.

— Можешь-ли ты сомнѣваться?

— Меня утѣшаетъ твое признаніе; оно оправдываетъ меня въ моихъ собственныхъ глазахъ. Я должна сознаться тебѣ, что я не разъ упрекала себя, не разъ сомнѣвалась, права-ли я?

М-ме Лацкая пожала плечами.

— Но нужно знать и чувствовать мою горемычную жизнь такъ, какъ я ее знаю, чтобы сжалиться надо мною и презирать этого человѣка. Онъ—самое жестокое твореніе, безъ сердца, безъ состраданія. О! не помню, говорила-ли я тебѣ объ этомъ?

Пани Лацкая, зная слабость Терезы рассказывать про самое-себя, не переставала ее, она-же, вздыхая и улыбаясь въ висящее напротивъ зеркало, продолжала говорить:

— Представь себѣ молодое, избалованное дитя, любимую единственную дочь, попавшую въ когти этого человѣка. Мнѣ улыбался свѣтъ, увеселенія, путешествіе, божественный Парижъ, обворожительная Італія, надежды, театръ, балы, словомъ все, что занимаетъ молодость женщины, составляло неизбѣжную потребность моей жизни; а между тѣмъ я должна была сдѣлаться женой дикаго спартанца, который все это порицалъ и отказывалъ даже въ кружевахъ — *первой потребности нашей жизни.*

Онъ хотѣлъ, представь себѣ, убѣдить меня, что виды природы, пѣніе птицъ, размышленіе, скромная бесѣда и прогулки — самыя лучшія удовольствія въ жизни. Боже, онъ хотѣлъ заключить меня, какъ анахорета, въ пустынь! Колясокъ, лошадей, нарядовъ, моды, онъ постепенно всего этого лишалъ меня. При моемъ здоровьѣ, которое держится только на волоскѣ, онъ хотѣлъ лишить меня всѣхъ удобствъ жизни, хотѣлъ непременно вылѣчить меня воздухомъ, моціономъ и трудомъ. Ахъ, одно воспоминаніе объ этомъ тиранѣ заставляетъ меня дрожать. Хорошо, если-бы онъ былъ тираномъ мелодрамы, не маскирующимся, имѣлъ бы силу духа показаться тѣмъ, что онъ есть на дѣлѣ. Но нѣтъ! Съ улыбкой на устахъ, со сладенькою моралью, съ притворною добротой, съ чувствомъ, доведеннымъ до экзальтаціи, но фальшивымъ, о, фальшивымъ, подъ видомъ моего собственнаго блага, онъ исподволь терзалъ меня, сосалъ мою кровь, негодай! А когда отъ слезъ я падала безъ чувствъ, онъ становился предо мной на колѣна, блялся, что меня любить, обожаетъ; цѣловалъ мои ноги. О, я не хочу вспоминать всего: онъ лгалъ, лгалъ! Если-бы онъ любилъ меня, то ни въ чемъ не отказывалъ бы мнѣ; между тѣмъ, онъ ни на одну іоту не измѣнилъ своихъ убѣжденій, чтобы угодить мнѣ. Я постепенно таяла, будучи принуждена показываться въ свѣтъ не въ томъ видѣ, въ которомъ требовало мое положеніе и высокое рожденіе. О, это ужасно! Подъ видомъ хорошаго примѣра, сколько онъ мучилъ меня, дразнилъ, не стоитъ даже рассказывать. Наконецъ...

— Наконецъ, вы разъѣхались, — договорила пани Лацкая, желая скорѣе прекратить разговоръ.

— Я благословляю тотъ часъ, въ который я рѣшилась освободиться отъ этихъ тяжелыхъ узъ. Я точно возродилась къ новой жизни. Но сколько это мнѣ стоило труда: я сперва должна была побѣдить его просьбы, клятвы, мольбы, даже слезы, затворяться въ комнатѣ, чтобы не видѣть всѣхъ сценъ, и, наконецъ, бѣжать! Видя, что онъ меня не убѣдитъ, онъ нашелъ способъ отомстить мнѣ и затронуть мою слабую струну. Ты знаешь, что я была послѣдней наслѣдницей древняго дома и фамиліи Хуторъ; мои родители требовали, чтобы онъ мою фамилію присоединилъ къ своей. Притворяясь страстно влюблен-

нымъ, онъ исполнилъ ихъ требованіе. Эта дорогая для меня фамилія перешла на моего любимца Яся: онъ воскресить ее въ памяти потомковъ. Можетъ быть, вслѣдствіе этого я вдвое больше любила его въ болыбели. Юзю я тоже люблю; но можно-ли приказывать сердцу? Какъ будто нарочно, чтобы болѣе помучить меня, онъ не позволилъ мнѣ взять Яся, подъ предлогомъ, что я изнѣжу его, а далъ мнѣ эту холодную, несносную Юзю! Юзя, это — второй онъ!

Бончая эти слова, м-ше Тереза закрыла глаза и задрожала. М-ше Лацкая испугалась за своего друга, дала ей освѣжительнаго содоваго порошка и немного померанцевой воды. Опасность скоро миновала, и разговоръ снова продолжался.

— Я немного удивилась, — заговорила м-ше Лацкая, — узнавши о твоёмъ приѣздѣ. Съ твоимъ-ли здоровьемъ приѣзжать для увеселеній? Развѣ для Юзи!

— Юзя еще не выѣзжаетъ въ свѣтъ, — отвѣтила м-ше Тереза, — она дитя. Ты вѣдь знаешь, что единственное облегченіе въ моихъ страданіяхъ — самозабвеніе въ омутѣ свѣта. Увеселенія не развлекаютъ меня, но одуряютъ и отклоняютъ отъ отчаянія, въ которое я бы неминуемо впала.

— Такъ мы увидимся сегодня на вечерѣ?

— Я должна непременно быть! Кое-какъ потащусь съ отравой въ сердцѣ и съ печалью на лицѣ.

Пани Лацкая незамѣтно улыбулась и тихо спросила:

— Ты не боишься встрѣчи съ твоимъ мужемъ?

— Онъ никогда не бываетъ на увеселеніяхъ; да, впрочемъ, мнѣ все равно. Развѣ онъ здѣсь?

— Кажется, онъ хотѣлъ приѣхать.

— Ты полагаешь? — спросила съ безпокойствомъ м-ше Тереза. — О! Это отравило бы мнѣ весь вечеръ! — и она граціозно склонила свою головку. — Ясь, вѣрно, тоже съ нимъ. Онъ всегда съ нимъ; увижу-ли я его? Но нѣтъ, нѣтъ! Перестанемъ говорить объ этомъ: я чувствую, какъ этотъ разговоръ раздражаетъ мои нервы. Ты начала-было говорить о своей подругѣ Иринѣ.

— Подругѣ?! ха! ха! — съ пронию сказала м-ше Лацкая.

— Такъ и она тоже чудачка?

— Самое странное существо на землѣ; и, если-бы твой

мужъ былъ моложе, какъ-разъ ему жена: они другъ друга отлично понимаютъ и уважаютъ.

Пани Тереза пожала плечами.

— Она просто чудовище!

— Да, но очень красивое чудовище! Представь себѣ женщину, которая ѣздитъ верхомъ, спасаетъ людей отъ пожара, перевязываетъ раны и лѣчитъ, по цѣлымъ часамъ ведетъ поучительные разговоры съ мужиками и деревенскими дѣтьми, читаетъ нѣмецкихъ философовъ, надъ которыми смѣется, не вѣрять въ Балзака и въ его знаніе женскаго сердца, играетъ на фортепіано, какъ ученикъ Листа, рисуешь, какъ Калямъ, издѣвается надъ балами, увеселеніями, надъ чужестранными обычаями, и врядъ-ли она тайкомъ не пишетъ, потому что у нея часто пальцы запачканы чернилами. Ко всему этому присоедини еще экзальтированное ханжество...

— Еще что? — говори, пожалуйста, милая моя! Я очень любопытна! Она занимаетъ меня своею оригинальностью. Прекрасное созданіе.

— Впрочемъ, она доброе созданіе, но много о себѣ думаетъ и нисколько не понимаетъ свѣта. Горячая головка и пренебрегаетъ свѣтскими приличіями, какъ шелухой орѣха.

— Гдѣ-же она воспитывалась?

— Спроси только, гдѣ она не воспитывалась? Ея опекуномъ былъ, вѣроятно, извѣстный тебѣ оригиналъ—старый коношій Суминъ. Онъ любитъ ее, какъ свое дитя; старикъ съ ума сошелъ, чтобы сдѣлать изъ нея что-то необыкновенное, и это вполнѣ ему удалось: онъ сдѣлалъ изъ нея превосходнѣйшую чудачку. Вся бѣда въ томъ, что она съ самаго начала досталась въ руки нашихъ домашнихъ учителей и наставницъ, которые сразу вскружили ей голову такъ, что потомъ ни француженки, ни англичанки, ни путешествіе по Европѣ не могли перевоспитать ее. Подъ конецъ, у нея была m-me Вильби, англичанка, и эта довершила ударъ, потому что сама она чрезвычайно оригинальная дѣвица. Она хотѣла отправиться въ Индію для распространенія Евангелія, доказывая, что женщины, точно также какъ и мужчины, могутъ обращать въ христіанство... Въ такомъ-же родѣ и ученица. Кто-то на ней женится? Хотя она очень богата и не высоко подымаетъ го-

лову, но бѣда этому счастливцу! Я должна предостеречь тебя, дорогая Тереза, кажется, туда водять твоего Яся!

Сверхъ ожиданія, пани Терезу нисколько не испугала эта новость, она только спросила съ любопытствомъ:—моего Яся? Зачѣмъ-же пану Хуторъ-Грабѣ и его сыну бывать у нея такъ часто? Вѣдь онъ еще дитя! И она, вѣрно, старше его лѣтами! Должно быть своими причудами она понравилась чудаку.

— Понравилась? Онъ ее просто боготворить, обожаетъ! Свой своего узналъ? Спасай скорѣй своего сына.

— О! Безъ моего согласія Яся ничего не сдѣлаетъ, — спокойно возразила мать. — Въ самомъ дѣлѣ, она не дурна собой?

— О, и очень недурна!

— Хорошей-ли она фамиліи?

— Родъ, это пустяки!

— Извини, я иначе думаю; родъ очень важная вещь! Ты говоришь, она богата?

— Чрезвычайно богата! Но, если сама будетъ управлять имѣніемъ, то ей ненадолго хватить: то, что имѣетъ, она дѣлитъ съ цѣлымъ уѣздомъ.

— Право жаль, что она чудака, — отозвалась пани Тереза, — для моего Яся нужна именно жена прекрасной фамиліи, красивая и богатая.

— Какъ и богатая?—сильно пожимая плечами, вскрикнула пани Лацкая.

— О! Какъ легко ты осуждаешь меня! Я ли цѣню это прекрасное золото, не утоляющее жажды? Милая моя Лася, и ты меня, какъ вижу, не понимаешь!

Послѣдовали взаимные дружескіе упреки, и разговоръ перешелъ опять къ изліянію скорби и горя.

Дѣйствительно-ли ея судьба была достойна сожалѣнія, объ этомъ судили различно, но большая часть свѣта, которую мы привыкли называть свѣтомъ, держала сторону жены противъ мужа. У пана Грабы не было друзей. Прелестная и постоянно плачущая Тереза въ глазахъ всѣхъ казалась жертвой. Граба-же гордо молчалъ, не оправдывался и потому былъ виноватъ.

Холодный по наружности, онъ любилъ ее въ молодости той пламенной и чистой любовью, которую мало кто въ состоя-

ни сохранить свято, не расточая ее по сторонамъ. Его родители сопротивлялись этой женитьбѣ; онъ успѣлъ ихъ уговорить; были препятствія и со стороны невѣсты, но онъ счумѣлъ ихъ побѣдить.

Тереза, прекрасная, какъ ангелъ, но изнѣженная и самлюбивая, какъ избалованное дитя, сначала дарила его минутами если не совершеннаго счастья, то, по крайней мѣрѣ, надежды на счастье. Страстно любя ее, онъ нѣсколько лѣтъ провелъ, любясь своимъ божествомъ, а, убѣдившись, что этотъ прекрасный ликъ Мадонны затемняютъ праздность и легкомысліе, онъ рѣшился съ нѣжной заботливостью перевоспитать ее и возвести на ступень, на которой хотѣлъ ее видѣть.

Хотя онъ брался за это трудное дѣло съ осторожностью и не вдругъ, продолжая любить ее съ пылкостью молодого чловека, хотя былъ снисходителенъ и уступчивъ, но первыя ея попытки къ нравственному перевоспитанію любимой имъ Терезы были встрѣчены вызовомъ къ домашней войнѣ. Тереза не могла понять, чтобы кто-либо не только посмѣлъ ей сопротивляться, но даже ослушаться одного ея взгляда. Въ ту минуту, когда она замѣтила, что мужъ ей противорѣчить, она провозгласила его деспотомъ.

Прекрасная Тереза не была довольна ни мужемъ, ни собою, ни свѣтомъ; ей нужны были удовольствія, поѣздки, наряды, легкія книги, отъ которыхъ разыгрывается воображеніе, не давая пищи уму, и которыя возбуждаютъ въ сердцѣ ложныя чувства. Граба со стойкостью, хотя не вдругъ, сопротивлялся ея желаніямъ. Онъ хотѣлъ укрѣпить ея здоровье моціономъ, трудомъ, полезными занятіями. Напрасныя усилія! Тереза начала плакать, раздражаться и, видя, что слезы и мольбы не помогаютъ, угрожать. Прошло нѣсколько лѣтъ въ такой борьбѣ.

Хотя онъ былъ врагъ излишней роскоши, но позволялъ женѣ гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало, потому что, по его понятію, она должна жить для прекраснаго, но не могъ же онъ позволить всего! Онъ съ нѣжностью сопротивлялся ея путешествію за границу.

Вмѣсто баловъ, которые она хотѣла безпрестанно давать, онъ представилъ ей гораздо болѣе священную обязанность, которая болѣе займетъ ее и развеселитъ, нежели этотъ минутный

пылъ въ круговоротѣ свѣта. Но прекрасная Тереза, балованное дитя, и слышать этого не хотѣла: она плакала, болѣла, впадала въ первые припадки. А когда, наконецъ, парадная упряжь, ливрея и поваръ французъ должны были уступить мѣсто болѣе скромному устройству дома, она произнесла роковое слово: разводъ.

Граба любилъ ее со всеѣми ея слабостями, и первый намекъ о разводѣ чуть было не принудилъ его согласиться на все, но мысль о будущности дѣтей удержала его. Снова преодолѣлъ онъ порывъ сердца, перенесъ угрозы. Онъ не могъ противъ совѣсти воспитывать своихъ дѣтей; у ногъ своей любимой Терезы, онъ умолялъ ее, по крайней мѣрѣ, годъ попробовать новый образъ жизни, который не будетъ ей стоить большихъ жертвъ. Но Тереза оттолкнула его, называя тираномъ, обманщикомъ, подлецомъ. Граба заболѣлъ воспаленіемъ мозга и, находясь между жизнью и смертью, оставленъ былъ одинъ. Когда онъ пришелъ въ себя, жена уже уѣхала. Ей ничего не стоило оставить его на смертномъ одрѣ, безнадежно больного, она даже не оставила при немъ дѣтей, которыя бы утѣшили его. Крѣпкая натура преодолѣла болѣзнь — онъ выздоровѣлъ. Потомъ онъ всячески старался сойтись съ женой, но напрасно! Настали переговоры, и супруги безъ развода развѣхались навсегда, подѣлившись дѣтьми: дочь осталась при матери, сынъ — при отцѣ.

Съ тѣхъ поръ они не видѣлись. Барыня ѣздила за границу, читала французскіе романы чуть не до спазматическаго расстройства, развѣзжала по баламъ и по-прежнему болѣла. Граба, воспитывая сына, велъ строгую и трудолюбивую жизнь. Минувшіе годы и трудъ не изгладили въ немъ сильной привязанности къ женѣ. На вискахъ уже проглядывала сѣдина, но страсть, возбужденная разлукой, не угасала въ его сердцѣ.

Прекрасная, но безчувственная, Тереза за любовь платила ему презрѣніемъ, даже ненавистью. Она не могла ему простить того, что онъ покусился на ея самовластіе: одна мысль сойти съ пьедестала приводила ее въ бѣшенство. Пани Лацкая (ея прошлое мы потомъ узнаемъ), была подругой ея молодости. Понятно, что послѣ долгой разлуки начались взаимныя изліянія, жалобы, слезы и т. п.

Между тѣмъ, въ городѣ помѣщики суетились, толковали о будущихъ выборахъ чиновниковъ, въ особенности-же предводителя. Прежній предводитель, вмѣстѣ съ секретаремъ, старались склонить на свою сторону большинство голосовъ. Послѣднему такъ хорошо было на своемъ мѣстѣ, что онъ ни за что не захотѣлъ-бы отказаться отъ своей должности и вліянія на добрыйшаго предводителя, которымъ онъ управлялъ мимическими знаками. Съ другой стороны, неутомимый капитанъ старался всѣми силами вывести въ предводителю конюшаго Сумина, который, не зная ничего объ этомъ заговорѣ, спалъ преспокойно. Мысль капитана, благодаря его старанію, ежеминутно прибрѣтала новыхъ приверженцевъ. Такимъ образомъ, старый охотникъ могъ разсчитывать на успѣхъ, потому что лучшихъ кандидатовъ не было.

Партія-же Паливоды, несмотря на громкое отстаиваніе молодежи, кутиль и дармоѣдовъ разстроилась черезъ самого Паливоду. Самурскій горланилъ съ утра до вечера, напрасно приписывалъ неуспѣхъ Паливоды пану Грабѣ, называлъ его «аристократомъ, принимающимъ тонъ наставника» и совѣтовалъ вызвать на дуэль.

— Самъ его вызывай, если хочешь! — кричали на него со всѣхъ сторонъ.

— Я готовъ это сдѣлать, господа, — продолжалъ Самурскій, сильно размахивая руками и тыча всѣмъ въ глаза своимъ чубукомъ, — я готовъ на все рѣшиться, но зачѣмъ срамить васъ? Я не трусь, но дерусь плохо.

Одинъ молодой человѣкъ, который сильно вчера горячился, сегодня только подстрекалъ Паливоду, но самъ держалъ себя въ сторонѣ. Среди смятенія и шума, прерываемаго звономъ вилокъ и стакановъ, стрѣляніемъ пробокъ, показался въ дверяхъ менѣе всѣхъ ожидаемый гость, панъ Граба. Всѣ остолбенѣли, посмотрѣли тревожно одинъ на другого; только одинъ Паливода подошелъ къ нему съ вѣжливой улыбкой. Самурскій схватилъ его за шолы и шепнулъ на ухо, глотая хлѣбъ, которымъ онъ заткнулъ себѣ ротъ:

— Видишь, видишь, какъ его бросило въ потъ. Трусь! Онъ будетъ теперь извиняться и оправдываться передъ тобой; но ты держись бѣзпечно, а въ нуждѣ вызови его; ей-Богу вызови; мы будемъ за тебя!

Паливода, можетъ быть, не слышалъ этихъ словъ; онъ вѣжливо подаль руку гостю и приглашалъ его къ завтраку, но почтенный Граба, поблагодаривъ, отвелъ его въ сторону.

— Я долженъ вамъ сказать нѣсколько словъ наединѣ, — и, взявши подъ руку хозяина, вышелъ съ нимъ въ смежную комнату. Самурскій побѣждалъ на цыпочкахъ вслѣдъ за ними, нашептывая своему другу.

— По крайней мѣрѣ, пускай публично извинится передъ нами.

Но двери захлопнулись передъ самымъ носомъ совѣтника.

— Любезный Константинъ, — началъ Граба, взявши его за обѣ руки и всматриваясь въ глаза молодому человѣку, — если бы я не уважалъ твоихъ родителей и не питалъ истинной привязанности къ тебѣ, не желалъ тебѣ добра, то не пришелъ бы сюда. Не приписывай мой визитъ какой-либо интригѣ выборовъ; — я дѣйствую, какъ другъ.

Паливода молча поклонился.

— Захочешь-ли принять совѣтъ отъ стараго друга и доброжелательныя наставленія отъ человѣка, который желаетъ видѣть тебя на ступени общественнаго положенія, достойно исполняющаго свои обязанности? Не обидить-ли тебя мой совѣтъ?

Паливода невольно чувствовалъ надъ собою превосходство человѣка, которому долженъ былъ покориться, и потому съ чувствомъ отвѣтилъ:

— Отчего же мнѣ не выслушать хорошаго совѣта?

— Меня радуетъ такое настроеніе духа, — возразилъ Граба. — Вѣроятно, Самурскій передалъ тебѣ мои слова насчетъ избранія тебя въ предводители. Я ему отвѣтилъ то, что теперь повторю тебѣ въ глаза: Пану Константину Паливодѣ нужно прежде переѣмнить образъ жизни, примириться съ матерью, прогнать дармоедовъ, которые разоряютъ его и отнимаютъ дорогое время; если Богъ поможетъ, и онъ сдѣлается человѣкомъ въ полномъ значеніи этого слова, то мы съ радостью готовы его выбрать даже въ губернскіе предводители.

Паливода сконфузился, покраснѣлъ и немного обидѣлся.

— Вы находите, — сказалъ онъ въ явномъ замѣшательствѣ, — что я дѣйствую не такъ, какъ должно?

— По моему мнѣнію — да; и тебѣ это говорю прямо въ глаза. При чужихъ я, можетъ быть, сѣумѣлъ бы защитить тебя, но въ глаза я долженъ порицать твои поступки. Ты молодъ, силенъ, способенъ, богатъ, а у тебя нѣтъ лучшаго занятія, какъ развратничать, пить, играть въ карты и кормить дармоѣдовъ, поощряя ихъ праздность. А твое обращеніе съ матерью!

— Въ этомъ, мнѣ кажется, я не долженъ никому давать отчета.

— Извини, Богу и людямъ человѣкъ долженъ отдавать отчетъ во всѣхъ своихъ поступкахъ. Богъ повѣряетъ совѣсть человѣка, и люди должны судить его поступки, потому что изъ мелочныхъ дѣйствій составляется цѣлость общественной жизни, а ты подаешь дурной примѣръ.

— Но кто вы такой, — съ горячностью спросилъ Паливода, — что смѣете учить меня?

— Я твой доброжелатель, человѣкъ старше тебя опытомъ и обязанъ по совѣсти сказать тебѣ правду.

— Но я объ этомъ не прошу васъ!

— Я даю тебѣ ее непрошенную: ты можешь ее принять или отвергнуть, какъ тебѣ угодно. Ты имѣешь доброе сердце, товарищи тебя баламутятъ — мнѣ жаль тебя; подумай о себѣ.. Я пришелъ сюда съ самыми лучшими для тебя намѣреніями.

— Благодарю васъ, — сказалъ, покручивая усы, Паливода, — но...

— Я чувствую, — подхватилъ Граба, — что ложный стыдъ удерживаетъ тебя выслушать мнѣніе, съ которымъ ты внутренно согласенъ. Ты сдѣлай это незамѣтнымъ образомъ; прежде всего перемѣни родъ жизни, помирись съ матерью и первый проси у нея прощенія. Ну скажи откровенно, счастливъ-ли ты жизнью, которую ты теперь ведешь? Среди этого омука не находятъ-ли на тебя минуты тоски, сомнѣнія, даже отчаянія? Насыщаетъ-ли тебя кутежъ и пустая болтовня? Скажи?..

Паливода склонилъ голову, замолчалъ, потомъ поднялъ ее и спросилъ пана Грабу, избѣгая прямого отвѣта:

— Но почему вы противитесь моему предводительству, хотя я не добиваюсь этого титула?

— Потому, что вся суть не въ титулѣ, любезный панъ

Константинъ. Предводительство есть великое и прекрасное бремя; но хватитъ-ли у тебя силъ нести его?

— Конечно, я справляюсь не хуже теперешняго нашего предводителя.

— Отлично! Нашъ предводитель имѣетъ только титулъ предводительскій. Но подумалъ-ли ты, что значить быть предводителемъ дворянства въ полномъ значеніи этого слова? Хватитъ-ли у тебя силъ и терпѣнія бороться со связями, съ родными, отвергать просьбы друзей, слѣдить за дѣлами сиротъ и вдовъ въ опеку, за дѣлами другихъ сиротъ—крестьянъ въ отношеніяхъ ихъ къ помѣщикамъ? Довольно-ли у тебя стойкости, благоразумія и хладнокровія, чтобы отстаивать благо уѣзда, поддержать въ немъ довѣренныя твоей совѣсти порядки и справедливость? Наблюдать за собою и за другими, жаловаться, когда нужно, ссориться, когда этого требуетъ совѣсть, преслѣдовать грабителей и мошенниковъ, которыхъ придется выметать изъ всѣхъ угловъ: хватитъ-ли у тебя для этого силъ? Скажи!

Паливода не зналъ, что отвѣтить, но по лицу видно было, что истина проникла въ глубину его сердца, ему только стыдно было сознаться.

— Я по всему вижу, что ты не можешь быть избраннымъ, несмотря на усердныя старанія твоихъ друзей; зачѣмъ подвергаться вѣрнѣйшей неудачѣ?

— Неудачѣ?

— Безъ всякаго сомнѣнія! Лучше впередъ отказаться отъ кандидатства.

Когда они договаривали эти слова, то панъ Самурскій вмѣстѣ съ паномъ Пруцкимъ, послѣ крикливой конференціи въ первой комнатѣ, вошли съ лицами разъяренными и предвѣщающими грозу.

Панъ Пруцкій былъ молодой человѣкъ, который дрался на четырехъ поединкахъ. Онъ смѣло подошелъ къ пану Грабѣ, оттолкнулъ Паливоду, который его удерживалъ и вспылчиво закричалъ:

— Ваши извиненія и извороты ничему не пособятъ. Вы обидѣли пана Константина, неслестно отзываясь о немъ при

панѣ Самурскомъ, а въ лицѣ его вы видѣли и его друзей, отъ имени которыхъ я требую отъ васъ удовлетворенія.

Граба съ улыбкой состраданія посмотрѣлъ на пана Пруцкаго, потомъ на Паливоду; послѣдній былъ сильно сконфуженъ, стоялъ молча и кусалъ съ досады усы.

— Какого вы требуете отъ меня удовлетворенія? — спросилъ съ разстановкой Граба.

— Или вы должны публично извиниться, или мы будемъ стрѣляться!

— А въ чемъ прикажете просить прощенія?

— Въ томъ, что вы говорили о Паливодѣ пану Самурскому. Вы должны оправдаться.

— А если я не оправдаюсь?

— Тогда мы будемъ стрѣляться!

— А потомъ что? — спросилъ Граба.

— Вы шутите? — сказалъ Пруцкій.

— Сохрани Богъ мнѣ шутить! Такое серьезное дѣло, — нечего шутить! Развѣ надъ вашею фантазіею и желаніемъ быть раненымъ мною?

— Это еще мы увидимъ.

— Пускай и такъ. Я не хочу лишить васъ правой руки, нужной для приглаживанія усовъ, и долженъ подстрѣлить вамъ лѣвую, потому что убить васъ я тоже не хочу. Въ жизни вамъ нужно еще много чему научиться, а потому не слѣдуетъ васъ лишать ея.

Пруцкій и Самурскій хотя сильно распѣтушились, но скоро притихли, озадаченные хладнокровіемъ и проніею пана Грабы; Паливода расхохотался.

— И такъ, вы меня вызываете? — сказалъ Граба.

Взять назадъ слово было невозможно.

— Да, — закричалъ Пруцкій. — Увидимъ, что будетъ изъ вашего фанфаронства.

Граба со вздохомъ подошелъ къ молодому человѣку.

— Любезный панъ Пруцкій, — сказалъ онъ съ разстановкой, — къ чему намъ эти шутки? Паливода не въ претензіи на меня за то, что я ему сказалъ, мы съ нимъ легко помирились, развѣ вы лично обижены мною?

— Да, вы меня лично обидѣли, по крайней мѣрѣ своими шутками.

— За эти шутки, если хотите, я искренно прошу у васъ извиненія; вы сами дали поводъ, и онѣ невольно сорвались у меня, видя, что пылъ вашей молодости вы тратите попустому. Повѣрьте мнѣ, поединокъ не такая прекрасная и великая вещь, чтобы имъ можно было хвастаться. Развѣ мужество и смѣлость намъ даны для того, чтобы прицѣливаться въ грудь брата?

— Къ чему это клонится?—спросилъ Пруцкій, покручивая усы.

— Къ тому, чтобы избѣжать дуэли,—возразилъ Граба,—дуэли, которая не дастъ вамъ новыхъ лавровъ, а для меня будетъ прискорбною крайностью.

— Отказаться отъ нея поздно: мы должны драться!—закричалъ Пруцкій, ероша волосы.

— Съ моей стороны одно условіе,—сказалъ хладнокровно Граба.

— А, уже и условія! Слава Богу!—злобно пробормоталъ Пруцкій.

— О, да, съ условіемъ! У васъ вѣрно есть pistols, панъ Константинъ?

— Есть превосходнѣйшіе—Лазаро Коминацо.

— И уже заряжены?

— Только что заряжены.

Пруцкій не безъ испуга посмотрѣлъ на всѣхъ.

— Объ одномъ только прошу васъ,—прибавилъ Граба,—позвольте мнѣ показать вамъ свое искусство стрѣлять, потому что вызывать меня на дуэль значитъ подвергнуть себя вѣрнѣйшей опасности.

— Вы слишкомъ самоувѣренны!—съ беспокойствомъ закричалъ вызывающій.

— Можете называть меня, какъ вамъ угодно, но почтеннѣйшій хозяинъ намъ дастъ pistols и пойдетъ съ нами въ палисадникъ.

Всѣ пошли за Грабой, который, сильной рукой толкнувъ забитую на зиму дверь въ еврейской избѣ, первый вышелъ на дворъ. Сперва онъ удостовѣрился, что избранное для опыта мѣсто огорожено высокимъ заборомъ, потомъ поставилъ доску

въ тридцати шагахъ, велѣлъ вбить въ нее десять крѣпкихъ гвоздей и, разсмотрѣвши пистолеты, сказалъ Пруцкому:

— Если я одинъ разъ дамъ промахъ, тогда вы имѣете полное право смѣяться надо мною. Говоря это, Граба, въ мрачномъ молчаніи, котораго никто изъ присутствующихъ не смѣлъ прервать, выстрѣлилъ десять разъ и засадилъ десять пуль на острія гвоздей.

— Превосходные пистолеты, — сказалъ онъ, обращаясь къ хозяину, и, взявъ Пруцкаго за руку, прибавилъ:

— Теперь скажите мнѣ, честно-ли будетъ съ моей стороны драться съ вами?

Пруцкій, блѣдный, что-то бормоталъ.

— Стрѣлять въ доску не то, что въ человѣка, — вмѣшался Самурскій.

— Безъ всякаго сомнѣнія, — сказалъ Граба. — Если пану Пруцкому угодно, я къ его услугамъ.

Но Паливода сталъ посредникомъ, и противники помирились, подавши другъ другу руки. Граба удалился, сопровождаемый косыми взглядами молодежи.

— Почтеннѣйшіе господа! — сказалъ Паливода, бросаясь на стулъ, когда дверь за Грабой затворилась. — Я уважаю этого человѣка не за то, что онъ такъ отлично стрѣляетъ, но за его характеръ и смѣлость, съ которою онъ высказываетъ горькую истину человѣку. Я признаюсь вамъ, мнѣ даже больно, что я долженъ его уважать. Онъ раскрылъ мнѣ глаза; я рѣшительно отказываюсь отъ предводительства, оно не по мнѣ.

— Какъ, ты отказываешься, — закричали молодые люди, толпой окружая Паливоду.

— Неужели ты до такой степени слабъ?! — крикнулъ Самурскій, трагически подымая чубукъ вверхъ.

— Ты можешь это приписывать малодушію, — мнѣ все равно; но вѣрно только то, что предводительство мнѣ ни къ чему не пригодится, и я не хочу быть кандидатомъ.

— Вотъ какъ! — закричалъ, ломая руки, Самурскій, имѣвшій свои виды въ избраніи предводителемъ пана Константина: онъ рассчитывалъ получить управленіе деревнею, смежною съ его хуторомъ.

— Благодарю васъ, господа, за добрыя желанія; но я во-

время осмотрѣлся и вижу, что, кромѣ стыда, я ничего бы не получилъ.

— Тебя навѣрно избрали бы! Клянусь Богомъ! — кричалъ Самурскій.

— Нѣтъ! — спокойно возразилъ Паливода, — напрасны ваши усилія. Оставимъ это, — сказалъ онъ, смѣясь. — Вотъ лучше покутимъ и повеселимся. Пускай, кто хочетъ, будетъ предводителемъ, а я покорнѣйшій слуга.

Самурскій посмотрѣлъ на него, плюнулъ, сѣлъ такъ, что подъ нимъ стулъ затрепалъ и, махнувъ рукой, сталъ усердно курить трубку; наконецъ, онъ бросилъ ее, нахлобучилъ шапку и ушелъ, сдерживая свой гнѣвъ и ворча подъ носъ:

— Трудись для нихъ, — они отплатятъ тебѣ неблагодарностью! Теперь я умываю руки!

Вся молодежь взялась за стаканы, не исключая Пруцкаго, который, желая поправить свой неудачный вызовъ, сталъ рассказывать о своихъ походахъ, о четырехъ дуэляхъ и восьми дуэльных завтракахъ.

Шутили надъ утренними приключеніями. Противникъ пана Грабы клялся, что для поединка менѣе нужны ловкость и умѣнье, нежели смѣлость и мужество. Такимъ образомъ время прошло незамѣтно среди картъ, рюмокъ и бесѣды. Хозяинъ ушелъ на время и послѣ полуторачасоваго отсутствія возвратился грустный, задумчивый и не принималъ болѣе участія ни въ игрѣ, ни въ кутежѣ.

Уже былъ вечеръ. Приближался часъ бала, на которомъ обѣщали присутствовать всѣ знаменитости уѣзда и города. Жены и дочери нѣкоторыхъ помѣщиковъ получили тоже приглашеніе пріѣхать къ этому дню въ городъ; чиновницы и городскія дамы сѣвши заняты первыя мѣста на диванахъ, въ танцахъ, и за ужиномъ. Хотя вошло въ обыкновеніе смѣяться надъ провинціальными увеселеніями, потому что дѣйствительно они бываютъ смѣшны, однако ни одинъ столичный балъ, со своими парижскими модами и блестящей обстановкой, не можетъ быть такъ жмвописень, какъ балъ въ уѣздномъ городѣ. Какое здѣсь разнообразіе, какіе контрасты, какая непринужденная веселость и неограниченная свобода!

Войдемъ на нѣсколько минутъ въ освѣщенную залу и

присмотримся къ обществу. Кто не бываетъ на уѣздномъ балѣ? Развѣ несчастный канцеляристъ, которому портной не кончилъ жилета, долженствовавшаго произвести эффектъ; развѣ столоначальникъ, которому сапожникъ не принесъ сапогъ. Прочіе, или изъ любопытства, или изъ праздности, стремятся въ залу, или-же отправляются въ буфетъ, чтобы вдоволь напиться, или наконецъ, заглядываютъ черезъ двери.

Не желающіе получать толчки въ дверяхъ снимаютъ со свѣчъ въ залѣ. Рѣдко какой еврей не увидитъ черезъ щели, хотя частичку бала, чтобы потомъ рассказать другимъ: какой былъ фракъ на стряпчемъ, какое платье на исправницѣ, и что дѣлалъ панъ предводитель.

Городское общество, обыкновенно называя этотъ балъ аристократическимъ, принимало тоже въ немъ участіе. Молодые чиновники старались отбивать пары въ польскомъ танцѣ и выступить въ первой парѣ съ m-ле N..., въ пику знати, которую впередъ заподозрѣвали въ гордости и въ желаніи выказать свое превосходство надъ мѣстными жителями.

Единственный офицеръ гусарскаго полка, находившійся въ отпуску, огромнѣйшаго росту, и сильный какъ левъ, рассказывалъ всѣмъ, что на зло аристократіи будетъ управлять музыкой, какъ ему захочется. Словомъ, какъ вездѣ у насъ бываетъ, хотя еще никто никого не задѣлъ, не обидѣлъ, но всею уже ожидали, и готовились къ битвѣ съ призраками.

Не всѣ, однако-жъ, провозгласили крестовый походъ противъ аристократіи. Распорядитель бала и другіе члены, узнали утромъ, что знать уѣзда, какъ-то: пани Граба, m-ле Ирина З... и другія лица будутъ тоже на балѣ, и радость просіяла на ихъ лицахъ. Секретарь, привыкшій все дѣлать за предводителя, счелъ нужнымъ прибавить свѣчъ, и только думалъ какимъ образомъ извлечь пользу: на цѣнѣ-ли, или на количествѣ? Въ первомъ случаѣ онъ возьметъ наличными деньгами, во второмъ—свѣчами. Послѣ долгаго размышленія, онъ предпочелъ оставить два пуда свѣчъ, потому что цѣна стеарина хорошо всѣмъ извѣстна, и нельзя было ее слишкомъ возвысить. Ожидали большого собранія, мужчины уже имѣли абонированные столики для преферанса и отдѣльное фойе, римскій пуншъ, которымъ отличался Барикато. Даже панъ конюшій Суминъ,

никогда не бывавшій на большихъ собраніяхъ, рѣшился поѣхать, когда узналъ, что Ирина будетъ на балѣ, и внукъ его Юрій тоже пріѣхалъ съ паномъ Грабой въ городъ. Онъ взялся за чуприну; побранилъ Мальцовскаго (это случалось только въ необыкновенныхъ обстоятельствахъ), плюнулъ, топнулъ ногой, задумался; потомъ къ ужину заказалъ крупеникъ съ гусемъ, велѣлъ вычистить синій фракъ съ золотыми пуговицами который надѣвался только въ высокаторжественные дни, приготовить сѣрые брюки и варшавскіе сапоги съ кисточками. Все это предвѣщало, что панъ конюшій готовится тоже въ собраніе, чего никогда не бывало. Когда онъ дѣлалъ эти распоряженія, Юрій Суминъ вошелъ въ жидовскую избу, занимаемую его дѣдомъ. Онъ какъ-будто съ радостью принялъ его, но сильное безпокойство проглядывало сквозь наружное равнодушіе и притворную вѣжливость.

— А! Это вы, панъ Юрій! — вскрикнулъ онъ.

— Я пріѣхалъ съ паномъ Грабой посмотрѣть уѣздный городъ.

— Есть что смотрѣть! Потерянное время! Что ты здѣсь увидишь? Гм! Авраама? Іося? Не велѣть-ли тебѣ тоже показать моего хозяина Мордка? Любопытнѣйшая фигура — борода въ поларшина, а носъ вдвое больше.

— Сегодня, кромѣ того, большое собраніе.

— Эхъ! У тебя въ головѣ одна пустота. Варшавянину захотѣлось попробовать и нашей провинціальной жизни.

Юрій склонилъ голову и сѣлъ молча. Панъ конюшій, закусивъ губы, началъ барабанить по столу пальцами. Вдругъ у него блеснула гениальная мысль; онъ бросился къ внуку и, поцѣловавши его, радостно, съ сіяющими глазами воскликнулъ:

— Юраша! Дорогой Юраша! Чортъ меня, возьми! Если я не дамъ тебѣ превосходнѣйшій проектъ! Хочешь?

— Что такое, панъ конюшій?

— Что? Сто чертей, превосходнѣйшій проектъ! Любезный мой, ты долженъ, по крайней мѣрѣ, поцѣловать мою руку за это, — это просто настоящее вдохновеніе! У меня есть для тебя прекраснѣйшая партія.

— Партія въ преферансъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, отличная женитьба!

— Ну, я вовсе не думаю жениться.

— Толкуй! Кто изъ васъ голышей не желаетъ богато жениться, если только можетъ? Въ сердцѣ у васъ пустота; лишь бы карманы были полны, это лучше всего.

— Панъ конюшій!— сказалъ Юрій, обидясь.

— Слушай только!— дергая его за пуговицу, сказалъ съ живостью конюшій, — слушай внимательнѣе. Кажется, ты пріѣхалъ съ паномъ Грабой?

— Да, съ нимъ.

— Ну, ты ничего не знаешь: во-первыхъ, панъ Граба имѣетъ прекрасную, какъ ангелъ, жену, съ которой не живетъ, потому что она убѣжала отъ него: онъ пренесносный человѣкъ, чудакъ, одержимый бѣсомъ; во вторыхъ, имѣетъ еще прелестную, молодую дочь — доброе, кроткое созданіе, и она будетъ богата не менѣе панны Ирины. Этотъ чудакъ Граба хочетъ даже ровно раздѣлить свое имѣніе между сыномъ и дочерью, слѣдовательно, у нея будетъ больше, чѣмъ у Ирины. Понимаешь-ли ты это? Хороша собою, мила и кротка! Ирина—это барыня, которая не позволяетъ управлять собою, хо! хо! А эта — послушное, доброе и смирное дитя. Понимаешь меня? Сегодня на балѣ я познакомлю тебя съ пани Граба: мы съ ней друзья; потомъ я посватаю тебя; они ужъ догадаются, а Тужая-Гора что-нибудь да значить! Ты будешь вездѣ принятъ, женатъ, богатъ, счастливъ, баста! И ступай себѣ къ чорту. А что?—спросилъ онъ подъ конецъ, обнимая Юрія.

Но Юрій стоялъ, какъ камень, холодный, молчаливый разсерженный.

— Дорогой панъ конюшій, — сказалъ онъ съ горькой улыбкой, — я искренно благодарю васъ, но не думаю жениться.

— Это вѣрно?

— Положительно вѣрно!— отвѣтилъ Юрій съ удареніемъ.

Конюшій посмотрѣлъ ему въ глаза, и сказалъ:

— О! Врешь, любезный! Ну, сдѣлай это для меня — поѣдемъ на балъ; я тебя отрекомендую. Сдѣлай, пожалуйста, я тебя прошу.

— Познакомиться я готовъ.

— Граба, вѣроятно, не будетъ на балѣ, потому очень естественно, что ты со мной поѣдешь.

— Но вѣдь вы, какъ я слышалъ, тоже не бываєте на балахъ?

— Напротивъ, иногда бываю; ты можешь самъ удостовѣриться: Мальцовскій вычистилъ мой синій фракъ, разумѣется, не даромъ. Ступай, одѣвайся, пріѣзжай и отправимся вмѣстѣ.

Старый польскій Немвродъ отъ радости потерялъ руки и сталъ шагать по комнатѣ.

— Говоря между нами, — прибавилъ онъ живо, обращаясь къ Юрію, — Ирина своенравное, избалованное созданіе. Я ее люблю, однако, жалость беретъ смотрѣть на нее: напимѣръ, на пожаръ нужно было ей ѣхать. Горячая голова!

— У нея доброе сердце!

— О! золотое сердце, — забывшись, крикнулъ конюшій, — ангельское сердце. — Спыхватившись, что проговорился, онъ прибавилъ. — Скорѣе, впрочемъ, голова у нея горячая, а сердце... Богъ знаетъ. Познакомься прежде съ дочерью пана Грабы: конфетка, говорю тебѣ!

Юрій пожалъ плечами. Время было идти одѣваться; онъ молча поклонился дѣду и ушелъ.

На улицѣ онъ встрѣтилъ капитана, который прохаживался около дверей плохого постоялаго двора. Онъ какъ-будто караулилъ кого-то, со своимъ неразлучнымъ кнсетомъ на пуговицѣ, табакеркой въ карманѣ и надломанной трубкой въ зубахъ. Капитанъ, увидавъ Юрія, сталъ усердно здороваться съ нимъ, обнимать и, крѣпко схвативъ его за руку, почти насильно ввелъ его въ избу, чтобы сказать ему нѣсколько словъ. Изъ скупости онъ вмѣстѣ съ жидомъ помѣстился въ одной избѣ. Когда они вошли въ нее, съ лавокъ начали сбрасывать еврейскія книги, лапсердаки и юбки, горшки и миски, чтобы очистить мѣсто для гостя.

— Знаете-ли? — сказалъ капитанъ, постоянно кланяясь и наклоняясь къ уху Юрія, — я скажу вамъ секретъ. Дайте мнѣ честное слово, что вы никому не скажете?

— Согласенъ.

— Пана конюшаго избирають въ предводителя.

— Да? — спросилъ равнодушно Юрій. — Это хорошо!

— Разумѣется, хорошо. Вотъ вамъ первая новость.

— Я очень радъ; но почему это должно оставаться тайной?

— Тсъ! Вотъ почему, я хотѣлъ съ вами поговорить. Для уѣзда очень важно, чтобы панъ конюшій былъ избранъ въ предводители. Вы могли бы стороною узнать о нашемъ намѣреніи и сообщить своему дѣду новость, о которой онъ не долженъ знать.

— А почему не долженъ знать?—спросилъ Юрій.

— Гмъ! потому что онъ не хочетъ быть предводителемъ, а когда его выберутъ, тогда нечего дѣлать, долженъ остаться.

— Но почему онъ непременно долженъ имъ быть.

— О! Объ этомъ пришлось бы много толковать; въ этомъ заключается общій интересъ. Теперь еще другое: могу-ли я съ вами быть откровененъ?

— О, какъ можно откровеннѣе!

— Вотъ въ чемъ дѣло: если вы послушаете совѣта искреннихъ друзей, вы можете здѣсь прекрасно жениться. Не упускайте только изъ виду панны Ирины.

— Этотъ совѣтъ лишній! — отвѣтилъ Юрій. — Я мало знакомъ съ м-ле Ириной, жениться я не намѣренъ, и проектовъ никакихъ не дѣлаю. Я не женюсь иначе, какъ по любви.

Капитанъ задумался и выдулъ пепелъ изъ трубки прямо въ глаза проходившей мимо еврейкѣ.

— Значить, вы возвращаетесь въ Варшаву?—спросилъ онъ.

— Конечно, и черезъ нѣсколько дней.

— Зачѣмъ? Не лучше-ли поселиться здѣсь при панѣ конюшемъ?

— Здѣсь меня ничто не прельщаетъ.

— Кажется, вы сами говорили, или вашъ дѣдъ, что великопольское имѣніе почти не принадлежитъ вамъ болѣе.

— Это правда.

— Отчего же вамъ у насъ не добиваться имѣнія трудами и стараніемъ? Въ Подлѣсьи только и можно нажить состояніе. Хотя здѣсь псеки, но къ чему же волы? Къ чему вино и смола и овцы? Издержекъ почти никакихъ — нажитой грошъ не уйдетъ изъ кармана. Знаете-ли? Чтобы удержать васъ въ нашемъ краѣ, я даже...

— Я очень благодаренъ, но какой интересъ заниматься мною?

— Панъ добродзей! — сказалъ капитанъ, обвиняя Юрія, — я съ перваго взгляда почувствовалъ въ вамъ уваженіе и дружбу, впрочемъ, что хотите, то и думайте. Я вамъ предлагаю отличное имѣніе не дорогое, а что касается уплаты денегъ, то это я беру на себя; вы мнѣ заплатите только проценты.

Юрій въ недоумѣніи возразилъ довольно холодно:

— Я не имѣю права принять отъ васъ такую жертву.

Капитанъ насильно посадилъ Юрія на лавку.

— Вы не хотите вѣрить, что человѣкъ долженъ и можетъ дѣлать добро человѣку, даже если это ему ничего не стоитъ? Гм... вы меня подозрѣваете?

— Не сердитесь, но странное ваше участіе въ моей судьбѣ...

— Ну, пускай и такъ; можетъ быть, я вижу въ этомъ свой интересъ.

— Я долженъ вамъ сознаться, что, не понимая сущности дѣла, ни за что не возьмусь.

Капитанъ колебался, почесалъ затылокъ; потомъ сказалъ:

— Знаете-ли что? дайте мнѣ слово, что вы не уѣдете, не повидавшись со мною.

— Я согласенъ.

— Вы будете на балѣ?

— Я поѣду съ моимъ дѣдомъ.

— Какъ, панъ конюшій тоже собирается? Ну, если такъ, то и я поѣду! — сказалъ капитанъ. Гей! Грицько, фракъ и сапоги житомирскіе!

Юрій простился съ загадочнымъ капитаномъ и ушелъ къ себѣ. Онъ счутился со старымъ и молодымъ Грабами. Они въ это время совѣщались о чемъ-то. Старый Граба былъ въ большемъ волненіи. Онъ о чемъ-то грустно говорилъ съ сыномъ, который слушалъ его съ уваженіемъ и покорностью. Юрій, не желая мѣшать ихъ разговору, прошелъ на цыпочкахъ въ свою комнату и сталъ одѣваться.

— Вы будете на вечерѣ? — спросилъ его старый Граба.

— Да, я буду съ моимъ дѣдомъ, — отвѣчалъ Юрій.

— И мой сынъ — тоже.

— А вы? — спросилъ молодой Сумнинъ.

— Я?—немного озадаченный, сказалъ Граба,—я можетъ быть пойду на минуту, или совсѣмъ не пойду.

— Развѣ и это удовольствіе вы порицаете?

— Нѣтъ, я его не порицаю. Молодымъ людямъ нужно веселиться; но у меня есть свои причины, заставляющія меня остаться дома. Веселитесь вы за себя и за меня!—прибавилъ онъ, грустно улыбаясь.

Х.

Юрій къ Эдмунду.

Слогъ измѣняется вмѣстѣ съ человѣкомъ. Извини меня, но мои прежнія, веселыя и пустыя письма не могутъ теперь повториться. Я давно не писалъ къ тебѣ, а чувствую потребность излить свои мысли передъ кѣмъ-бы то ни было. Ты менѣе равнодушенъ и хладнокровенъ, чѣмъ другіе, которые подняли бы меня только на смѣхъ. И такъ, я опять пишу къ тебѣ, дорогой Эдмундъ, и не надѣюсь получить отъ тебя саркастическаго отвѣта.

Изъ моихъ писемъ ты знаешь загадочнаго пана конюшаго Сумина, безчувственнаго, какъ сфинксъ, капитана, достойнаго Грабу и все здѣшнее общество.

У насъ недавно былъ балъ въ городѣ, на который съѣхалось множество гостей. Ирина вездѣ царила, какъ королева, не своей странностью, въ которой ее упрекаютъ женщины, но красотою, умомъ и неописанной прелестью. Мой дѣдъ сидѣлъ при ней, какъ насѣдка, которая разставляетъ крылья надъ своимъ цыпленкомъ. Съ какою заботливостью онъ смотрѣлъ за ней, какъ защищалъ и никого не допускалъ, въ особенности меня! Онъ старался отклонить мою любовь къ другой цѣли и для этого употребилъ всѣ усилія, чтобы познакомить меня съ удивительной красавицей пани Граба, у которой есть богатая дочь, невѣста. Эта дама, не имѣя въ настоящее время лучшихъ поклонниковъ, приняла меня довольно благосклонно, какъ молодого человѣка, недурно говорящаго по-французски и съ приличными манерами, но не представила дочери, желая за собой удержать воздаваемая ей почести. Что до меня касается, то ея зрѣлая и дивная красота нисколько не плѣнила

меня. Мнѣ болѣе нравится Ирина. Нужно ее видѣть въ кругу молодыхъ людей, которые бѣгаютъ за ней, вьются, толпятся около нея! Она, спокойна, весела, увѣрена въ самой себѣ— рѣжетъ правду въ глаза кавалерамъ, и каждый, разговаривающій съ ней, уходитъ, разбитый въ пухъ и прахъ.

Для меня не было мѣста въ кругу ея обожателей; мой дѣдъ такъ искусно перетасовывалъ игру, что пани Граба занималась моей судьбой весь вечеръ. Тщетно я старался освободиться отъ нея: то я долженъ былъ держать ей флакончикъ, то бѣгать за прислугой, танцевать съ ней (потому что, несмотря на свою слабость, она страстная любительница танцевъ), однимъ словомъ *faire une cour assidue*. Я выходилъ изъ себя, но не могъ освободиться отъ этихъ оковъ. Я отъ природы вѣжливъ, и моя глупая вѣжливость состроила со мною славную шутку; я ни на одну минуту не могъ оставить овладѣвшую мною даму, хотя глазами и сердцемъ и былъ съ Ириной— приличіе и вѣжливость приковали мое тѣло къ нервной пани Грабѣ, которая вознаграждала меня за ухаживаніе разсказами о своемъ болѣзненномъ состояніи. Не скоро я успѣлъ вырваться изъ ея рукъ. Уставшая и изнеможенная она уѣхала; я отвелъ ее до кареты, усадилъ, закуталъ, затворилъ дверцы и бѣгомъ направился къ Иривѣ. Она посмотрѣла на меня почти съ презрѣніемъ; въ ея взглядѣ я прочелъ, что дѣдъ уже успѣлъ ей наболтать про меня всякій вздоръ.

— Вы пріятно провели вечеръ?—спросила она иронически.

— Пріятно или непріятно, но не такъ, какъ я хотѣлъ и надѣялся, провести его.

— Напротивъ, вѣдь вы сами просили дѣда познакомить васъ съ этой дамой.

— Я? Я просилъ его?

Она посмотрѣла на меня и прибавила шепотомъ:

— Или вы, или конюшій стлично играете комедію.

Я не сказалъ болѣе ни слова; я не хотѣлъ обвинять дѣда, хотя старый проказникъ выкинулъ со мною плохую штуку. Ирина стала иначе обращаться со мною: послѣ минутнаго, очень равнодушнаго, разговора она ушла, жалуясь на скуку, и оставила меня въ отчаяніи. Я проводилъ ее глазами и

вслѣдъ за ней хотѣлъ уйти съ бала, но на порогѣ встрѣтилъ капитана, который, остановивъ Ирину, заговорилъ съ ней.

— Этотъ конюшій неоцѣненный человѣкъ, какъ онъ прекрасно шутить!—говорилъ онъ Иринѣ, удерживая меня за руку,—вы не знаете, милая кузина, какъ онъ ловко удружилъ пану Юрію?

— Пану Юрію?

— Да, онъ бросилъ его въ жертву пани Грабѣ, вотъ какой шутникъ! Да притомъ еще всѣхъ увѣрилъ, что онъ это сдѣлалъ по его собственному желанію, а просто онъ хочетъ, чтобы пану Юрію надоѣла жизнь въ Подлѣсьи, и чтобы онъ скорѣй принялся за свои дѣла въ Великой-Польшѣ... Какой добрякъ этотъ конюшій, какое у него прекрасное сердце, какъ онъ заботится о своемъ внукѣ! Онъ радъ его скорѣе выпроводить отсюда, опасаясь, чтобы онъ не засѣлъ въ нашихъ болотахъ и не пренебрегъ-бы своими важными дѣлами.

Сказавъ это, онъ поклонился уходящей Иринѣ, а меня задержалъ.

— Вы видите,—сказалъ онъ мнѣ на ухо, что кузиночка моя въ дурномъ расположеніи духа.—Гм! Я никогда еще не видалъ ея такой. Это не даромъ. Будь я молодъ, какъ вы, я бы сейчасъ догадался. Не уѣзжайте! Кто знаетъ, что все это значить?—и, оставивши меня, онъ исчезъ въ толпѣ.

Я не успѣлъ еще переступить за порогъ, какъ старый конюшій остановилъ меня, искренно цѣлуя.

— Какъ? Сто тысячъ чертей!—закричалъ онъ,—ты хочешь, Юрій, уйти безъ ужина, голоднымъ? Берегись, чтобы цыгане тебѣ не приснились. Ты не достоинъ имени поляка, если можешь спать съ толстымъ желудкомъ. Стыдись, стыдись, сто тысячъ чертей!.. Пойдемъ вмѣстѣ, я тебѣ не дамъ испортиться. Но чего ты такой грустный и задумчивый? Гм? Не думаешь-ли, уже о прекрасной дамѣ? Ха! ха! Ой, плутъ, плутъ!

— Прекрасная дама, благодаря конюшему, моему покровителю, прекрасно мнѣ наскучила.

— Кто не трудится, любезнѣйшій, тотъ ничего не имѣетъ; Хочешь имѣть дочку, понравься прежде матушкѣ.

— Но, помилосердствуйте, панъ конюшій, оставьте меня въ покоѣ съ дочерью!

— Охъ, этотъ спартанецъ не хочетъ принять добраго со-
вѣта. Мы знаемъ, какая вы птица, ну, пойдемъ кушать.

Черезъ буфетъ мы вошли въ таинственную комнату. Въ
запертой и продолговатой, какъ ящикъ, конуркѣ одни наскоро
ѣли, другіе сидѣли за зеленымъ столомъ и играли въ дья-
белка. Въ пулкѣ было около полуторы тысячи червонцевъ.
Ты знаешь, какъ я прежде любилъ играть; я не скажу,
чтобы и теперь видъ игры не былъ для меня заманчивъ. При
видѣ играющихъ меня какъ-то защеколало, взволновало, и
прежняя страсть зашевелилась. Между тѣмъ, подали закуску,
а дѣдъ, взявъ меня подъ руку, привелъ къ столику и, точно
демонъ-искуситель, знакомилъ меня по очереди со всѣми игро-
ками и какъ-будто нехотя спрашивалъ.

— Не хочешь-ли и ты сыграть?

Онъ дѣлалъ этотъ вопросъ съ явнымъ желаніемъ искусить
меня, въ его глазахъ выражалось непонятное для меня чув-
ство нетерпѣнія и отвращенія. За ужиномъ старикъ подпоилъ
меня венгерскимъ, велѣлъ подать шампанскаго и самъ пилъ
его, какъ воду. Ты знаешь, что я недурно пью; но онъ льетъ
въ себя, какъ въ бездонную бочку, и не покраснѣлъ, не по-
блѣднѣлъ, говорилъ ровно и, постоянно ободряя меня, выпилъ
не менѣе шести бутылокъ вина и очень много водки и пор-
теру. Наконецъ, вида, что я все еще не пьянъ, велѣлъ подать
пуншу, а потомъ, когда порядкомъ въ головѣ у меня зашумѣло,
почти насильно засадилъ меня играть. Я напрасно со-
противлялся ему, правда, что очень слабо: прежнія мои стра-
сти громко заговорили. Вскорѣ особы, находящіяся въ клубахъ
дыма, стали вертѣться передо мною; совершенно пьяный, я
сталъ играть въ дьябелка, имѣя всего нѣсколько десятковъ
червонцевъ въ карманѣ, а дѣдъ, какъ демонъ-искуситель, сто-
ялъ за моимъ стуломъ и всунулъ мнѣ въ руку свертокъ червон-
цевъ. Ты знаешь, Эдмундъ, что мнѣ везетъ въ картахъ; имѣя
навыкъ въ игрѣ, подъ-хмелькомъ къ тому-же, дѣдъ все доливалъ
мнѣ пуншу, приговаривая: «если меня любишь», я сталъ съ
азартомъ играть. Роняющій подстрекалъ меня къ большимъ
ставкамъ и къ продолжительному понтированію, но, къ счастью
или несчастью, я долге выдерживалъ насъ, — по пяти или
шести разъ я пропускалъ и подъ конецъ игры я нашелъ не-

редъ собою около двухъ тысячъ червонцевъ. Я былъ уже до такой степени пьянъ, что не могъ держаться крѣпко на ногахъ, Конюшій, какъ-будто сжался надо мною, предложилъ выйти на свѣжій воздухъ и посадилъ въ свою коляску.

Можно-ли было ожидать отъ него такой измѣны? Пьянаго онъ привезъ меня, отгадай куда?—къ Ирину. Я хотѣлъ попятиться назадъ, но было поздно,—она стояла передо мною, а я передъ ней съ поникшей головою, какъ преступникъ у позорнаго столба. Конюшій торжествовалъ; онъ вертѣлся, теръ руки, смѣялся и болталъ. Я стоялъ у порога, но скоро, точно чудеснымъ образомъ пришедши въ себя, схватился за спинку кресла и почувствовалъ, какъ съ горя и отчаянія у меня скатились двѣ слезы.

— Садись-же, Юрій! Кто не видитъ, что тебѣ трудно держаться на ногахъ,—кричалъ конюшій.—Попросите его сѣсть. Если-бы вы знали, какой онъ молодецъ! Какъ пьетъ! Просто чудо и въ дьябелка славно играетъ: выигралъ около двухъ тысячъ червонцевъ. Молодецъ!

Отрекомендовавши меня съ такой нелестной стороны, онъ посмотрѣлъ на Ирину; на лицѣ ея выражались презрѣніе и грусть, и оно было неизъяснимо серьезно. Я молчалъ, но желалъ умереть. Вдругъ дверь быстро растворилась и вошелъ капитанъ съ паномъ Грабой. При видѣ капитана конюшій присмирѣлъ, точно его облили холодной водой, былъ невыразимо вѣжливъ и сконфуженъ. Граба стоялъ, серьезный, какъ судья. Въ сѣрыхъ глазахъ капитана выражалась ѣдкая улыбка побѣды; сперва онъ какъ-будто не замѣчалъ моего присутствія и потомъ вдругъ вскрикнулъ: «А и вы здѣсь, и вы здѣсь»? И расхохотался во все горло.

— О, безщѣпнѣйшій хѣдушка,—сказалъ онъ, обнимая конюшаго такъ крѣпко, какъ-будто хотѣлъ удушить его въ своихъ объятіяхъ.—Вотъ примѣрный рождественникъ! Вотъ неопѣнанный опекунъ! Онъ никого еще не угощалъ съ такимъ усердіемъ, какъ своего внука, онъ поилъ его и поилъ безъ мѣры.

Дѣдъ напрасно пытался перемѣнить разговоръ.

— Однако и паясъ конюшій, потчуетъ внука, самъ выпилъ не менѣе десяти бутылокъ вина! Ну, ужъ голова—можно по-

здравить! А подпоивши порядкомъ своего гостя, хватило у него сердца насильно засадить его за карты!—прибавилъ капитанъ, обращаясь къ дѣду, который съ досады закусалъ губы, вытаращилъ глаза и сжалъ кулаки, какъ-будто готовясь къ дракѣ.

— Ха! ха! ха! Славу Богу, что внукъ вашъ не проигрался въ пухъ и прахъ!

Ирина, какъ я замѣтилъ, посмотрѣла на меня съ сожалѣніемъ, а на дѣда съ укоромъ. Граба подошелъ ко мнѣ, говорилъ что-то на ухо, но я ничего не могъ понять. Онъ съ заботливостью брата тихо увелъ меня изъ комнаты, посадилъ въ экипажъ и привезъ домой, поручая меня Станиславу, который зналъ, какъ со мною обращаться въ подобныхъ случаяхъ. На другой день утромъ, когда я въ бѣшенствѣ и отчаяніи разсаживалъ по комнатѣ, приходитъ ко мнѣ мой новый другъ, затворяетъ за собою двери, садится на стулъ и говорить:

— Я вижу по вашему лицу, что вы сильно огорчены вчерашнимъ происшествіемъ, даже можно сказать несчастьемъ. Я ожидалъ, что печальный видъ, въ которомъ вы вчера явились передъ уважаемой вами особой...

— О, не говорите объ этомъ!—закричалъ я.

— Напротивъ, мы должны говорить объ этомъ. Несчастье привело васъ въ нашъ край, и вы можете сдѣлаться жертвой стеченія обстоятельствъ. Я долженъ вамъ объяснить все, чтобы вы хорошо меня поняли. Знаете-ли вы прошедшее своего дѣда?

— Я ни его прошедшаго, ни его самого не знаю и знать не хочу! Сегодня я уѣзжаю.

— Не торопитесь, погодите, будемъ говорить откровенно. Зачѣмъ скрывать! Капитанъ говорилъ мнѣ, что вамъ лежуда ѣхать: скажите мнѣ правду.

— О, на свѣтѣ всегда найдется мѣсто, гдѣ погибнуть!

— Но зачѣмъ погибать?—спросилъ Граба.

— Жизнь опротивѣла!—вскричалъ я.

— На все есть лѣкарство.

— На все, кромѣ одного,—возразилъ я съ горестью.— Вы хотите, чтобы я былъ съ вами откровененъ? Говорю вамъ, я съ перваго взгляда полюбилъ m-elle Ирину; я видѣлъ, что это

безуміе, но преодолѣть чувства не могъ. Вчера явился я передъ лицомъ этой женщины въ такомъ видѣ, который навѣки долженъ меня погубить въ ея глазахъ. Что-же остается мнѣ дѣлать теперь?

— Доказать, что это былъ только несчастный случай, и оправдать себя дальнѣйшимъ поведеніемъ.

— Но чувство не разсуждаетъ, и впечатлѣніе не изглаживается. Вчерашняго не воротить,—оно безвозвратно погубило меня.

— А если m-elle Ирина знаетъ, что вы противъ воли дошли до такого опьянѣнія и сѣли насильно играть?

— Тѣмъ не менѣе дурное впечатлѣніе осталось.

— Можетъ быть, одно лишь состраданіе?

— О, состраданіе тоже страшно! Кто питаетъ состраданіе, тотъ не умѣетъ любить. Обыкновенно мы относимся съ состраданіемъ къ тѣмъ, кто ниже насъ.

— Вы все слишкомъ горячо принимаете къ сердцу,—сказалъ Граба,—но я, хотя и извиняю васъ, скажу, однако, вамъ, что ничего подобнаго не случилось-бы, если-бы у васъ были твердыя и непоколебимыя правила. Не сердитесь, я васъ мало знаю, но я всегда говорю правду даже мало знакомому. Никогда не слѣдуетъ пить черезъ мѣру, даже съ друзьями; пускай лучше они сердятся, чѣмъ вамъ приходитъ въ животное состояніе. Во-вторыхъ, пристойно-ли играть въ карты? Карты—это игрушка варварскихъ и необразованныхъ народовъ; они отнимаютъ только время, приучаютъ къ жадности, развиваютъ самыя пагубныя страсти. Я не постигаю, какъ можно играть!

— Вы рѣшительно порицаете игру?

— Да, какъ остатокъ варварскихъ временъ и признаковъ упадка.

— Но вѣдь это борьба съ судьбой! Это...

— О, этимъ всегда оправдываются страстные игроки; игра—это глупость. Игрокамъ нравится, если не выиграшь денегъ то, по крайней мѣрѣ, выиграшь ощущеній; но въ картахъ ли нужно искать пріятныхъ ощущеній? А если за это волненіе пришлось бы совершить убійство, или преступленіе, заплатить кровью ближняго, будете-ли вы тогда находить пріятныя ощущенія въ игрѣ? Карты деморализируютъ человѣка,

и не одинъ человѣкъ, сѣвшій за зеленый столъ честнымъ, всталъ черезъ нѣсколько часовъ обманщикомъ, негодлемъ. Можно-ли, видя опасности игры, добровольно бросаться въ огонь ея? Нѣтъ!

— Вы правы!—закричалъ я,—даю вамъ слово, что болѣе играть не буду.

— Вы отлично сдѣлаете. Боже мой! Жизнь человѣка, это—ничтожная капля, незамѣтная былинка, данная ему Творцомъ для того, чтобы приблизиться къ Нему, вознестись духомъ къ Создателю, а онъ, неблагодарное твореніе, тратитъ ее, на что?—На игру въ карты. И такъ, вмѣсто того, чтобы отчаяваться, гибнуть, нужно только перемѣнить образъ жизни и опредѣлить свои занятія.

Я ободрился духомъ; онъ продолжалъ:

— Нужно отказаться отъ праздности, отъ картъ, избрать опредѣленную цѣль жизни—употребить ее для пользы ближняго, для своей собственной—стремиться къ самоусовершенствованію.

— Все это такъ, но могу ли я, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, когда уже все мнѣ опостылѣло, найти достаточно силъ для новой жизни?

— Отчаяніе—признакъ малодушія; кто выжилъ изъ ума, тотъ отчаявается. Унасть легко, но подняться—вотъ заслуга и великая побѣда!

— Дайте мнѣ хорошій совѣтъ, скажите что дѣлать?

— Трудиться!—отвѣтилъ Граба.

— Нужно же съ чего-нибудь начать!

— Въ настоящее время самый такой подходящій для насъ трудъ, это—хозяйство. Не думайте, что я совѣтую вамъ наживать состояніе кровавымъ потомъ народа, это—преступленіе!.. Я иначе понимаю этотъ родъ жизни. Можно хозяйничать, не угнетая крестьянъ и незавѣтно распространяя вокругъ себя благосостояніе, просвѣщеніе и здравыя понятія объ обязанностяхъ; можно благотворно дѣйствовать на окружающій народъ. Въ молодости вы злоупотребляли удовольствіями жизни, теперь вамъ нужно выгнаться отъ вашей склонности къ пустотѣ и суетѣ.

Граба съ капитаномъ уговорили меня взять въ аренду ра-

зоренное имѣніе невдалекѣ отъ Тужей-Горы и отъ Румяной, на самой границѣ съ имѣніемъ панны Ирины З... Этотъ злополучный выигрышъ, половину котораго я напрасно старался отдать дѣду, выигрышъ, который жжетъ мнѣ руки, который почти погубилъ меня въ глазахъ Ирины, сдѣлался, какъ-будто въ наказаніе, краеугольнымъ камнемъ моего будущаго. Сегодня мы подписываемъ контрактъ аренды, я даю деньги, а въ мартѣ вступаю въ новое хозяйство.

Я не могу болѣе видѣть Ирины и моего дѣда, я не покажусь ей на глаза, — мнѣ стыдно, я боюсь ее и люблю. Дѣдъ измѣнилъ мнѣ, оттолкнулъ, но за что — я до сихъ поръ не знаю. Навязываться ему я не намѣренъ. Однако послѣ этого казусаго вечера совѣсть какъ-будто укоряетъ его: онъ навѣщаетъ меня, присылаетъ узнавать о моемъ здоровьѣ; ворчитъ, узнавши, что капитанъ и Граба принимаютъ во мнѣ участіе, и что я остаюсь на Подлѣсьи. Впрочемъ, онъ вызвался тоже помогать мнѣ, но я изъ уваженія къ его сѣдинѣ вичего ему не отвѣтилъ, а далъ только замѣтить, что съ этого дня мы чужіе другъ для друга.

Смѣйся, если хочешь, я ѣду сегодня къ своему (какъ здѣсь пазываютъ) законовѣдцу, чтобы окончательно условиться объ арендѣ. Западлиска (такъ называется имѣніе, которое я беру въ аренду), лежитъ на добрую милю разстоянія отъ Тужей-Горы и въ трехъ четвертяхъ мили отъ Румяной.

Конюшій приходилъ объявить мнѣ, что тамъ болота, песокъ, очеретъ и бѣдность, что я только даромъ потеряю время и деньги; онъ радъ-радешенекъ удалитъ меня отсюда, но я крѣпко держусь Западлисокъ. Онъ не допускаетъ меня къ Иринѣ можетъ быть, я болѣе ее не увижу! Граба, зная, что происходитъ въ моемъ сердцѣ, утѣшаетъ меня добрыми совѣтами. Я увѣренъ, что онъ и капитанъ будутъ усердно помогать мнѣ. Теперь я ревностно возьмусь за изслѣдованіе прошедшей жизни моего дѣда. и постараюсь разгадать его тайны.

И такъ, прощай!

Твой Юрій.

XI.

Эдмундъ къ Юрію.

Видить Богъ, что по письмамъ нельзя узнать тебя и путаницу, въ которую ты впелся, трудно разобрать. Я все еще ломаю голову и не могу постичь твоей роли, не понимаю, почему твой дѣдъ сдѣлался твоимъ врагомъ. Не трудно объяснить, почему ты влюбился, это обыденная вещь, я самъ нѣсколько разъ находился въ подобномъ положеніи. Однако-жъ позволь по дружбѣ замѣтить тебѣ: ты слишкомъ серьезно смотришь на любовь, а по моему мнѣнію, въ любви нѣтъ ничего серьезнаго. Холодная, разсудительная любовь не имѣетъ смысла.

Бѣдный Юрій! Теперь только оказалось, что у тебя всегда была нѣмецкая, сентиментальная подкладка, хотя ты скрывалъ ее, какъ разорившійся щеголь скрываетъ подкладку потертаго сюртука.

Какой ты теперь скучный (выражаясь вѣжливымъ образомъ), строгой нравственности и просто влюбленъ въ своего несноснаго Грабу — скучнаго проповѣдника, котораго я терпѣть не могу. Я признаюсь тебѣ, что изъ всѣхъ твоихъ приключеній, изъ всей польской Одиссеи, одинъ только эпизодъ конюшаго и капитана съ постоянными ссорами и поцѣлуями сколько-нибудь занимаетъ меня.

Бѣдный Юрій, отъ всего сердца мнѣ жаль тебя! Какъ можешь ты жить въ такой странѣ? Что съ тобой будетъ? Я отъ всей души пожелалъ бы тебѣ счатья пожизненно обладать своей королевой Ириной, но совѣсть не позволяетъ мнѣ. Она королева, а ты, между нами говоря, слишкомъ слабаго характера: ты будешь у нея подъ башмакомъ; кромѣ того, она тоже заразилась сентиментальностью у пана Грабы,—обвѣнчавшись, вы, вѣрно, вмѣстѣ будете садить картофель въ огородѣ, чтобы дать примѣръ крестьянамъ.

Прими совѣтъ отъ своего друга: для какого тебѣ чорта понадобилась эта аренда! У тебя было около двухъ тысячъ червонныхъ злотыхъ,—возвратился бы въ Варшаву; по крайней мѣрѣ на годъ твоя жизнь была бы обезпечена, возвратились бы

опять прежніе, веселые, пустые, но счастливые, дни. А, пожалуй, въ теченіе года ты выигралъ бы еще и такъ потянулъ бы дальше. Неужели ты хочешь погубить свою молодость? Подожди покрайней мѣрѣ этихъ страшныхъ примѣтъ, предупреждающихъ конецъ: лысины, потери зубовъ и т. д. Тогда, я не спору, пора остепениться и жениться, хоть на горячей вдовушкѣ, или богатой купчихѣ. Напрасно убѣждать тебя — теперь хорошаго совѣта ты не послушаешь: ты сдѣлался человѣкомъ строгой морали, кающимся грѣшникомъ. Бѣдный, ты тонешь! О, я искренно, искренно жалѣю тебя! Что будетъ со Станиславомъ? Лучше ты пришли его ко мнѣ; онъ безъ города ни къ чорту не годится, а въ городѣ неоцѣнимый человѣкъ. Я дамъ ему (т.-е. обѣщаю дать) такое-же жалованье, которое ты ему давалъ, и за карты онъ можетъ собрать не мало денегъ. Мой Павелъ ушелъ подъ предлогомъ, что не получалъ жалованья. Дуракъ! Самъ виноватъ: зачѣмъ не напоминалъ мнѣ объ этихъ пустякахъ. Оказалось впрочемъ, что онъ самъ безжалостно обворовалъ меня, и носилъ сюртуки, когда отправлялся на гулянку на Саскую-Кемпу. Теперь эти новости тебя не занимаютъ. О чемъ-же писать мнѣ въ такую даль? Лаура бросила уже генерала, или онъ ее бросилъ — одно изъ двухъ. Она по наслѣдству досталась банкиру***. Банкиръ, получивъ такое великолѣпное наслѣдство, еще болѣе сталъ надвигать шляпу на уши. Онъ роскошно меблировалъ ея комнаты; мы отправляемся къ ней на вечеринки; она (просто жалость беретъ смотрѣть) играетъ теперь въ ланскнехтъ: видно, старость приближается. О, ужъ вѣрно выйдетъ замужъ!

Шмуль кланяется тебѣ; я сказалъ ему, что ты сдѣлался капуциномъ, онъ очень радъ этому, надѣется, что совѣсть заставитъ тебя заплатить долги, и очень восхваляетъ твое нравственное исправленіе.

Твой Эдмундъ.

ХІІ.

Юрій къ Эдмунду.

Ахъ, какъ я жалѣю тебя!

Ты будешь смѣяться надъ моимъ возгласомъ; но, когда я прочесть твое послѣднее письмо, то вспомнилъ свою прежнюю

жизнь, сравнилъ ее съ настоящей, и не могъ невоскликнуть вмѣстѣ съ тобой: «О, я жалѣю тебѣ!» Итакъ, мы квиты; я ни въ чемъ не завидую тебѣ. Я нахожусь въ затишьи, но окружёнъ книгами, небольшимъ обществомъ мыслящихъ людей, и прежній нашъ общій врагъ — время не только не наскучаетъ мнѣ, но бѣжитъ такъ скоро, что я не могу уловить его. Послѣ письма, которое я писалъ къ тебѣ, я не видѣлъ Ирины. Дѣдъ, передъ выѣздомъ изъ уѣзднаго города, приходилъ ко мнѣ нѣсколько разъ, хотѣлъ взять меня съ собой въ Тужую-Гору, но я вѣжливо поблагодарилъ за вниманіе. Зачѣмъ мнѣ туда ѣхать?

Граба далъ мнѣ небольшой домикъ въ одномъ изъ своихъ хуторовъ, въ которомъ нѣкоторое время онъ самъ жилъ; какъ истинный другъ надѣлилъ меня всѣмъ, что доставляетъ удовольствіе въ уединенной жизни. Книгъ у меня вдоволь; но не думай, что это тѣ брюссельскія изданія французскихъ романовъ, которые мы брали у Мерсбака и Синневальда, чтобы потомъ прихвастнуть въ обществѣ, что мы знаемъ ихъ, впрочемъ по однимъ только оберткамъ. Я изучаю теперь свѣтъ съ другой точки зрѣнія, не менѣе поэтической, но болѣе дѣйствительной и правоучительной. Меня навѣщаютъ оба Грабы, иногда капитанъ, котораго, впрочемъ, я не люблю, хотя благодаренъ за его помощь въ нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ для меня случаяхъ. Я имѣю ружье, лошадь, собаку, лѣсъ, тишину и спокойствіе!

Станиславъ все еще собирается въ Варшаву; онъ жалуется на боль въ боку и утверждаетъ, что его здоровье требуетъ перемѣны климата, хотя ему прискорбно бросать меня въ этой пустынѣ,—между тѣмъ онъ привыкаетъ къ ружью.

Домъ, который я занимаю, недалеко отъ моей будущей аренды, тоже вблизи отъ Румяной и Тужей-Горы, стоитъ въ лѣсу на холмѣ, окруженъ нѣсколькими хижинами, въ которыхъ живутъ лѣсные сторожа. За нимъ тянется огромный, дремучій и мрачный лѣсъ. Въ настоящее время я нахожу въ немъ своего рода удовольствіе, но для всякаго изъ васъ онъ показался бы мрачнѣе и страшнѣе самаго изгнанія. Три небольшихъ комнаты и кладовая составляютъ все мое жилище; внутри величайшая простота—все изъ простого дерева, мебель неизящная. Станиславъ до сихъ поръ не привыкъ къ здѣшней

простотѣ — плюетъ и бросаетъ стульями такъ сильно, что они чуть въ дребезги не разлетаются; съ презрѣніемъ передвигаетъ столы; съ недоумѣніемъ всматривается въ потолокъ съ брусьями; смѣется, какъ Отелло, при видѣ сосноваго пола; длинными монологами воспѣваетъ изящныя комнаты и печки, но всетаки не бѣжитъ отсюда. Дѣйствительно, здѣсь далеко не тѣ кресла, которыя у меня были въ Варшавѣ, обитыя краснымъ бархатомъ, теперь я довольствуюсь и ситцевыми.

Граба далъ мнѣ повара, мальчика для лошади и удобную бричку, потому что свою коляску я продалъ Паливодѣ, а купилъ у него четверку сѣрыхъ лошадей. Лошади здѣсь чрезвычайно дешевы; если-бы ихъ доставить въ Варшаву, можно было бы хорошо заработать.

Дни проходятъ легко и скоро; я охочусь, размышляю, читаю, ѣзжу къ Грабамъ, издали иногда поглядываю на Румяную, но не осмѣливаюсь туда ѣхать. Однажды я видѣлъ ее издали, верхомъ на лошади, какъ она неслась по берегу пруда, но она не могла узнать меня. Отъ капитана я узналъ, что конюшій всѣми силами старался услать ее за границу, или въ городъ, но до сихъ поръ не успѣлъ ничего сдѣлать: она не хочетъ уѣзжать изъ деревни. Теперь я понимаю: онъ хочетъ удалить ее отъ меня, и съ грустью сознаю, что конюшій правъ. У него, какъ вижу, есть сердце.

Выслушай меня, тебѣ покажется, что ты читаешь старинный романъ. Уже немало лѣтъ прошло, какъ въ этихъ окрестностяхъ жила прекрасная Каролина, и, говорятъ, была очень похожа на Ирину. Она была дочерью очень богатыхъ родителей, жившихъ по сосѣдству съ Тужей-Горой, ихъ соединяла старая дружба съ домомъ Суминовъ. Каролина, судя по всеобщему обожанію, перешедшему теперь въ преданіе, была также хороша, прелестна и обворожительна, какъ Ирина. Съ раннихъ лѣтъ она лишилась матери, и старый подचाпшій, ея отецъ, остался опекуномъ своего единственнаго любимаго дитяти. Близкій родственникъ подчапшаго (нынѣшній нашъ капитанъ), тогда молодой юноша, и мой дѣдъ, тоже молодой нахъ его высочества, влюбившись въ нее, оба добивались руки панны Каролины. Я не знаю подробно, какимъ образомъ изъ этого соперничества между ними возникла страшная вражда, про-

должающаяся и понинѣ, извѣстно только то, что мой дѣдъ былъ счастливѣе капитана и побѣдилъ сердце панны Каролины. Они три раза рубились саблями, подъ разными выдуманнѣми предлогами, такъ какъ серьезной причины къ поединку у нихъ не было. Капитанъ, видя, наконецъ, что, небогатый и лишенный всякой возможности нравиться, онъ не можетъ соперничать съ конюшимъ, который въ свое время былъ красавецъ собой, живой и прекрасный молодой человѣкъ (теперь никто этому не повѣритъ), старался всѣми мѣрами удалить своего соперника. Старый подчасій не строго присматривалъ за своею дочерью, которую, впрочемъ, очень любилъ; ему некогда было: онъ ѣздилъ на сеймы, пилъ съ друзьями, велъ постоянныя тяжбы. Съѣздъ за съѣздомъ наполнялъ его домъ шумомъ и натискомъ шляхты; одни пріѣзжали подъ предлогомъ совѣщанія, другіе ради имянинъ, крестинъ, годовщинъ и уговоровъ, иные ради народныхъ и церковныхъ праздниковъ, — словомъ, круглый годъ проходилъ въ безпрестанныхъ пирушкахъ. Подчасій съ кубкомъ въ рукахъ привѣтствовалъ гостей на крыльцѣ, прощался, стоя съ бокаломъ въ рукѣ, на лѣстницѣ. Среди обрядовъ, пріема гостей, пересматриванія документовъ и контрактовъ на сеймахъ у него не хватало времени взглянуть отцовскимъ глазомъ на дочь.

Между тѣмъ, конюшій втихомолку и украдкой пріѣзжалъ верхомъ въ Румяную, и въ липовыхъ аллеяхъ, пока старики пили и шумѣли, онъ проводилъ цѣлые дни съ панной Каролиной, часто даже длинныя вечера, имѣя на своей сторонѣ пани Черкасскую, дальнюю родственницу, которая смотрѣла за Каролиной. Пани Черкасская, прекраснѣйшая и добрѣйшая женщина, имѣла, впрочемъ, одну слабую струну: она любила, когда цѣловали ея руки, а конюшій безпрестанно чмокалъ кончики ея пальцевъ и называлъ ее ловчанкой, это льстило ея самолюбію. Такимъ образомъ онъ во всякое время имѣлъ доступъ къ молодой дѣвушкѣ. Капитанъ не дремалъ, но строго наблюдалъ за ними; а когда они уже были серьезно влюблены другъ въ друга и вполне увѣрены въ полученіи согласія отца, измѣннически шепнулъ на ухо подчасшему о частыхъ свиданіяхъ его дочери съ молодымъ пажомъ, зная, въ какихъ краскахъ разсказать, чтобы взбѣсить отца.

Дома поднялся страшный гвалтъ; пани Черкасская должна была оставить домъ; молодую дѣвушку заключили въ монастырь, а конюшему объявили, что, если онъ покажетъ носъ въ Румяную, то конюхи прогоняютъ его бичами. Старый подचाпшій, который прежде охотно согласился бы отдать свою дочь за конюшаго, теперь въ присутствіи нѣкоторыхъ довѣренныхъ лицъ торжественно произнесъ клятву, что ни за что не отдастъ ее за челоуѣка, который хитростью и обманомъ, безъ его вѣдома, добивался руки и сердца его дочери. Напрасно съѣхались сосѣди, напрасно ходатайствовали Сумины, старикъ былъ неумолимъ, даже слезы и признаніе панны Каролины въ любви къ конюшему не тронули его. Онъ, нахмуривъ брови, отвѣтилъ: *Quod dixi—dixi* (что сказалъ—сказалъ)!

Можетъ быть, онъ послѣ и каялся въ томъ, что поторопился, но нельзя было уже нарушить данной клятвы, даже ради счастья дочери. Въ то время клятва считалась важнымъ дѣломъ; нынче нашлось бы много поводовъ къ нарушенію ея.

Вскорѣ послѣ этого сыграли свадьбу Каролины съ пожилымъ старостой... Дѣдъ мой въ отчаяннѣ три раза покушался увести ее: въ первый разъ изъ монастыря, а два раза изъ дому родительскаго; разъ ему подстрѣлили ногу, другой разъ онъ принужденъ былъ драться съ казаками, которые упорно его преслѣдовали, наконецъ, прыгая со стѣны, онъ ушибъ себя ногу.

А капитанъ не дремалъ.

Потоки венгерскаго вина и слезъ лились на пышной свадьбѣ Каролины; капитанъ съ конюшимъ остались вдвоемъ съ взаимною враждой въ сердцахъ, которая съ лѣтами усилилась. Они не хотѣли обнаружить поводовъ своей вражды, а потому, продолжая по прежнему обниматься, всю жизнь свою вредили и пакостили другъ другу.

Капитанъ поступилъ на военную службу; конюшій закабалился въ деревнѣ и хотѣлъ въ уединеніи подавить въ себѣ грусть, отчаяніе, страсть, которыя тревожили его спокойствіе. Онъ всю свою досаду выместилъ на невинныхъ звѣряхъ, сдѣлавшись отчаяннымъ охотникомъ.

Между тѣмъ, подчапшій умеръ; вскорѣ послѣ его смерти у старосты родилась дочь. Грустная и прекрасная Каролина, съ

горькой улыбкой на устахъ, прижала къ груди свое дитя и скончалась. Конюшій, послѣ смерти ея, весь посвятилъ себя тому, чтобы сперва приобрести дружбу у сосѣда старосты, а потомъ взять попеченіе надъ ребенкомъ. Капитанъ былъ тогда на службѣ, а потому конюшему удалось войти въ дружбу со старостой, рассказывая ему о той важной роли, которую онъ игралъ на конференціяхъ, и приобретя его довѣріе, давши ему въ займы денегъ. Наконецъ умеръ и староста; а сиротка въ завѣщаніи была поручена попеченію моего дѣда.

Онъ до безумія привязался къ своей воспитанницѣ; ею только живетъ и дышетъ; въ ней онъ видитъ единственный свѣтлый лучъ своего прошедшаго, въ ней лепетъ дорогое воспоминаніе. Ты понимаешь теперь, почему пріѣздъ такого вѣтренника, какъ я, возбудилъ въ немъ опасеніе за счастье своей любимицы. Вотъ причины, почему онъ боится, чтобы Ирина не досталась безхарактерному юношѣ, у котораго нѣтъ будущаго, какимъ, не безъ причины, онъ меня считаетъ.

Эта заботливость о воспитанницѣ оправдываетъ его странное обращеніе со мною и усиліе выпроводить меня изъ своего дома. Капитанъ, дѣлая мнѣ добро, старался во всемъ идти наперекоръ своему врагу.

Можетъ быть, если-бы я не поддался въ тотъ роковой вечеръ искушенію и удержался бы отъ картъ и вина, то дѣдъ возымѣлъ бы лучшее обо мнѣ мнѣніе и позволилъ бы, по крайней мѣрѣ, надѣяться; нужно же было самому погубить себя.

Не совѣтую тебѣ никогда быть слишкомъ вѣжливымъ, Эдмундъ, quand même... Эта глупая вѣжливость погубила меня; изъ-за нея я теперь страдаю. Капитанъ пріискиваетъ новыя средства, какъ насолить бы конюшему, утѣшаетъ меня тѣмъ, что дѣдъ будетъ предводителемъ и новыя занятія отвлекутъ его отъ Румяной. Капитанъ, какъ видно, отдалъ бы свою кузину за перваго встрѣчнаго, лишь бы только повредить конюшему. Вотъ почему онъ хочетъ избрать его въ предводители и держать мою сторону.

Конюшій, какъ слышно, очень огорченъ и мраченъ, сидитъ у себя; въ Румяной его принимаютъ холодно и съ грустнымъ лицомъ; онъ мучится, потому что любить ее.

Ирина грустна и задумчива, никуда не выѣзжаетъ; сосѣдство мое не мало тревожитъ моего дѣда: онъ все еще боится, чтобы его сокровище досталось въ дурныя руки, и всѣми мѣрами хочетъ избавиться отъ меня. Всѣ непріятности, которыя я здѣсь переносу, это — его продѣлки. Ты знаешь, меня чуть не отослали въ Великую Польшу. Я долженъ былъ возиться съ полиціею, обвиненный въ безпаспортномъ пребываніи, и только благодаря поручительству Грабы и капитана мнѣ позволили здѣсь остаться. Я не разъ прибѣгалъ къ конюшему, какъ къ своему родственнику, но въ критическія минуты не заставлялъ его дома. Несмотря, однако, на всѣ оскорбленія отъ дѣда, я все же питаю къ нему должное уваженіе, а къ капитану, хотя онъ помогаетъ мнѣ, не лежитъ мое сердце: въ немъ таится жолчь, каждое его слово, поклонъ и взглядъ пропитаны ею.

Мало найдется людей, которые бы силою ума и чувства привлекали къ себѣ такъ, какъ Граба. Вотъ человѣкъ! Зачѣмъ же въ его жизни скрывается тоже червь, который подтачиваетъ его? Разлука съ женой для него пытка. Жена платитъ ему за любовь презрѣніемъ, страхомъ, даже ненавистью. На балѣ я видѣлъ его въ темномъ уголку, съ блѣднымъ лицомъ, онъ пожиралъ ее глазами, и слезы блестяли подъ рѣсницами. Она не видѣла его, а если-бы и увидѣла, то убѣжала бы, какъ отъ вампира.

Комната, гдѣ они вмѣстѣ жили, до сихъ поръ заперта и остается въ томъ-же видѣ, въ какомъ она ее оставила. Слуги говорили мнѣ, что туда никто не имѣетъ права входить. Онъ одинъ затворяется въ ней, поливаетъ цвѣты, всматривается въ мебель, покрытую пылью, и томится ненасытнымъ чувствомъ. А что-жъ она дѣлаетъ? Нѣжится, веселится, съ презрѣніемъ и отвращеніемъ вспоминаетъ его имя. «Вотъ образецъ женщины чувствительной, съ нѣжнымъ сердцемъ и слабонервной!» — такъ говорятъ люди, а «онъ человѣкъ холодный, безъ чувствъ, деспотъ семейства!» Вѣрь, послѣ этого, суду людей, и всѣ они въ такомъ родѣ.

Какъ ангель-хранитель, онъ охраняетъ ее; она даже не знаетъ, какимъ образомъ всѣ трудности жизни, о которыя человѣкъ спотыкается, для нея устранены. Баловница судьбы.

она не догадывается, чья рука отбрасываетъ изъ-подъ ногъ ея камешки, встрѣчаемые на пути жизни, и ведетъ ее по гладкой и ровной дорогѣ; она знать не знаетъ, кто предохраняетъ ее отъ малѣйшаго огорченія. Въ благодарность за это — ничего. Единственное для него утѣшеніе — дѣятельная жизнь, воспитаніе сына и чистая совѣсть. Онъ внушилъ сыну любовь и уваженіе къ своей матери, сложивъ всю вину на себя; онъ не хотѣлъ унижить ее въ глазахъ сына и все приписалъ своимъ странностямъ.

Пора уже письменно проститься съ тобою, любезный Эдмундъ. Я чаще теперь буду писать къ тебѣ. Письма мои будутъ въ-родѣ исповѣди; я понялъ теперь великое значеніе всякой исповѣди: смиреніе возвышаетъ человѣка и улучшаетъ его.

Закажи мнѣ, пожалуйста, молотилку въ четыре лошади, соломорѣзку и сѣялку у Эванса. Деньги для этой важной покупки я вышлю вмѣстѣ съ долгомъ Шмулю и Магу, съ которыми хочу расплатиться, а равно и съ другими кредиторами. Долгъ—всегда бремя; зачѣмъ же носить его, когда можно избавиться?

Остаюсь навсегда твой.

Юрій.

XIII.

Юрій къ Эдмунду.

Зима проходитъ медленно съ перемѣнами, свойственными нашему климату: морозы, слякоть, снѣгъ, дождь, иней, и т. д. Ты не знаешь, что на сѣвѣ дѣлается, потому что въ городѣ развѣ только сильный ливень обратитъ на себя вниманіе. Здѣсь я привыкъ наблюдать природу и слѣдить за ея перемѣнами. Ты, вѣрно, скажешь: «Это послѣдняя степень глупости!» — Пускай и такъ! Однако я не совсѣмъ оглупѣлъ, если предугадываю, что люди обо мнѣ скажутъ.

Жду не дождусь начала весны, т. е. марта, чтобы вступить въ имѣніе. Я чувствую, что мнѣ лучше будетъ.

Мое положеніе ни въ чемъ не перемѣнилось; тотъ-же невысокій потолокъ надъ моею головой, тѣ-же люди вокругъ

меня. Станиславъ весной, какъ всегда аисты и ласточки спѣшать въ теплыя страны, собирается въ Варшаву; я ему не препятствую. Однако ему начинаетъ нравиться охота; не желая остаться для меня, можетъ быть онъ останется для дикихъ козъ и зайцевъ. Изрѣдка только на него находятъ пароксизмы отчаянія.

Ирина близко отъ меня, но недоступна моимъ чувствамъ, потому что дѣдъ на стражѣ; впрочемъ, я самъ не осмѣлился бы навѣстить ее. Знаетъ ли она, что мы такъ близко другъ отъ друга? Думаетъ ли она обо мнѣ, придетъ ли ей въ голову, что я именно для нея здѣсь остался? Я знаю и чувствую, что изъ всѣхъ моихъ стараній ничего рѣшительно не выйдетъ, однако я многимъ ей обязанъ. Если-бы не она, я никогда не поднялся бы нравственно, не зналъ бы Грабы, не понималъ жизни и потратилъ бы съ вами (извините за откровенность) остатокъ моей молодости.

Капитанъ навѣщаетъ меня всякій разъ, когда возвращается изъ Румяной въ Куриловку. Какъ ни пріятны для меня извѣстія оттуда, однако изъ устъ капитана они кажутся вкусной конфеткой, поданной на нечистой и разбитой тарелкѣ, но я очень проголодался и не смотрю на тарелку.

Послѣдній разъ онъ съ скрытой радостью сообщилъ мнѣ, что конюшій грустенъ, какимъ прежде никогда не бывалъ, что будто ему больно это видѣть, что нанна Ирина тоже грустна и никуда не хочетъ ѣхать, что она спрашивала его обо мнѣ (если не вретъ), и онъ ловко навелъ разговоръ о моемъ приключеніи послѣ бала, сиѣясь, что конюшій довелъ меня до такого жалкаго состоянія.

— Гмъ! Напился—сердито закричалъ старикъ,—развѣ я ему въ горло лилъ? Напился, обыкновенно—молодой повѣса: ему лишь-бы пирушки!

— Ну извините, дорогой сосѣдъ, извините,—возразилъ капитанъ, вы ему немало наскучили своими просьбами, какъ у насъ водится по старопольскому обычаю, неправда-ли? «Если меня любишь, если мнѣ добра желаешь! Ради дружбы!» и т. п.

Конюшій закусилъ губы, потеръ чуприну, толкнулъ ногой, и замолчалъ. Ирина брѣтко посмотрѣла на него.

— Онъ не виноватъ, что вы его заль капитанъ.

— Я его посадилъ?—спросилъ дѣдъ,

— Вѣдь вы были съ нимъ въ долѣ каться? Я самъ видѣлъ, какъ вы давали

Конюшій бросился съ кресла, злобно посатана, который тотчасъ подсѣлъ къ нему, осыностями, увѣреніями въ глубокомъ уваженіи какихъ краскахъ описалъ мнѣ капитанъ эту навъ часть губы вверхъ и прижмуривши съ Ирина будто спросила, почему я живу въ конюшій отвѣтилъ:

— Отъ нечего дѣлать! Отъ злости чудить онъ скоро уѣдетъ въ Варшаву; я выпровожу его, уже готовъ.

— Да,—возразилъ капитанъ,—но мы съ паномъ поручились за него, и онъ остается.

— Очень жаль!—сказалъ подъ носъ старикъ, полысину,—я не зналъ, что такъ можно сдѣлать и что нужно остаться, я самъ бы за него поручился.

— Вѣдь вы знали о выдачѣ паспорта,—прибавилъ капитанъ.

— Я полагалъ, что онъ хочетъ уѣхать. Что ему здѣсь дѣлать?

— Вѣдь онъ взялъ Западлиску въ аренду.

— Да, но я слышалъ, будто владѣлецъ отказывается, къ чему ему эта аренда?

На этомъ разговоръ прекратился.

На другой день послѣ визита капитана, къ моему величайшему удивленію, пріѣзжаетъ самъ конюшій. Я принялъ его съ почтительною холодною. На лицѣ его выражались грусть и усталость душевной борьбы, которую онъ напрасно старался скрыть. Онъ поцѣловалъ меня съ чувствомъ, съ заботливостью спрашивалъ меня объ исторіи паспорта, наконецъ, послѣ долгихъ изворотовъ спросилъ:

— Скажите мнѣ, панъ Юрій, имѣніе Суминовъ въ Польшѣ лучше ли аренды Западлиску? Я хочу увѣрить тебя, что я старикъ не скупой. Зачѣмъ тебѣ контѣтъ здѣсь? Очень по-

ль остепениться, но лучше возвратись

просилъ я равнодушно.

но будетъ уладить: главнѣйшіе долги я
онъ съ разстановкой, вынимая бумаги
ана сюртука и подавая мнѣ.

назадъ и покраснѣлъ.

о васъ за заботы, — сказалъ я, — но я ника-
къ васъ не приму. Въ памятный для меня ве-
къ изъ Куриловки, я далъ себѣ слово ничего
ана конюшаго.

дешь-ли ты, клянусь ста парами зайцевъ, что
собачьимъ запахомъ прогнать? Удостоверься, что
тысячъ червонцевъ, промотанныя тобою, я запла-
тиваю личными деньгами.

остолбенѣлъ; человекъ, который за пятьдесятъ грошей
ежедневно торгуется съ жидомъ, бросилъ пятнадцать ты-
сячъ червонцевъ за мое мнѣніе въ Польшѣ! Я своимъ ушамъ
услышать не хотѣлъ.

— Будьте увѣрены, дѣдушка, — сказалъ я послѣ минут-
наго удивленія, — что я вамъ искренно благодаренъ, но я ни-
чего не приму, если-бы не только пятнадцати тысячъ, но
даже миллионъ касалось. Благодаря настоящему образу жизни,
мои нужды уменьшились: я счумѣю трудиться и въ подая-
ніяхъ не нуждаюсь. Я очень радъ, что наше великопольское
мнѣніе достанется въ ваши руки, и охотно отказываюсь отъ
всѣхъ притязаній на него.

Вотъ какъ! А если я его завѣщаю другому? Гмъ, что
тогда будетъ?

— Пускай! Оно не мое, и мнѣ все равно. Могила моихъ
родителей возлѣ приходской церкви никогда не можетъ быть
чужой собственностью. Я имѣю право всегда придти и запла-
кать надъ ней. Наконецъ, я не имѣю права думать...

Онъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Съ характеромъ, — сказалъ онъ про себя, — но кто
знаетъ? Гм!... Онъ хотѣлъ говорить, но я перебилъ его.

— Панъ конюшій! — сказалъ я, — будемъ говорить откро-
венно. Кто, не зная ни о чемъ, сдѣлалъ бы за вашими по-

ступками въ отношеніи меня, тотъ возымѣлъ-бы о вашемъ сердцѣ самое странное понятіе. Не думайте, что я до сихъ поръ не знаю всѣхъ причинъ... Вы стараетесь отстранить меня отъ панны Ирины, вы хотѣли унижить меня въ ея глазахъ, чтобы я не смѣлъ даже думать о ней. Вы боитесь меня; благодарю васъ; признаюсь, это дѣлаетъ мнѣ честь: есть чѣмъ гордиться!

Онъ вскочилъ со стула.

— Кто тебѣ сообщилъ такую чушь?

— Кто бы ни сообщилъ, легко и самому догадаться.

— Догадаться? О, скорѣе съѣшь чорта, нежели догадаешься!

— Однако, вы имѣете странное понятіе о женщинахъ, а еще болѣе странное обо мнѣ. Откуда у васъ родилось такое подозрѣніе, что я имѣю намѣреніе?..

— Здорово живешь! Чтобы сдѣлать зло, нужно ли много времени!

— Такъ вы считаете меня величайшимъ зломъ?

— Конечно; позволю тебѣ сказать, что я не могъ быть хорошаго мнѣнія о моемъ милѣйшемъ внукѣ, зная его прошедшую жизнь гораздо лучше, нежели онъ самъ предполагалъ. Я и сегодня, любезный, не вѣрю въ твоё исправленіе, какъ въ теперешнюю весну: въ февралѣ было чрезвычайно тепло, будутъ еще морозы, снѣгъ и мятье.

Я замолчалъ, потому что клятвы и увѣренія ни къ чему бы не послужили; напротивъ, я съ гордостью закутался въ свое убѣжденіе, какъ испанецъ въ свой плащъ, и молчалъ. Мой дѣдъ еще долго говорилъ, я ему не возражалъ. Онъ еще разъ намекнулъ о великопольскомъ имѣніи, напрасно уговаривалъ меня принять его, пробовалъ всѣми способами, но не успѣлъ убѣдить меня.

Предложи онъ нѣсколькими мѣсяцами раньше такой подарокъ, я былъ бы счастливъ, но теперь мнѣ все равно. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, онъ закричалъ:

— Скажи, пожалуйста, о чемъ ты думаешь? Если панна Ирина смущаетъ твоё воображеніе; то, клянусь Богомъ, напрасно! Ничего изъ этого не выйдетъ,

— Вѣдь я даже не бываю тамъ.

— Тѣмъ хуже.

Я расхохотался.

— Чтожь мнѣ дѣлать, чтобы лучше было?

— Поѣзжай въ Польшу и пиши ко мнѣ,—сказалъ старикъ, виѣ себя отъ гнѣва.

— Зачѣмъ мнѣ туда ѣхать?

— Ты надѣешься больше выиграть, если здѣсь останешься? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Съѣшь чорта! Ирина весной поѣдетъ со мной въ Эмсъ.

— А я буду хозяйничать въ Западлисахъ.

— Изъ Эмса въ Швейцарію, въ Римъ, въ Неаполь, это нашъ давнишній планъ.

Я со вздохомъ прибавилъ:

— А я буду хозяйничать въ Западлисахъ.

— Хозяйничай себѣ, сто тысячъ чертей,—сказалъ онъ, нахлобучивъ шапку на уши, и выскочилъ въ сѣни. Я молча проводилъ его съ почтеніемъ; онъ сѣлъ сердитый и поѣхалъ въ Румяную.

Вчера у меня былъ Граба, который тоже возвратился оттуда. Онъ много говорилъ о ней; онъ уважаетъ и любитъ ее, какъ отецъ.

Конюшій уговариваетъ ее ѣхать на воды въ Эмсъ, подъ предлогомъ болѣзни, потомъ въ Римъ; но Ирина, несмотря на неотвязчивыя просьбы опекуна и пани Ладкой (последняя рада возиться со своей скукой по бѣлому свѣту), неуклонно остается при своемъ убѣжденіи—не уѣзжать никуда изъ дому. Конюшій въ разговорѣ съ медиками, но и это не помогаетъ. Обо мнѣ ничего не упоминали; конюшій, только гуляя съ паномъ Граба, проговорился, что радъ выдать Ирину замужъ.

— О, опека,—говорилъ онъ Грабѣ,—не легкое бремя, въ особенности если любишь того, о комъ имѣешь попеченіе: человѣкъ ни спать, ни ѣсть не можетъ и мучится чуть не до смерти. Если-бы я могъ выдать ее замужъ по своему желанію, я былъ бы покоенъ: поселился бы около нихъ, днемъ бы охотился, вечеромъ отдыхалъ у каминна, заботился бы объ ея спокойствіи, чтобы ничто въ свѣтѣ ея не тревожило, и за мужемъ присматривалъ бы. Какъ ни хитри, но за сердцемъ женщины не умотришь, въ особенности если оно еще никѣмъ

не занято, а рвется къ любви; скорѣе съѣшь сто тысячъ чертей!

Наконецъ, онъ открылъ пану Грабѣ, что онъ считаетъ его сына вполне достойнымъ панны Ирины, и желаетъ устроить ихъ свадьбу.

Граба самъ мнѣ говорилъ, что онъ искренно поблагодарилъ его и отвѣтилъ:

— Я считаю это величайшимъ доказательствомъ уваженія и довѣрія, и скажу объ этомъ моему сыну; ваша увѣренность въ его характерѣ послужитъ ему самымъ лучшимъ одобреніемъ. Но позвольте сказать вамъ, что разсудокъ и расчетъ не соединяютъ супруговъ, наши предки говорили, что самъ Богъ на небѣ соединяетъ ихъ. Мой сынъ хранитъ уже въ своемъ сердцѣ привязанность, за которой я слѣжу съ безпокойствомъ отца, а панна Ирина...

— О, ея сердце свободно!—вскричалъ старикъ.—Если же оно уже занято, то я очень виноватъ. Какъ тутъ усмотрѣть за женщиной, сто тысячъ чертей!

— Конечно, свободна, но, если оно до сихъ поръ не отозвалось въ пользу моего сына, то теперь уже не отзовется.

— Но позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, попробовать.

— Сынъ мой уже влюбленъ.

— Влюбленъ! Зная Ирину, имѣя возможность обладать этимъ сокровищемъ, и влюбиться въ другую! О, это преступленіе!

Граба отъ души засмѣялся.

— Что же я могу сдѣлать? Противъ этого нѣтъ средствъ!—возразилъ Граба.

— Въ кого это вашъ сынъ влюбился? Я здѣсь никого подобнаго не знаю.

— Въ дочь бѣдныхъ родителей, въ воспитанницу бѣднаго семейства: объ этомъ вы послѣ узнаете.

— Ну, кто-жъ это наконецъ?

Граба не счелъ нужнымъ называть фамилію предмета любви своего сына. Конюшій, оскорбленный, что кого-то осмѣлились поставить въ параллель съ его Ириной, въ гнѣвѣ тоная ногой, хватаясь за чулпину, оставилъ Грабу.

Судя по опасеніямъ моего дѣда, я могу заключить, что

панна Ирина не совѣмъ равнодушна ко мнѣ, что старикъ замѣчаетъ это, и не даромъ опасается; но могу ли я быть такъ самоувѣренъ? Нѣтъ! Нѣтъ! Слѣпая привязанность возбуждаетъ опасеніе въ его добромъ сердцѣ. Ирина можетъ только съ состраданіемъ и презрѣніемъ думать о несчастномъ челоѣкѣ, который однажды явился передъ нею, болѣе похожій на звѣря, нежели на челоѣка.

Прощай! При этомъ письмѣ ты получишь деньги на уплату моихъ долговъ. Пришли мнѣ векселя и пиши ко мнѣ.

Всегда твой Юрій.

XIV.

Эдмундъ къ Юрію.

Варшава 28 февраля 18..

Получивъ деньги, я долго колебался, слѣдуетъ-ли мнѣ воспользоваться твоимъ энтузіазмомъ и сдѣлать изъ нихъ такое употребленіе, какое имъ назначено?

Любезный Юрій, я скажу тебѣ откровенно: ты совѣмъ одурѣлъ; кто нынче добровольно, безъ принужденія, платитъ долги? Провинціалъ! Мы считали тебя товарищемъ, а ты уронилъ насъ и, кромѣ того, даешь дурной примѣръ. Теперь всѣ кредиторы захотятъ, чтобы мы имъ аккуратно платили, и будутъ думать, что имѣютъ полное право требовать съ насъ деньги. Я хотѣлъ взять у тебя займы эти деньги или положить ихъ въ сохранную казну, чтобы накопились проценты на голодные годы, когда ты воротиться въ Варшаву (я все еще ожидаю твоего пріѣзда). Наконецъ, разсудивъ, я рѣшилъ сдѣлать по твоему, но тѣмъ не менѣе сожалѣю о твоемъ безразсудствѣ.

Я призвалъ Шмуля, объявилъ о твоемъ векселѣ; онъ вытаращилъ глаза, ничего не понимая, потомъ покачалъ головой и, наконецъ, вынулъ свой огромный бумажникъ, содержимое котораго было перевязано тесемкой, грязнѣе его халата. Сперва онъ надѣлъ очки, потомъ сѣлъ и сталъ разбирать безчисленное множество векселей, которые онъ раздѣлилъ на три кате-

горю: 1) пропавшіе векселя и только про меморіа сохраненные у него, 2) сомнительные векселя (въ двухъ субкатегоріяхъ), и 3) вѣрнѣйшіе какъ золото. Ты находишься въ средней на краю съ первой.

— А знаете сто,—сказалъ Шмуть,—съ этого карманника я всего второй разъ полуцаю grosy. Разъ, вы знаете, отъ этого господина, сто такъ прекрасно женился; а панъ Суминъ, можетъ быть, тоже женился, и вѣрно пріѣдетъ въ Варсаву, сто такъ скоро платить.

— Нѣтъ не женился и не пріѣдетъ въ Варшаву.

— Ну поцему-же онъ платить?

— Вотъ ни съ того ни съ сего фантазія нашла: заболѣлъ совѣстью.

— Э, вей! какая это прекрасная болѣзнь,—сказалъ жидъ, качая головой.—Заль, что презде нельзя знать, кто имѣетъ къ ней желаніе. Ну, якъ бы это для насъ хорошо было? Ну,—прибавилъ онъ,—развѣ это узъ такая сильная болѣзнь, сто и проценты нузно платить?

— Да, честные проценты.

— Жидъ замолчалъ и потомъ прибавилъ:

— Онъ взялъ, вѣрно, большую сукцессію?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ я ему.

— Ну! такъ, вѣрно, сдѣлался набозный целовѣкъ,—сказалъ онъ про себя.

— Что-то въ-родѣ того.

Послѣ этого разговора мы разстались. Шмуть забралъ деньги, завязалъ бумажникъ, положилъ его около сердца и просилъ передать тебѣ письмо, которое я посылаю имѣть съ моимъ и съ векселемъ. Въ немъ онъ выражаетъ свою благодарность и проситъ не забывать его въ крайнихъ случаяхъ; видно и онъ тоже надѣется увидѣть тебя. Mary взбѣсилъ меня: онъ забралъ деньги, какъ ни въ чемъ ни бывало, ни-сколько не удивился, что ему платять. Странный право, целовѣкъ, не сказалъ даже спасибо! Только спросилъ:

— Monsieur le comte de Soumine ne nous arrive-t-il pas? hein?

— Non, monsieur, il s'est établi á la campagne, dans la patrie de truffes.

— Ah! s'il pouvait nous en fournir! elles sont hors de prix.

Лаура уже давно имѣть дѣла съ Шмулемъ. Теперь она не беретъ займы денегъ, но сама даетъ въ ростъ и не отказывается отъ того, что ей даютъ. Разсказъ жиды возбудилъ въ ней любопытство; она поймала меня вчера въ театрѣ — мы сидѣли одни въ ложѣ.

— Правда-ли, — спросила она, — что бѣдный панъ Юрій все еще живетъ въ деревнѣ.

— Почему вы его называете бѣднымъ?

— Ахъ, можно ли, живя въ деревнѣ, быть счастливымъ?

— Да, жить въ деревнѣ и не видать прекрасной Лауры, — возразилъ я съ французской вѣжливостью.

— О, безъ комплиментовъ — я не вѣрю имъ: пустяя слова. Скажите-жъ мнѣ что-нибудь о немъ?

— Что-жъ сказать? Совершенно остепенился, заплатилъ долги и хочетъ трудиться въ деревнѣ.

Она съ кокетствомъ положила свою руку на мою и спросила:

— Вѣрно, влюбился, женится?

— Кажется, что ни то, ни другое.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это вѣрно? Откуда же онъ набрался такой мизантропiи? — спросила она послѣ минутнаго молчанiя.

Изъ этого вопроса я вывелъ заключенiе, что Лаура, должно быть, думаетъ, что ты вслѣдствiе ея измѣны, впалъ въ отчаянiе, что отъ сильной любви къ ней готовъ готовъ даже... тфу! тфу! Догадайся самъ, я не въ состоянiи написать тебѣ этого. Конецъ разговора подтвердилъ мое предположенiе: *Lora veut faire une fin*. Банкиръ *** пополнилъ ея капиталъ: получивъ деньги, она хотѣла-было закутаться въ добродѣтель. Лаура сдѣлалась теперь скромна, какъ пятнадцатилѣтняя деревенская дѣвушка, чрезвычайно прилична — носить платье подъ шею, вѣроятно желаетъ выйти замужъ. О, и выйдетъ! Еще годикъ или два прежней жизни, а потомъ собранный капиталецъ возвыситъ ее на степень вдовы *qui a eu des malheurs, et qui a un reste de fortune*. Она уѣдетъ далеко въ деревню, въ Литву или Жмудъ и сдѣлается экстранравственной помѣщицей; сосѣди будутъ добиваться ея дружбы или протекцiи; а студентъ, который черезъ годъ послѣ свадьбы

введеть ее во грѣхъ, будетъ считаться ловеласомъ! Но тебя это болѣе не занимаетъ. Мои дѣла идутъ недурно: я играю въ карты по-прежнему довольно счастливо. Живу я на Краковскомъ-Предмѣстьи, въ нижнемъ этажѣ, вблизи меня Mary; перемѣни мой адресъ и люби подъ всякимъ адресомъ того, который искренно жалѣетъ и любитъ тебя.

Эдмундъ.

XV.

Юрій къ Эдмунду.

Западлиска, 21 мая 18..

Дорогой Эдмундъ! Я уже давно не писалъ къ тебѣ, не удивляйся; я перешелъ на новое хозяйство и началъ новое поприще труда. Въ минуты отдыха я не имѣю желанія сѣсть за письменный столъ, рука отказывается писать, а голова отъ изнуренія не въ состояніи связать двухъ путныхъ мыслей. Зато теперь, взявши перо, я отдамъ тебѣ отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ, тѣмъ болѣе, что это письмо посылаю не по почтѣ, а съ извозчиками, которые ѣдутъ за моими машинами. И такъ, вооружись терпѣніемъ и слушай.

Я переѣхалъ уже въ свои Западлиски, земли въ этомъ имѣніи не мало, хозяйство хотя въ запустѣніи, но дѣйствительно представляетъ много прекраснаго матеріала для составленія капитала.

Со времени моего счастливаго дѣтства, здѣсь я вижу первую весну. Я много ихъ пережилъ, но ни къ одной не присмотрѣлся: я былъ какъ-будто оторванъ отъ земли и перенесенъ въ гостиныя. Могла ли меня занимать природа? Я зналъ ее только по описаніямъ въ французскихъ романахъ. Теперь же я дышу свѣжимъ воздухомъ, смотрю въ открытое небо, восхищаюсь расцвѣтомъ новаго года и чувствую, что у природы я болѣе научусь, нежели изъ многихъ книгъ, прежде прочитанныхъ мною; я испытываю теперь такія впечатлѣнія, которыхъ я прежде не зналъ. Поднявъ занавѣсъ великаго театра, я восхищаюсь началомъ драмы, но развязку ея и конецъ, о! какъ трудно отгадать! Кто можетъ предвидѣть, чѣмъ кон-

чится этотъ годъ? Надъ чѣмъ закроется занавѣсъ,—надъ трупами или надъ веселымъ хоромъ свадьбы?

Я видѣлъ мрачный конецъ зимы, грязный и холодный: не стало корма въ конюшняхъ, народъ ломалъ руки, смотря на свой истощенный скотъ, мартъ уже кончался, а весны не видать. Наконецъ вѣтеръ переѣнился, воздухъ сдѣлался теплѣе, ливнемъ пошелъ дождь, растаяла кора снѣговъ, спускающихся по долинамъ шумными и быстрыми потоками. Этого торжества давно ожидали тощіе аисты, гуляющіе между источниками, гдѣ уже зеленѣла трава, дикіе гуси и голуби, которые прилетаютъ изъ теплыхъ странъ, и чайки, грустно кричащія въ болотахъ, какъ-будто привѣтствуя тепло и весну. Наконецъ, неожиданно появилась запоздалая *primadonna*: воды стекли стремительно съ холмовъ, болота окрѣпли, поля высохли, луга зазеленѣли, береза стала распускаться, лоза покрылась почками и листьями, плугъ и соха пошли въ поле.

Въ состояніи ли ты все это понять, любезный мой горожанинъ? Я сомнѣваюсь и очень жалѣю тебя. Ты встаешь изъ-за зеленого стола съ чувствомъ изнуренія, неудовольствія, иногда даже затаенной вражды, я же возвращаюсь съ зеленыхъ луговъ, хотя изнуренный, но со свѣжими мыслями и чистымъ сердцемъ. Я ревностно занялся хозяйствомъ. Я совѣтуюсь съ разумомъ и сердцемъ, желая все устроить по ихъ внушенію, а въ чемъ не довѣряю самъ себѣ, о томъ, спрашиваю совѣта у честнѣйшаго Грабы — чудака. Трудъ не легкій, потому что не разъ пришлось бы затронуть интересъ цѣлаго общества, если-бы вдругъ приняться за улучшение: нужно много размышленія, такта и добросовѣстности. Многія упущенія надо передѣлать немедленно.

Народъ, безспорно, честенъ но продолжительное угнетеніе (хотя оно не было повсемѣстно), его ложное положеніе испортили его. Онъ лжетъ, потому что не знаетъ, можно ли ему сказать правду; воруетъ, потому что не сознаетъ, имѣетъ-ли онъ свою собственность; лѣнивъ и нерадивъ, потому что знаетъ, что помѣщики нуждаются въ немъ и помогутъ въ бѣдѣ.

Сначала я старался идти наперекоръ общепринятымъ правиламъ въ дѣлѣнемъ хозяйствѣ. Сдѣлавшись по контракту

распространителемъ земель и труда крестьянъ, я рѣшилъ по совѣсти высчитать, сколько мнѣ слѣдуетъ съ нихъ обязательнаго труда, чтобы не требовать лишняго. Всеобщее волненіе сосѣдей встрѣтило мою реформу. Это люди, которые желаютъ свободы, а сами отказываютъ бѣдному народу въ личной свободѣ и справедливости!

Вотъ уже во второмъ письмѣ я толкую о предметахъ нисколько тебя неинтересующихъ; оставимъ ихъ въ покоѣ. Итакъ, я опять берусь описывать свою исторію.

Я поселился въ главномъ хуторѣ Западискѣ, въ chef-lieu, находящемся въ центрѣ имѣнія.

У меня большой, развалившійся каменный домъ; должно быть, онъ переходилъ изъ рукъ въ руки арендаторовъ, мало заботившихся о немъ. Одинъ арендаторъ внизу въ залѣ устроилъ лазаретъ для больныхъ овецъ; другой ссыпалъ хлѣбъ въ кабинетъ, выкрашенномъ въ помпейскомъ вкусѣ, и вѣшалъ хомуты на мраморныхъ каминныхъ, а мясо клалъ на полки изъ краснаго дерева. Теперь осталось нѣсколько комнатокъ, едва удобныхъ для жилища. Дворъ засоренъ, деревья поломаны, соръ, грязь, и вдобавокъ все поломано, даже замки въ дверяхъ. Впрочемъ, на дворѣ подъ кучами сору и навозу замѣтны остатки цвѣтника, но окружающій его березовый заборъ частью разобрали сторожа, частью поломали лошади. Имѣніе было въ первобытномъ состояніи; можешь представить себѣ сколько труда?

Утромъ я верхомъ отправляюсь въ поле, потому что на людей нечего надѣяться—собственными глазами лучше увидишь, да и сами люди такъ разсуждаютъ: «если хозяинъ не смотритъ за своимъ добромъ, зачѣмъ-же намъ заботиться о немъ?»

Объѣзжаю лѣсъ и очень часто изъ разговора простого старика извлекаю гораздо болѣе пользы, нежели изъ книгъ, списанныхъ съ другихъ-же книгъ. Люди живутъ, но книга жизни плотно заперта замками и прикрѣплена печатью; людского вѣка мало, чтобы разсмотрѣть всѣ картины и виды, въ ней находящіяся. Потомъ я возвращаюсь домой, и здѣсь ожидаетъ меня не мало занятій. Вечеромъ, сдѣлавъ распоряженія на завтрашній день, я читаю, играю и отдыхаю послѣ труда.

Прежде музыка была для меня средствомъ показать себя въ свѣтъ, теперь же она сдѣлалась предметомъ пріятнѣйшаго для меня развлеченія. Я имѣю здѣсь довольно трудныя произведенія современныхъ композиторовъ, писанныя болѣе для пальцевъ, нежели для слуха: цѣлую кину нотъ Моцарта, Гайдна, Бетховена — настоящія сокровища.

Иногда меня навѣщаютъ Граба съ сыномъ, капитанъ, или кто-нибудь изъ сосѣдей, и время бѣжитъ такъ скоро, что хотѣлось бы придержать его. А для васъ оно тянется лѣниво. У меня есть прекрасныя лѣса, отличная охота, много воды и богатая рыбная ловля, — словомъ, занятій безъ счету и самыхъ разнообразныхъ. Только въ деревнѣ и житье! Городъ, это — большая тюрьма, заключенные въ которой узники гуляютъ, потому что не могутъ и не хотятъ трудиться, потому что только заняты своею личностью, имѣя передъ глазами однихъ людей и ихъ произведенія. Я счастливъ настолько, насколько можетъ быть счастливъ человѣкъ съ глубокой, но благородной страстью въ сердцѣ. Я страдаю, но люблю свое страданіе и ни за что не разстался бы съ нимъ. Каждый день я отправляюсь къ опушкѣ лѣса, примыкающаго къ Румяной, чтобы хотя издали взглянуть на ея усадьбу, вздохнуть и возвратиться домой. Иногда въ бинокль я вижу ея дворъ и даже самую Ирину, гуляющую среди цвѣтовъ.

Я хочу быть достойнымъ этой женщины, но чувствую свое несовершенство. Съумѣю ли я сохранить твердость характера въ своихъ поступкахъ? Какъ слонъ въ неволѣ вдругъ приходитъ въ ярость, не пожелаю ли я вырваться изъ своихъ оковъ (если ихъ можно назвать оковами) и возвратиться къ прежней буйной жизни свѣта? Нѣтъ, этого быть не можетъ: подняться — прекрасное дѣло, но упасть ужасно, преступно и скверно. Не сердись, что вашу жизнь я называю нравственнымъ паденіемъ.

Чтобы дать тебѣ понятіе, какія неожиданныя рѣдкости я встрѣчаю чуть-ли не на каждомъ шагѣ въ заколдованномъ Подлѣсьи, которое вначалѣ мнѣ показалось ужасно дикою страной, я опишу тебѣ одну очень странную встрѣчу. Я предупредилъ тебя, что письмо будетъ длинно и не обманываю

тебя; ты вѣдь любишь легкія повѣсти, а этотъ разсказъ чистая повѣсть.

Нѣсколько дней назадъ я проѣзжалъ по тропинкѣ лѣса, прорѣзанной по границѣ Румяной, около старыхъ валовъ замка, поросшаго теперь густымъ лѣсомъ. Я всегда останавливаюсь или проѣзжаю тихо, чтобы налюбоваться прекраснымъ мѣстомъ.

У поворота тропинки я встрѣтилъ человѣка среднихъ лѣтъ, идущаго съ кружкой къ рѣкѣ. Въ лѣсу живетъ много сторожей и бѣдной шляхты, а потому я не обратилъ бы вниманія на проходящаго, но меня удивила его необыкновенная наружность. Это былъ высокаго роста, сильный, широкоплечій, среднихъ лѣтъ мужчина, со смѣлымъ видомъ, съ прекрасной и благородной осанкой, съ правильными чертами. Любопытство невольно подстрекнуло меня спросить, кто онъ? Я имѣлъ даже на это право, потому что онъ находился на моей землѣ.

— Любезный, откуда ты?

— Что вы говорите? — возразилъ онъ, останавливаясь и поставивъ кружку на землю; потомъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза съ такою смѣлостью, съ которою только равный встрѣчаетъ взглядъ равнаго себя человѣка.

— Я хотѣлъ спросить, здѣшній-ли вы?

Онъ былъ очень просто одѣтъ: суконная куртка, толстая рубашка, на ногахъ лапти, перевязанныя ремнемъ, и ножъ у пояса; однако, по наружности и разговору, можно было узнать, что онъ носить платье, несвойственное своему званію.

— Я давно уже живу здѣсь, — отвѣтилъ онъ спокойно съ полуулыбкой, — а вы?

— Я арендаторъ Западлицкъ.

— А! Я радъ познакомиться съ вами; я много о васъ слышалъ хорошаго, — сказалъ онъ и поклонился безо всякаго униженія, какъ-будто даже съ нѣкоторымъ покровительствомъ. Я ему отвѣтилъ поклономъ. Его фигура и обхожденіе сильно заинтересовали меня.

— Кто вы? — спросилъ я.

— Я обыватель здѣшнихъ мѣстъ и братъ вашего владѣльца.

— Братъ пана Дольскаго?

— Къ вашимъ услугамъ, Петръ Дольскій.

— Какъ, родной братъ?

— Такъ точно.

— Въ такой одеждѣ? Въ такомъ положеніи?

— То и другое я добровольно избралъ, потому что такая жизнь мнѣ нравится, — отвѣтилъ онъ, взявъ кружку и отправился къ валамъ.

Я, не желая надоедать ему и гоняться за нимъ, поскакалъ далѣе съ возбужденнымъ въ высшей степени любопытствомъ. Возвратившись домой, я разспрашивалъ о немъ людей: всѣ его знаютъ, но никто не хотѣлъ распространяться объ этомъ человѣкѣ, можетъ быть изъ опасенія, чтобы въ лицѣ брата не уронить своего барина. Нѣсколько дней тому назадъ я отправился къ скирдамъ и совсѣмъ неожиданно встрѣтился съ нимъ въ лѣсу. Онъ былъ одѣтъ, какъ простой сторожъ: въ лаптяхъ, съ сумкой и ружьемъ черезъ плечо, и собака шла передъ нимъ. Какъ охотники, мы начали разговоръ объ охотѣ. Я удивился, найдя въ немъ образованнаго человѣка, начитаннаго, съ поэтическимъ воображеніемъ, но съ отравленнымъ сердцемъ. Лѣса взлелѣвали въ немъ странныя и оригинальныя мысли. Человѣку привычному онъ не показались-бы оригинальными; но меня, столичнаго жителя, почти каждое слово этого добровольнаго изгнанника чрезвычайно удивляло. Онъ вовсе не скрытенъ; послѣ третьей встрѣчи, вѣроятно чувствуя потребность въ душевномъ изліяніи, онъ привязался ко мнѣ и былъ довѣрчивъ. Я полагаю, что хорошее мнѣніе, которымъ я пользуюсь въ окрестности, способствовало къ моему знакомству съ нимъ. Я спросилъ его, когда мы присѣли отдохнуть, что онъ здѣсь одинъ дѣлаетъ въ дремучемъ лѣсу, вдали отъ общества, къ которому онъ принадлежитъ.

— Я не удивляюсь, — отвѣчалъ онъ, — что вы интересуетесь знать мою жизнь: у меня нѣтъ тайнъ, я вамъ ее открою. Съ дѣтства всѣ называютъ меня чудакомъ, кажется, чудакомъ и умру. Другіе добиваются богатства, удобствъ, роскоши, а моя тайна въ томъ, что я полюбилъ простоту, бѣдность и уединеніе. Я и братъ, мы были бѣдняками; имѣніе, которое вы взяли въ аренду у моего брата, не наследственное: онъ

приобрѣлъ его женитьбой на богатой. Въ дѣтствѣ у насъ былъ небольшой капиталецъ, который я весь отдалъ брату. Можетъ быть и я-бы пошелъ по избитой дорогѣ шляхты, то есть прогулялъ бы молодость, прохозяйничалъ зрѣлые годы и прозѣвалъ старость; или же избралъ-бы одну изъ привилегированныхъ карьеръ, къ которой наша шляхта болѣе всего привыкла, чтобы удобно лежать на боку, ничего не дѣлая, если-бы Богъ, или судьба не бросили на дорогу моей жизни чувство, которое, какъ видите, свело меня съ ума. Не трудно догадаться, какое это чувство,—сказалъ онъ съ легкимъ вздохомъ.—Это болѣзнь, которою, какъ лошади мытомъ, всѣ должны переболѣть. Но у меня этотъ мытъ не скоро прошелъ: онъ остался внутри и изувѣчилъ меня. Я былъ бѣденъ и полюбилъ дѣвушку не менѣе бѣдную, но гораздо болѣе требовательную. О! Она имѣла право быть взыскательной—она была такъ прекрасна! Я предлагалъ ей сердце, свою честную бѣдность и пару трудолюбивыхъ рукъ; я увѣрялъ ее, что бѣдность не такъ страшна, какъ ее изображаютъ; но она боялась ея, какъ величайшаго зла на землѣ. Бѣдное дитя! Ей нужно было игрушекъ, мишуръ, льстецовъ, аплодисментовъ, какъ рыбѣ вода. Я-же могъ ей дать только теплую хижину, деревенскій, прохладный садикъ и спокойную жизнь подъ тѣнью старыхъ липъ. Она посмѣялась надъ моимъ предложеніемъ, хотя была немножко привязана ко мнѣ: мы вмѣстѣ провели дѣтство. Съ улыбкой и со слезами она отвѣтила мнѣ: „Я дрожу, милый Петрусь, при одномъ воспоминаніи о бѣдности, меня леденитъ одна мысль о твоей хаткѣ и садикѣ, въ которомъ найдется болѣе крапивы, чѣмъ розъ. Я не люблю труда, мнѣ нужны удобства, увеселенія, я должна имѣть дворцы, слугъ, лошадей, кареты и прекрасные наряды. Конечно, мнѣ пріятнѣе получить все это изъ твоихъ рукъ, но твоей бѣдности я не въ силахъ перенести. Я измучила бы тебя своей грустью, скукой и ропотомъ на судьбу“. Она любила меня! Кто знаетъ, можетъ быть любить еще и теперь, но прекрасная ея головка была болѣе развращена, нежели сердце; а чудные, многоговорящіе глаза такъ безжалостно лгали, обѣщая то, чего не въ состояніи были исполнить. Итакъ, измученный, я оставилъ ее. Она вышла замужъ за очень богатаго владѣльца трехъ помѣ-

стій, и что-же? Они прожили состояніе, въ непріятностяхъ провели годы мнимаго счастья и, наконецъ, разстались. Теперь бѣдная женщина—безъ будущаго, безъ родныхъ, живетъ изъ состраданія у людей. Съ отчаянія я пошелъ въ военную службу, но и пули отвергли меня, какъ она. Я возвратился на родину, хотя было не зачѣмъ возвращаться. Привыкнуи къ кочевой жизни, къ труду я избралъ по своей охотѣ жизнь, которую теперь веду. Живу я подъ открытымъ небомъ, кочую среди лѣсовъ и охочусь. Братъ не пожалѣлъ бы мнѣ куса хлѣба, но я даже отъ брата не приму милостыни. Пока силы есть, я не нуждаюсь въ ней, а что получилъ отъ брата, заплачу или отработаю.

— Гдѣ вы живете?—спросилъ я его.

— Настоящее мое гнѣздо здѣсь, въ Западлискахъ, но я, старый кочевникъ, не нагрѣю мѣста, живу то здѣсь, то тамъ, лишь бы ходить. Я только одну суровую зиму просиживаю на мѣстѣ, а когда Богъ дастъ дожидаться весны, лѣта или осени,—ружье на плечо и пошелъ по свѣту. Человѣкъ во всякомъ состояніи ищетъ занятій, сродныхъ съ его наклонностями: я тоже нашелъ соотвѣтственное занятіе. Старыя могилы, груды камней, валы замковъ, городища, развалины, кладбища и курганы,—вотъ мое царство. Я раскрываю древности, раскапываю могилы, какъ воръ, изслѣдую что подъ ними лежитъ, слѣжу за тайнами древнихъ городовъ, живу прошедшимъ, и хорошо мнѣ съ нимъ. Это своего рода охота, имѣющая свои пріятности, она безъ конкуренціи у насъ. Съ біеніемъ сердца я подхожу къ твердому кургану, поросшему вѣковымъ дерномъ, осматриваю его, изслѣдую окрестность и запускаю заступъ съ осторожностью, со страхомъ и съ любопытствомъ. По первымъ остаткамъ мой вѣрный глазъ отгадываетъ время разрушенія: кусокъ ошлифованнаго кремня, обломокъ глинянаго горшка, желѣзо, кость даютъ мнѣ отчетъ о минувшихъ временахъ. Иногда невѣдомая рука предупредить меня, увы, рука не археолога, но корыстолюбца, который даже въ царствѣ мертвыхъ ищетъ золота! Иногда вѣка переживаетъ сохранившійся памятникъ, потому что о немъ сохранилось преданіе, или пѣснь народа. Какъ я радуюсь, когда отыщу въ цѣлости все, что время сохранило, когда возьму въ руки чашу, обвитую про-

волокой, украшенную бисеромъ и рѣзбой, когда въ стеклянной слезницѣ открою слезу, истекшую тысячу лѣтъ тому назадъ! Сколько здѣсь прекрасной исторіи, сколько мыслей въ малѣйшемъ обломкѣ!

— Вы, вѣроятно, свои изслѣдованія сообщаете ученымъ?

— Зачѣмъ? О, нѣтъ! Не для того ли чтобы приобрѣсть себѣ обожателей и критиковъ — два рода несноснѣйшихъ людей? Остатки древности, это—мое государство, моя собственность и мое богатство: зачѣмъ мнѣ дѣлиться съ другими? Я скупъ.

— Теперь я понимаю, почему я васъ нашелъ на валахъ замка.

— Нѣтъ ничего удивительнаго, это — мое жилище.

— Однако я не замѣтилъ тамъ никакого жилища.

— Мы недалеко отъ него, хотите я вамъ его покажу?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Пойдемте.

Павъ Петръ всталъ, повелъ меня прямо по тропинкамъ въ лѣсъ, онъ зналъ каждое дерево каждый закоулокъ, каждый лужокъ, и, сверхъ ожиданія, мы вскорѣ очутились у береговъ Случи, надъ которой возносился, покрытый зеленью, замокъ. Однако нигдѣ не было видно упомянутаго жилища.

Путемъ, который прежде велъ къ замку, проводникъ повелъ меня по зеленому лугу, теперь занимающему середину валовъ. По угламъ болѣе возвышенные холмы означали мѣста бастіоновъ; на нихъ росли дубы, обвитые дикимъ хмѣлемъ. Осторожный житель замка не протопталъ даже тропинки, которая могла бы открыть его убѣжище. На одномъ угольномъ холмикѣ стояла дерновая скамья—слѣдъ, что здѣсь жилъ человекъ. Съ этой скамьи открывался прекрасный видъ на Случь, впрочемъ мертвый и пустой, — ни деревни, ни живой души. Онъ потому именно и любилъ этотъ видъ, что здѣсь не было людей. Спустившись по валамъ къ рѣкѣ, мы нашли родъ ямы, какъ-будто входъ въ подземелье надъ водой, обросшей плющомъ, хмѣлемъ и высокой травой, которая закрывала его отверстіе. Пройдя нѣсколько шаговъ внутрь, я увидѣлъ вѣковую стѣну, а въ ней крѣпкую дубовую дверь, окованную желѣзомъ. Проводникъ мой досталъ ключъ, скрывавшійся въ травѣ, отворилъ дверь и вошелъ. Мы находились въ древнемъ гротѣ

замка. Мы прошли по длинному корридору, въ которомъ по стѣнамъ висѣла убитая дичь и тлѣлъ еще огонь на очагѣ, и, наконецъ, очутились въ горницѣ съ однимъ рѣшетчатымъ окномъ, въ которой именно жилъ панъ Петръ. Здѣсь онъ съ любезностью хозяина привѣтствовалъ меня. Вначалѣ ничего нельзя было разглядѣть. Представъ себѣ подвалъ, безъ сомнѣнія служившій когда-то тюрьмой, или тайнымъ убѣжищемъ во время осады, съ очень маленькимъ окошкомъ, съ каменной печкой и каминомъ, отверстіе котораго терялось въ развалинахъ, покрытыхъ зеленью. Внутри комнаты, несмотря на близость рѣки, было очень сухо. Стѣны, подпиравшія острый сводъ, представляли настоящій музей древностей: остатки заржавѣвшаго оружія, огромные мечи, съѣденные ржавчиной, шпашки, цѣпи таинственнаго употребленія, шпоры, булаты, топоры, стрѣлы, доспѣхи были симметрически развѣшены по стѣнамъ этого страннаго жилища. На полу стояли рядами урны, надгробные плоскіе камни, каменные шары, крыши съ надписями отъ старыхъ памятниковъ, неизящные идолы дохристіанскихъ временъ и другіе памятники древности. Я сталъ втупикъ отъ разнообразія и огромнаго количества предметовъ.

— Это мой музей, — сказалъ Петръ, — а это бібліотека, — прибавилъ онъ, показывая на небольшую полку съ книгами, которая висѣла надъ кроватью. Кровать его состояла изъ сухихъ листьевъ, прикрытыхъ волчьей шкурой, надъ ней висѣли новѣйшихъ временъ карабинъ, пистолеты и распятіе бужоваго дерева, прекрасной рѣзбы. Надъ изголовьемъ, подъ стекломъ въ рамкахъ, висѣла женская перчатка. Я догадался о ея значеніи: это послѣднее воспоминаніе его молодости. Небольшой сундучокъ изъ сосноваго дерева стоялъ незапертый возлѣ кровати.

— Какъ васъ здѣсь не обворуютъ, когда вы надолго уходите? — спросилъ я.

— Нечего воровать — отвѣтилъ онъ, — старое желѣзо ни къ чему не годится. Всѣ знаютъ, что я бѣденъ, и боятся меня потому, что я никого не боюсь. Простонародье считаетъ меня колдуномъ и знахаремъ, уважаетъ и боится меня; впрочемъ, есть на свѣтѣ люди, которые даже любятъ меня.

— А не наскучило ли вамъ одиночество? — спросилъ я.

— Стыдитесь подобнаго вопроса. Наскучило одиночество! Я самъ добровольно избралъ его, желая быть глазъ на глазъ съ прошедшимъ, чтобы не изгладились во мнѣ воспоминанія. Вдобавокъ. какое развлеченіе, какой пріятный трудъ! Я имѣю дорогую и любопытную коллекцію, которую ежедневно увеличиваю. Говоря это, онъ вынулъ изъ кармана сѣкиру изъ кремня и положилъ ее рядомъ съ другими на полку. Вотъ мое общество, мое богатство, вотъ предметы моего размышленія,—продолжалъ онъ.—Я люблю мою жизнь!

Мы очень подружились съ нимъ; видно, я ему понравился, потому что, сколько мнѣ извѣстно, онъ не слишкомъ радъ новому знакомству и не скоро сходится съ людьми. Въ одномъ только онъ отличается отъ пана Грабы, съ которымъ имѣетъ много общаго относительно взгляда на свѣтъ и людей: онъ часто улыбается саркастически, между тѣмъ какъ у Грабы скользнуть улыбка доброты.

На другое утро я отправился на границу Румяной посмотреть на домъ и мѣста, гдѣ царствуетъ моя королева. Но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ здѣсь Петра, сидящаго на колодѣ въ глубокой задумчивости. Онъ поднялся, когда я пріѣхалъ, посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и горько улыбнулся.

— Ну!—сказалъ онъ, протягивая свою грубую руку,—сядемте-ка оба безъ церемоніи, а когда издали увидимъ промелькнувшее бѣлое платье, пускай каждому изъ насъ покажется, что онъ увидѣлъ свою королеву. Да, да!—прибавилъ онъ,—полноте скрывать причину своего пріѣзда, также какъ и я не стану предъ вами маскировать свое чувство.

Видно, онъ еще прежде наблюдалъ за мною.

— Но вы кого высматриваете здѣсь?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— О, недогадливая голова!—возразилъ онъ,—еще спрашиваетъ, кого?

Ты, вѣрно, догадался, что онъ былъ первый обожатель пани Лацкой, и рассказываемая имъ исторія къ ней относилась. Не имѣя болѣе тайнъ, мы говорили откровенно: онъ разспрашивалъ меня о ней съ огнемъ въ глазахъ, какъ двадцатилѣтній юноша.

— Вѣдь она весела,—сказалъ онъ,—счастлива?

— Она грустна и, кажется, несчастна, молчалива, как будто ничего болѣе не ожидаетъ и не желаетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — отвѣтилъ онъ, — намъ съ нею нечего болѣе надѣяться; она уже не то дорогое существо, которое я любилъ въ молодости. Мы старѣемся, заживо гниемъ и перемѣняемся, несчастные! Теперешняя женщина сохранила только прежнее имя; она переходила изъ рукъ въ руки людей, которые исцѣловали ее, избаловали, изсушили. Осталось-ли на ея бѣломъ челѣ хотя одно мѣстечко, на которомъ почилъ бы мой чистый поцѣлуй, не стыдись сосѣдства съ другимъ? Остался ли въ сердцѣ хотя одинъ толчокъ, который не принадлежалъ бы другому? Теперь я ее не люблю, люблю одно лишь воспоминаніе, теперешняго перерожденнаго существа я не хочу: нѣтъ, это не она!

Онъ проворно всталъ, схватилъ ружье и побѣжалъ въ лѣсъ.

Теперь ты знаешь, Эдмундъ, что значить истинное чувство? И не стыдно-ли тебѣ, что часто именемъ этого чувства ты называешь минутное увлеченіе?

Прощай! Болѣе писать не могу: ѣду въ поле.

Твой Юрій.

Какъ поживаешь? Опять свободная минута, я посвящаю ее тебѣ. Воображаю, какимъ я страннымъ теперь кажусь въ твоихъ глазахъ: насъ разлучаетъ пропасть. Мы смотримъ съ состраданіемъ другъ на друга, почти такъ, какъ два сумасшедшихъ смотрятъ одинъ на другого въ домѣ умалишенныхъ. Но нѣтъ, нѣтъ! Плохое сравненіе: я часто вижу свѣтъ, людей, самого себя и не сошелъ съ ума. Я вижу твою сострадательную улыбку; смѣйся, но придетъ время, когда мое письмо вызоветъ раздумье на твоемъ челѣ, и кто знаетъ, не захочешь-ли ты тоже вырваться изъ городского омута, въ которомъ я потерялъ столько прекрасныхъ лѣтъ, и искать спокойствія и отдохновенія въ деревнѣ?

Да, нѣтъ счастья въ безпутной молодости, потому что она не долговѣчна, нѣтъ счастья въ роскоши и въ нѣгѣ жизни, въ разнообразныхъ увеселеніяхъ, потому что они наводятъ скуку;

нѣтъ счастья въ ненасытномъ желаніи тщеславія: счастье находится въ спокойной совѣсти, въ деревенскомъ уединеніи, въ собственномъ усовершенствованіи, въ нравственномъ возвышеніи; оно состоитъ въ умѣреніи своихъ желаній. Свобода, трудъ, надежда вотъ эмблемы счастья. Да, мечта—тоже счастье!

Я видѣлъ ее!

Слушай, я продолжаю ѣздить на границу Румяной, сажусь тамъ читать и мечтать, отсюда виденъ дворъ и деревья сада; придетъ Петръ, мы думаемъ вдвоемъ или разговариваемъ тихо, прерывая свои мечты продолжительными паузами молчанія. Мы избрали нѣсколько старыхъ дубовъ на краю лѣса и здѣсь собственноручно выстроили родъ шалаша, обращеннаго къ Румяной, съ двумя скамейками изъ колоды дерева. Петръ, хорошій садовникъ, посадилъ кусты, посѣялъ хмѣль и плющъ, и теперь это мѣсто сводитъ насъ почти ежедневно. Въ одномъ углу нашего шалаша мы прячемъ трутъ, чтобы зажечь трубку, въ другомъ—простую кружку, съ которой поочередно отправляемся черпать воду къ ближайшему источнику. У насъ есть очагъ, обложенный камнями, для холодныхъ вечеровъ. Петръ, если не блуждаетъ въ лѣсу, часто даже ночуетъ здѣсь. Нѣсколько дней назадъ мы сидѣли въ своемъ шалашѣ. Дольскій упорно молчалъ и былъ мраченъ. Прекрасный весенній вечеръ горѣлъ пурпуровымъ закатомъ на горизонтѣ.

Мы сидѣли молча, глаза наши были обращены въ одну сторону. Вдругъ послышался намъ топотъ лошадей, но уже такъ близко отъ шалаша, что мы сейчасъ же увидѣли лошадиныя головы. Песчаная, узкая тропинка по опушкѣ лѣса ведетъ въ прекрасную пасѣку, принадлежащую къ Румяной. За лошадьми показался кабріолетъ, въ которомъ сидѣли пани Лацкая и Ирина. Дольскій вперилъ свои черные глаза и остолбенѣлъ, я вскочилъ съ мѣста; Ирина съ любопытствомъ разсматривала нашъ шалашъ и, узнавши меня, приказала остановиться. Лацкая ужасно поблѣднѣла, отвернувшись живо въ другую сторону и не поворачивалась болѣе къ намъ. Ирина, не обращая на нее вниманія, весело привѣтствовала меня. Я подошелъ къ ней; Петръ остался въ шалашѣ, точно окаменѣлый.

— А, наконецъ, хотя случайно, мы встрѣтили васъ! Что вы здѣсь дѣлаете?

— Мы охотились на бекасовъ вмѣстѣ съ моимъ сосѣдомъ паномъ Петромъ Дольскимъ (Петръ слышалъ это, но не пошевелился), а теперь мы отдыхаемъ.

— Какъ?—спросила она тихо,—вы сосѣди со мною и не удостоите меня своимъ посѣщеніемъ?

Я хотѣлъ солгать, но она на первомъ словѣ поймала меня.

— Скажите откровенно сказала она живо,—вы стыдитесь показаться мнѣ на глаза?

— Правда,—отвѣтилъ я.

— Это признакъ самолюбія: скрывать свои недостатки и желать всегда казаться однимъ и тѣмъ-же. Но болѣе естественно, замѣтивъ свою ошибку, сдѣланную случайно, или по наклонности, открыто признаться въ ней, и такимъ образомъ отнять у людей возможность къ злословію, и слѣдовать по своему избранному пути.

— Если-бы даже люди не злословили,—подхватилъ я,—если-бы они были снисходительны, то все-таки остаются впечатлѣнія, ничѣмъ неизгладимыя.

— Во всѣхъ вашихъ словахъ проглядываетъ много гордости.

— Пускай будетъ гордость; но есть тоже родъ благородной гордости.

— Итакъ, за то, что вы разъ явились ко мнѣ раскраснѣвшись и немного больнымъ,—прибавила она съ улыбкой,—я въ наказаніе не должна видѣть васъ никогда и здоровымъ?

— Могло-ли это быть наказаніемъ для кого-либо другого, кромѣ меня?

Она немного сконфузилась.

— Для васъ это вѣдь все равно,—прибавилъ я.

— Вы хотите комплимента? У меня всегда найдется для тѣхъ, которые желаютъ слышать его: на Полѣсьи общество такого милаго сосѣда, какъ вы, не совсѣмъ обыкновенная вещь.

— Вы этимъ дорѣзали меня!—отвѣтилъ я съ улыбкой

Она посмотрѣла на меня серьезно, и протянула мнѣ руку.

— Что-же? Будете-ли вы въ Румяной? Вѣдь всего три шага!

— Не знаю.

— Какъ! Я васъ прошу?

— Но не искренно и, можетъ быть, опять изъ вѣжливости.

— Ну, это уже черезчуръ невѣжливо; я приказываю быть! Ахъ, какой упрямый!

— Вы приказываете мнѣ быть?

— Приказываю и угрожаю, что пожалуюсь вашему дѣду.

— Хорошо, я прїѣду.

— Кто этотъ панъ Петръ?—спросила она тихо, продолжая разговоръ.

— Посмотрите внимательно на свою компаньонку и догадаетесь о многомъ, о чемъ говорить не имѣю ни права, ни времени.

Ирина нехотя бросила взглядъ и увидѣла пани Лацкую почти въ обморокѣ; потомъ посмотрѣла на Петра, и, простясь со мной, велѣла какъ можно скорѣе ѣхать.

Дольскій ни слова не промолвилъ, долго еще сидѣлъ на скамьѣ, потомъ всталъ и, не поворачиваясь даже ко мнѣ, пошелъ прямо въ лѣсъ. Я не рѣшился въ это время затрогивать его, ни разспрашивать ни утѣшать, и потому не сопровождалъ ему. Онъ, раздвигая кусты, зашелъ въ чащу лѣса и исчезъ.

Разумѣется, на другое утро я поѣхалъ въ Румяную. Какъ будто для того, чтобы отравить эту счастливую минуту, явился панъ конюшій. Увидѣвъ меня въ залѣ, онъ сперва покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, пригладилъ чуприну, посмотрѣлъ на Ирину, которая опустила глаза и, не привѣтствуя меня (такъ былъ золъ и сердитъ), отошелъ къ окну. Пани Лацкая не была въ гостинной и въ этотъ день вовсе не показывалась; говорили, что она больна. Гнѣвъ моего дѣда перешелъ вскорѣ въ ѣдкій сарказмъ; Ирина, не желая его раздражать, мало защищала меня. Я переносилъ спокойно его сарказмы, какъ путникъ, внезапно захваченный проливнымъ дождемъ.

— Я рекомендую вамъ моего внука,—сказалъ онъ,—моего милаго внука, пана арендатора Западлискъ (онъ взялъ ихъ за деньги, выигранныя въ карты: хорошее употребленіе дурной прибыли), аренда взята не безъ цѣли: граничить съ Румяной! А потому, прошу быть осторожной съ этимъ кавалеромъ.

— Панъ конюшій!

— Кавалеръ, любящій приволонуться, пьетъ не хуже меня, играетъ, проигралъ состояніе, котораго стало бы десяти бѣднымъ семействамъ на всю жизнь. Осталось у него столько здоровья, сердца и денегъ, сколько нужно на аренду Запад-лискъ, разсчитывая на богатую женитьбу. Но съѣсть чорта!— прибавилъ онъ тише.

Хладнокровіе, съ которымъ я выдерживалъ его насмѣшки, еще болѣе раздражало его, и хотя ему подали лошадей, такъ какъ въ этотъ именно день вбивали пограничные столбы въ Заямы отъ Куриловки, и онъ хотѣлъ туда отправиться, но предпочелъ потерять кусокъ земли, нежели оставить меня глазъ на глазъ съ Ириной. Она вѣжливо и холодно выслушивала его сарказмы, но я не замѣтилъ въ ней ни тѣни чувства. Умѣетъ ли она такъ хорошо владѣть собою, или же у нея нѣтъ чувствъ? Я не знаю.

Приближался вечеръ; старикъ отправилъ меня и чуть не вытолкалъ въ шею; я принужденъ былъ ѣхать. Онъ остался еще, чтобы своими сарказмами совершенно изгладить хорошее впечатлѣніе, которое я, можетъ быть, произвелъ на ея сердце.

О, если-бы исполнилось мое предчувствіе, и капитанъ вбилъ пограничные столбы черезъ его любимыя тенеты и отрѣзалъ кусокъ лѣса: пускай это маленькое горе научило бы его состраданію къ другимъ! Нѣтъ, желаніе зла—мести, это животное чувство, недостойное образованнаго человѣка. Богъ съ нимъ! Все это онъ дѣлаетъ изъ сильной привязанности къ ней; будемъ уважать его, хоть больно. Прощай!

Юрій.

XVI.

Ирина къ миссъ Ф. Вильви.

Румяная, 5 іюня 18...

Дорогая Фанни! Я обѣщала часто писать тебѣ для того, чтобы ты не забыла нашего языка, которому научилась изъ дружбы ко мнѣ; но до сихъ поръ я дурно исполняла свое обѣ-

щаніе: едва разъ въ мѣсяцъ ты получаешь отъ меня извѣстіе, а что значить двѣнадцать писемъ въ сравненіи съ такимъ длиннымъ годомъ! Я имѣю время писать чаще; но тебѣ, трудолюбивой начальницѣ учебнаго заведенія, годится-ли терять время на письма къ такой лѣнтяйкѣ, какъ я? Не знаю, получила ли ты мое письмо, посланное въ маѣ мѣсяцѣ? Черезъ сколько повозокъ и пароходовъ сперва перейдутъ эти несчастныя письма, пока достигнуть назначенной цѣли. Трудно даже понять, какъ они доходятъ. Напиши мнѣ, вѣрно ли я адресую къ тебѣ, и получаешь ли ты аккуратно мои письма? Я не хочу писать для почтмейстеровъ и любопытныхъ искателей затерянныхъ писемъ. Я открываю передъ тобою всю душу, изливаю на бѣлой бумагѣ свои чувства, которыя, какъ на крыльяхъ ласточки, пересылаю къ тебѣ. Я общалась писать тебѣ откровенно обо всемъ, что со мною случится, какъ-будто я еще твоя ученица и подруга, и въ точности, даже съ процентомъ, заплачу свой долгъ.

Ты предсказывала мнѣ въ скоромъ времени любовь, скорое замужество и счастье; но послѣднее, чѣмъ раньше приходитъ, тѣмъ скорѣе уходитъ. Лучше ожидать его, нежели оплакивать.

Мой молодой m-eur Georges, о которомъ я уже писала тебѣ, съ которымъ я такъ странно и неожиданно познакомилась, который произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что вначалѣ я даже сердилась на него и на себя, все еще живетъ въ нашемъ краѣ. Я не умѣю описать тебѣ, до какой степени мое собственное сердце унизило меня; я никогда не ожидала отъ него такой измѣны. Напрасно я представляла, что въ этомъ щеголѣ нашей столицы нѣтъ ничего особеннаго: сердце взяло верхъ надъ разсудкомъ, хотя онъ не дремлетъ. Я боролась и, покорившись, должна сознаться, что не имѣю надъ собою столько власти, сколько ожидала.

Мой опекунъ, которому этотъ господинъ приходится внукомъ, ревностно отталкиваетъ его отъ меня. Ты знаешь пана коюшаго, какъ онъ искренно любитъ меня; привязанность его доходитъ иногда до страннаго безразсудства. Сказавши себѣ разъ навсегда, что его внукъ вѣтрогонъ, мотъ, неосновательный человѣкъ, недостойнъ такой героини, какъ я, онъ упорно остается при своемъ убѣжденіи; и сколько онъ употребляетъ

хитрости и средствъ, чтобы его удалить отъ меня, и не пере-считаешь. Мой Georges (почему онъ мой? сама не знаю, что пишу) потерялъ большое имѣніе. Конюшій купилъ его опять, чтобы Georges только оставилъ насъ. Но онъ (какъ я и ожидала) не принялъ этого подарка и очень хорошо сдѣлалъ.

Не слишкомъ ли много я приписываю себѣ, но чувство, которое я замѣчаю въ немъ (а какая женщина его не отгадаетъ?) совершенно измѣнило его: изъ милаго, но пустого, юноши, какимъ я его впервые узнала, онъ сдѣлался теперь трудолюбивымъ, стойкаго характера и здравомыслящимъ человекомъ. Общество честнѣйшаго Грабы имѣло большое вліяніе на эту перемѣну. Я вѣрю въ его исправленіе, но конюшій смѣется надъ этимъ и утверждаетъ, что Юрій принялъ только другую оболочку, но что въ душѣ остался такой-же, какъ прежде; приписываетъ его перемѣну жадности и упрямству. Я не раздѣляю его мнѣнія: отчего-же человекъ не можетъ исправиться? Вѣдь въ немъ есть склонность къ добру.

Ты отгадала, потому что я уже слишкомъ явно проговори-лась: да, я люблю его и потому все перетолковываю въ хорошую сторону. Неужели я ошибаюсь? Горькое заблужденіе! Но что же сдѣлалось съ этимъ глупымъ сердцемъ?

Мнѣ велятъ ждать, и я охотно буду ждать, мнѣ нечего спѣшить выходить замужъ, настоящимъ я довольна, хотя скучно. Я чувствую, что можетъ быть гораздо лучше, но перенесу все съ надеждой на будущее, а съ надеждой время скоро проходитъ.

Послѣ описаннаго мною непріятнаго происшествія, когда умышленно показали мнѣ его въ пьяномъ видѣ (знаешь, даже тогда въ немъ не было ничего неблагороднаго, онъ былъ только жалокъ), я долго не видѣла его. Онъ не хотѣлъ быть у меня, хотя случайно или по своей волѣ (я не допускаю, чтобы по расчету), онъ живетъ очень близко меня, въ Западлисахъ; я должна была сама призвать его. Мнѣ удалось сдѣлать это очень ловко, и никто не можетъ заподозрить меня въ томъ, въ чемъ со смиреніемъ я признаюсь тебѣ. Ты знаешь дорогу къ моей пасѣнкѣ на границѣ Западлискъ, если среди своихъ Street и Square ты не забыла ея.

Представь себѣ, что Юрій сидитъ здѣсь по цѣлымъ часамъ

и смотреть на Румяную, точно какъ въ романахъ пишутъ, не правда-ли. Я только случайно узнала объ этомъ. Въ моей башнѣ, которая стоитъ надъ оранжереєю, я поставила телескопъ Мордунта, присланный тобою; здѣсь я имѣю обыкновеніе разсматривать окрестность. Какъ пріятно смотрѣть отсюда на людей, слѣдить за ними, когда они думаютъ, что одинъ только Богъ ихъ видитъ! Твой телескопъ отлично приближаетъ предметы. Однажды вечеромъ, когда я ворочала имъ во всѣ стороны, что-то мелькнуло на дорогѣ въ пасѣку. Я всматриваюсь—это онъ,—наблюдаю: онъ сѣлъ, подперся, мое глупое сердце забилося сильно!

Нѣтъ, нѣтъ! Это не ложное чувство, оно истинно и глубоко. Я исповѣдываюсь тебѣ подробно: ежедневно я наводила телескопъ въ ту-же сторону и потомъ увидѣла, какъ онъ съ кѣмъ-то другимъ, выстроивъ себѣ шалашъ, почти каждый день приходили, садились и просиживали по цѣлымъ часамъ. Объ остальномъ ты догадываешься,—я направила прогулку къ пасѣкѣ; мы встрѣтились; я его пригласила къ себѣ; онъ пріѣхалъ и засталъ пана конюшаго. Старикъ былъ безжалостенъ къ нему; мнѣ было ужасно жаль Юрія, но онъ съ мужествомъ перенесъ обиду. Я ему благодарна: онъ перенесъ это для меня.

Послѣ его отъѣзда мы разговорились à coeur ouvert съ моимъ добрейшимъ и честнѣйшимъ сторожемъ. Чуть Юрій переступилъ порогъ, конюшій бросилъ на меня умоляющій взглядъ и, цѣлуя руки, сказалъ тихо: ты сердишься на меня?

— Да, если-бы я могла на васъ сердиться, потому что есть за что.

— Бѣдное дитя,—продолжалъ онъ,—вотъ какъ вы отворачиваетесь отъ горькаго лѣкарства. Но признайся мнѣ чисто-сердечно, что, чортъ возьми, ты любишь его?

Этотъ вопросъ онъ сдѣлалъ съ такимъ безпокойствомъ, что хотя я должна была бы сознаться, но у меня не хватило духа огорчить его. Какъ женщина, я отдѣлалась отъ этого вопроса пожатіемъ плечъ.

— Но онъ вѣтрогонъ, повѣса, ни къ чему негоденъ, кутила, пьяница, игрокъ! Ему ни на грошъ нельзя вѣрить!

— Почему нельзя?—спросила я.

— Посмотри только, что онъ оставилъ за собою, и будешь имѣть понятіе, чего можно ожидать отъ него въ будущемъ: долги, порванные карты, разбитыя бутылки и брошенныхъ любовницъ.

— Вѣдь это обыкновенная жизнь нашей бѣдной молодежи, — возразила я, — откуда намъ взять ангеловъ? Почему не вѣрить въ исправленіе?

— А! ба! ба! ба! Вѣрить въ исправленіе—великое слово! О, да, онъ исправится, пока ты ему не наскучишь и пока онъ не прокутитъ твоего имѣнія.

— Но отчего панъ конюшій не хочетъ вѣрить въ исправленіе?

— Оттого, что не вѣрю. Не лучше ли избрать моему ангелу такого жениха, которому не нужно исправляться, — вотъ, какъ Янъ Граба?

— Прекрасный молодой человекъ, превосходный, чрезвычайно милый, честный, умнѣйшій, только не для меня!

— Почему, тере-фере, почему нѣтъ? Что это такое не для меня. По старопольскому обычаю, сударыня, соеватаемъ и баста!

— О, этого не будетъ: я выйду за кого захочу, или же вовсе не выйду замужъ. Если вы меня любите, то ломайте себѣ голову, не дремлите, чтобы я не полюбила того, кого вы не хотите, потому что...

— Вотъ поэтому-то,—вскричалъ онъ,—я и хотѣлъ выслать этого соколика, какъ-будто я впередъ предчувствовалъ. Нельзя ни за минуту ручаться, я это самъ знаю! Одинъ взглядъ. слово: ни въ чемъ ручаться нельзя. Ну, судьба состроила со мною шутку. Ей-Богу, даю слово честнаго шляхтича, что панна Ирина неравнодушна къ нему.

— Можетъ быть,—отвѣтила я, — вѣдь я тоже женщина: что запрещаютъ, того я хочу. Зачѣмъ панъ конюшій сдѣлалъ изъ него запрещенный плодъ?

Онъ взялся за голову.

— Я вижу это! Я вижу! Это просто несчастье! Неравнодушна! Запрещенный плодъ! Прекрасное яблоко, которое червь проточилъ насквозь!.. О, я это предчувствовалъ, — говорилъ онъ про себя, — этого мнѣ не доставало! Богъ наказалъ меня!

Трудъ цѣлой жизни, старанія и попеченія, — все прахомъ идетъ. Я сѣла молча; онъ быстро шагаль по комнатѣ, думаль, ворчалъ.

— Есть, кажется, характеръ, но можно-ли вѣрить? Онъ благородной крови; впрочемъ, чортъ его знаетъ! Но все же онъ ни къ чему не годенъ: вѣтъ, не хочу, не хочу! Я буду всю жизнь мучиться, умирать отъ страха!

— Вѣдь онъ сдѣлалъ смѣло шагъ къ исправленію, — подхватила я, позволивъ ему прежде излить свою желчь. — Вѣдь вы сами признаете въ немъ благородство?

— Однако я не хочу его, не хочу, — вскрикнулъ старикъ. — Всю жизнь бояться за него: къ чему мнѣ это!..

— А если я этого непремѣнно желаю?

— Если ты заупрямишься, ей-Богу, я пушу себѣ пулю въ лобъ!

Я перебила его, закрывая ему ротъ.

— Не горячитесь, панъ конюшій. Вмѣсто того, чтобы осуждать его, не убѣдившись положительно, не лучше-ли обратить на него вниманіе, слѣдить за нимъ, но не прокли-нать преждевременно!

— Что толку, если сегодня онъ играетъ роль степеннаго, а завтра запоетъ другое?

— Позвольте, папаша, — прибавила я, зная, что онъ любить, когда я называю его этимъ именемъ, — позвольте вамъ напомнить слова, которыя я часто слышала отъ васъ: „Пока молодое пиво не перебродитъ, ни къ чему не годится; молодостью каждый долженъ переболѣть, какъ корью и коклюшемъ“.

— Да, и оспую, послѣ которой остаются знаки, но я предпочитаю привитую. Впрочемъ, кто знаетъ, — прибавилъ онъ, смягчившись, — можетъ быть, послѣ броженія онъ устоится; вѣдь въ немъ хорошая кровь Суминовъ.

Я расхохоталась.

— Чего вы смѣетесь? Хорошая кровь! Вы теперь всѣ надъ этимъ смѣетесь, а знаете, что о Суминахъ пишетъ Окольскій только на латинскомъ языкѣ, не поймешь.

— Ничего, мнѣ любопытно слышать.

Пишетъ, но не Окольскій, а кажется — Длугошъ, что бы-

вали viri ad potationem et largitionem procrives, canum et venationum studiosi (это только предисловіе), но viri probi audaces и...

— О! длинный абаеистъ!

— Смѣйся, но я этому вѣрю; много вещей совершается по крови: по роду куры чубатая.

— Слава Богу, изъ ничего, что-нибудь да выйдетъ.

— Чортъ его знаетъ! А если онъ зайкнется на самомъ предисловіи?— прибавилъ старикъ и задумался, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ; потомъ подошелъ ко мнѣ и сказавъ съ серьезнымъ видомъ:

— Знаешь что, моя милая, дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, слово, что ты его не полюбишь, пока я не дамъ тебѣ своего согласія.

— Зачѣмъ? Развѣ вы меня не знаете, папаша? Развѣ я такая легкомысленная?

— Это правда, ты не легкомысленна! Ну, ничего съ ней не сдѣлаешь! Всегда на своемъ поставить. Подожди, я за нимъ буду хорошо слѣдить, присматриваться къ нему, но, если что-нибудь замѣчу...

Я поцѣловала его въ лобъ, но, вмѣсто благодарности за эту нѣжность, онъ вскочилъ, какъ угорѣлый.

— Ей-Богу!—закричалъ онъ,—сто тысячъ бочекъ зайцевъ, она уже любить его! Иначе не ласкалась бы!

Смѣясь, я убѣжала въ другую комнату, а старикъ, ворча, вскочилъ въ бричку и уѣхалъ.

Вотъ тебѣ важная сцена изъ драмы моей жизни. Я его люблю! Да, люблю его! Отгадалъ старикъ, хотя, право, я сержусь за это на себя и на него. Но за что я люблю его, зачѣмъ?—Сама не знаю. Любовь всегда безъ логики. Онъ не красивъ (но не думай, что и дуренъ), но къ чему все это?

Прошу тебя, Фанни, добрый другъ мой, помолись за меня, чтобы это первое чувство было и послѣднимъ, чтобы мнѣ не приходилось болѣе бороться съ нимъ... (*Конецъ письма оторванъ*).

XVII.

Юрій къ Эдмунду.

Только первый шагъ былъ труденъ: теперь я уже бываю въ Румяной; но, помня подозрѣнія, которымъ я подвергался, зная свое положеніе, я никогда не рѣшусь сказать ей, что происходитъ въ моемъ сердцѣ. Я буду любить, мечтать, страдать и молчать; я радъ, что могу ее видѣть.

Съ достопамятной встрѣчи съ пани Лацкой, Петръ избѣгаетъ меня, я долго не могъ его поймать. Были минуты, когда я боялся его—такое у него было грозное и мрачное лицо, какъ у разбойника. Я осмѣлился спросить его о произведенномъ впечатлѣніи, онъ тоже не вспоминалъ о немъ, но на лицѣ замѣтны были страданія. Поговоривъ со мною и не простившись, онъ вдругъ ушелъ въ лѣсъ.

Я поѣхалъ въ Румяную. Здѣсь я терплю пытку, притворяюсь равнодушнымъ; иначе дѣдъ осудитъ меня, скажетъ, что единственная моя забота—жениться на богатой; однако-жъ, я никогда такъ мало не желалъ богатства, какъ теперь. Богатство условная вещь. Для одного богатство заключается въ достаткѣ хлѣба и соли, для другого—въ бричкѣ и лошадяхъ, для иного въ серебряныхъ блюдахъ, подымая выше, въ мраморахъ и картинахъ, во французскихъ поваряхъ и въ стотысячномъ доходѣ и т. д. до безконечности. Кто на одну степень выше насъ, тотъ богатъ. Человѣкъ считается только до тѣхъ поръ богатымъ, пока не явится въ немъ новое желаніе, пока онъ не свыкнется съ новостью. Будь онъ богатъ, какъ Крезъ, но, если освоился съ тѣмъ, что имѣетъ, —начинаетъ чувствовать себя бѣднымъ.

Ирина принимаетъ меня съ вѣжливой холодною; ни слезомъ, ни улыбкой, ни взглядомъ она не обнаруживаетъ того, что происходитъ въ ея сердцѣ. Я хорошо тогда называлъ ее королевой, потому что она и собою отлично владѣетъ. Безумецъ я! А, можетъ быть, ей нечего скрывать? Это вѣрнѣе всего! Хотя я убѣжденъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, въ чемъ и дѣдъ меня увѣряетъ, однако мнѣ пріятно здѣсь

посмотрѣть на нее, поговорить и сказать до свиданія. А завтра? Зачѣмъ думать о завтрашнемъ днѣ: завтра, если мнѣ будетъ слишкомъ тяжело, я изнурю себя трудомъ. Опять со мною дѣлаются чудеса. Къ нимъ я причисляю посѣщеніе моимъ дѣдомъ Западискъ. Онъ съ любопытствомъ разсматривалъ мое хозяйство, спрашивалъ о распредѣленіи моего времени. Обращеніе его со мною было очень ласково. Но моимъ прошедшимъ онъ трясетъ, какъ грязною тряпкой, передъ глазами, только рѣже, деликатнѣе и не съ такою злобою, какъ прежде. Отчего онъ такъ заботится обо мнѣ? Право, не знаю. Недавно я видѣлъ Мальцовскаго, который, подъ предлогомъ охоты, появился въ Западискахъ, взялъ моего Станислава и спрашивалъ обо мнѣ, пробовалъ даже напоить его. Откуда это любопытство? Мальцовскій рекомендовалъ мнѣ какого-то двороваго, котораго я прежде видѣлъ въ Тужей-Горѣ—не молодого человѣка. Я принялъ его, потому только, что дѣдъ прогналъ его за плохой вадзоръ за днчью. Онъ ропщетъ на вспыльчивость конюшаго, но отзывается о немъ съ почтеніемъ. Это старый слуга Суминовъ, немного знаетъ моего отца, пускай имѣетъ у меня кусокъ хлѣба.

Но я слишкомъ подробно исповѣдываюсь тебѣ; если ужъ такъ, то сообщу тебѣ еще о двухъ несчастіяхъ конюшаго. Онъ избранъ въ предводители, — борется съ желаніемъ остаться дома и съ потребностями, вызывающими его на службу. Капитанъ, разумѣется, ѣздилъ поздравлять его и объявилъ, съ искренними объятіями, что онъ тоже не мало способствовалъ къ возвышенію дѣда въ это достоинство.

— Чтобы васъ чортъ взялъ! — вскричалъ мой дѣдъ.

Но капитанъ еще не такую состроилъ съ нимъ штуку: пограничные столбы готовили моему дѣду величайшую бѣду. Представъ себѣ, ихъ вбивали именно въ то время, когда я первый разъ былъ въ Румяной. Капитанъ, пользуясь отсутствіемъ конюшаго, подкупилъ слугъ его, другихъ подпоилъ, прорѣзалъ линіи отъ одной къ другой, и теперь правъ, потому что понятые конюшаго присутствовали при межеваніи. Вслѣдствіе новаго раздѣла, онъ занялъ его любимыя тенета, которыя онъ берегъ, какъ зѣнцу ока, Заямье, гдѣ единственные козы во всей окрестности Тужей-Горы. Трудно описать отчаяніе, гнѣвъ,

бѣшенство и горе конюшаго, когда онъ узналъ объ этомъ; онъ мигомъ поскакалъ къ капитану. Капитанъ притворился невиннымъ агнцемъ, точно онъ ничего не знаетъ.

— Да это, панъ добродзей, ваши собственные слуги прорѣзали эти линіи и повбивали столбы—есть свидѣтели.

— Мои люди?! Сто тысячъ батальоновъ чертей! Развѣ они потеряли головы! Съ ума сошли! Отрѣзали мое Заямье!

— Но вѣдь, по всей справедливости тенета мнѣ принадлежать.

— Клянусь жизнью, они не принадлежали вамъ, не принадлежать и не будутъ принадлежать.

— Но вѣдь линія доказываетъ...

— Что вы, капитанъ, суетесь съ этою линіей! Линія, линія, я знать ея не хочу! *Terminus a quo* я соглашаюсь, *ad quem* противъ этого ни слова, но *per quem* вы пропустили и прорѣзали свою линію черезъ мой боръ. О, этого не будетъ!

— Напротивъ, панъ добродзей, будетъ: что взято, то свято.

— Отрѣзано.

— Да, отрѣзано,—сказалъ капитанъ.—Я не отдамъ. Это также вѣрно, какъ то, что я пана предводителя люблю и уважаю.

— Я васъ прошу не называть меня предводителемъ и лучше не любите меня, но отдайте мои тенета. Развѣ вамъ самимъ не будетъ стыдно? Вы сами знаете?...

— Я знаю только то, гдѣ линія начинается и гдѣ кончается, но, что Богу угодно назначить мнѣ за ея предѣлами, въ этомъ Его святая воля. Я простой человѣкъ, панъ предводитель, ничего не знающій, и потому вы столько лѣтъ владѣли этимъ мѣстомъ. Всѣ пользуются моею простотой.

— Такъ вы не хотите отдать мнѣ тенета?

— Могу-ли я, сами разсудите (я не хочу другого судьи), отказаться отъ того, что мнѣ самъ Богъ далъ? Панъ предводитель, не сердитесь! Гнѣвъ ничего не поможетъ. Я васъ, моего благодѣтеля, люблю и уважаю, ножки ваши цѣлую, но этотъ кусокъ хлѣба, въ потѣ лица заработанный мною, это—мой клочокъ земли: могу ли я отдать его?

— Онъ не вашъ!—закричалъ дѣдъ.

— Панъ маршалекъ, извините, теперь онъ мой: столбы стоятъ, которые ваши собственные люди вбивали.

— Съ ума они сошли, бездѣльники, или онъ ихъ подкупилъ!..

— Панъ маршалекъ, въ состояніи-ли я, бѣднякъ, подкупить слугъ такого пана, какъ панъ предводитель? Я бѣдный шляхтичъ, я вашимъ экономамъ издали кланяюсь.

— Послѣднее слово,—сказалъ дѣдъ, подойдя ближе,—отдадите-ли вы мое Займье?

— Я разъ сказалъ, какъ люблю и уважаю пана добродзея,—не отдамъ. Даю слово шляхтича, слѣдовательно, говорить нечего!

Мой дѣдъ, видѣ себя отъ гнѣва, выскочилъ въ сѣни (я былъ свидѣтелемъ этой сцены въ Куриловкѣ), онъ хотѣлъ вспрыгнуть въ бричку, не простившись съ хозяиномъ, но капитанъ задержалъ его на порогѣ:

— Не сердитесь, панъ предводитель, гнѣвъ ничего не можетъ. Что сдѣлано—сдѣлано! Не оставляйте же мою хату съ гнѣвомъ въ сердцѣ.

— Чего вы хотите, сто тысячъ чертей, чтобы я благодарилъ васъ? Отдайте мнѣ мою собственность и убирайтесь къ чорту, а не хотите—такъ тяжба!

— Хотя у меня сердце кровью обольется, прибѣгая къ этому послѣднему средству, но я угнетенъ, обиженъ, что мнѣ остается дѣлать? Любя и уважая васъ, я долженъ, однако, защищаться.

— Итакъ, тяжба?

— Я не виновать!

— Такъ кто-же виновать?

— Судьба, случай, *inexorabile fatum*; но позвольте мнѣ сказать вамъ еще одно слово—вѣдь право долголѣтняго владѣнія считается за мною!

— Во имя Отца и Сына, когда же это вы владѣли Займьемъ?

— Я же охотился тамъ.

— Это такъ.

— И карта за мною!

— Карта моя, на ней ясно стоитъ: тенега—Займье ante Unionem владѣніе деревни Куриловки, lapsu temporis ad Тужа-Гора violenter занята.

— Хорошо, хорошо!—повторилъ мой дѣдъ, дрожа отъ гнѣва.

— А ваши честные и добросовѣстные слуги, которымъ извѣстна мѣстность и право владѣнія, сами вбивали столбы.

— Хорошо, хорошо! Увидимъ!

— Только не сердитесь,—прибавилъ капитанъ,—какъ васъ люблю...

— А, люби себѣ, кого хочешь, но оставь меня въ покоѣ съ твоею любовью!..

Говоря это, старикъ сѣлъ въ бричку и уѣхалъ.

На другой день началось дѣло. Капитанъ третью руку, кланяется такъ, что позвоночный столбъ трещитъ, улыбается и торжествуетъ.

Мнѣ жаль бѣднаго старика; сколько непріятностей его постигло вдругъ: онъ исхудалъ, сгорбился, перемѣнился въ лицѣ, даже охота его не занимаетъ болѣе. Не знаю, будетъ-ли онъ хорошимъ предводителемъ? Панъ Граба, по обязанности, какъ онъ говорить, сидитъ у него, чтобы учить его, какъ онъ долженъ предводительствовать. Съ горестью конюшій приѣзжаетъ въ Румяную и здѣсь, вдобавокъ всего зла, застаётъ онъ меня, человѣка, который его безпокоитъ, котораго онъ не любитъ. Я знаю, что каждое посѣщеніе мое сильно его тревожитъ. Кромѣ того, я замѣчаю, что ему кажется, будто я сердитъ на него. Напротивъ, я уважаю его и любилъ бы даже, если бы онъ позволилъ любить себя. При всей оригинальности его характера, странной живости, несвойственной его лѣтамъ, грубой простотѣ, онъ добрый, честный человѣкъ и очень чувствителенъ. Ирина ласкаетъ старика, какъ только можетъ, но это только одна капля въ морѣ: столько у него горя!

Пани Лацкая опять появляется въ залѣ и узнать нельзя, что она была больна, такая теперь, какъ и прежде: холодная, саркастическая, равнодушная ко всему. Я полагалъ, что она будетъ разспрашивать меня, но стыдится ли она, или думаетъ, что никто не видѣлъ того, что происходило съ нею,—молчитъ и не заикнется. Я рассказывалъ подробно Иринѣ исторію ея компаньонки съ Петромъ и теперешнюю жизнь его. Это чрезвычайно заинтересовало ее: всякое необыкновенное явленіе производитъ на нее сильное впечатлѣніе; она захопала въ ладоши и сказала мнѣ:

— Ахъ! Я непременно хочу видѣть это подземелье, — музей этого человѣка.

— Трудно, — отвѣтилъ я, — онъ дикъ, неприступенъ, въ особенности для женщинъ.

— Какое мнѣ дѣло, — сказала она, — Вы должны все это устроить; дѣлайте какъ хотите, но я должна быть въ городищѣ и видѣть пана Петра.

— Это довольно трудная задача, въ особенности уговорить пана Петра, чтобы позволилъ посмотрѣть на себя; потомъ, какъ-же вы поѣдете? Одной невозможно, а пани Лацкая не захочетъ сопутствовать вамъ? — спросилъ я смѣло.

Ирина задумалась.

— Пани Лацкая? — сказала она, — Попробуемъ, а можетъ быть... — И грустная улыбка проскользнула на ея устахъ. — Приготовьте только пана Петра къ нашему визиту, — прибавила она, — а обо мнѣ не заботьтесь.

Что мнѣ дѣлать? Попробую, авось удастся мнѣ удовлетворить ея желаніе: о, какъ я былъ бы счастливъ!

Прощай! Я отправлюсь искать пана Дольскаго.

Твой Юрій.

XVIII.

Ирина къ миссъ Ф. Вильби.

5 июня 18.. Румяная.

Милая Фанни, въ этомъ письмѣ ты мало услышишь обо мнѣ. Я не могу ничего новаго сообщить тебѣ, къ несчастію, все идетъ по старому. Я люблю его еще болѣе (невозможно!), потому что чаще вижу его. Этотъ человѣкъ обворожилъ меня: если-бы я не любила его, сколько недостатковъ, сколько слабостей я насчитала бы въ немъ безъ всякаго труда.

Конюшій, какъ стоглазый Аргусъ, смотритъ за нами, но все еще уговариваетъ ѣхать за границу. Юрій тотъ-же: въ первомъ письмѣ я представила его смѣлымъ и остроумнымъ молодымъ человѣкомъ; теперь онъ очень перемѣнился, и перемѣна эта, кажется, прочна, потому что происходитъ отъ разум-

наго рѣшенія. Я нахожу, что онъ слишкомъ холоденъ, равнодушенъ, слишкомъ серьезенъ и никогда не обнаружитъ словомъ того, что происходитъ въ его сердцѣ, хотя я увѣрена, что онъ любитъ меня. Правда, что его положеніе запрещаетъ ему обличить свое чувство словомъ, движеніемъ или малѣйшимъ признакомъ; но зачѣмъ-же такъ владѣть собою? Я скорѣе прощу ему смѣлость, даже дерзость, но покорность его передъ судьбой выводитъ меня изъ терпѣнія. Приходится мнѣ первой сдѣлать шагъ, чтобы вывести его изъ этого оцѣпенѣнія. Выслушай меня и разсуди. Съ нѣкотораго времени у меня гоститъ бѣдная женщина, пани Лацкая: женщинѣ этой, какъ говорятъ, судьба была мачихой (обыкновенно на судьбу сваливаютъ вину съ собственныхъ плечъ). Въ молодости ее страстно полюбилъ человекъ съ сильнымъ характеромъ; она оттолкнула его, потому что онъ былъ бѣденъ. Она не могла перенести даже мысли о будущемъ, состоящемъ изъ лишеній, жертвъ и тихаго счастья! Богъ наказалъ ее за это: тотъ, за кого она вышла ради богатства, прокутилъ все, бросилъ ее, а что всего хуже или лучше (какъ ты разсудишь?), первая любовь къ человеку, котораго она оттолкнула, не потухла въ ней до настоящаго времени.

Теперь она свободна, но отравленная жизнь ея тянется какъ длинный, знойный день, томительному жару котораго нѣтъ конца: ничто ея не занимаетъ, ничѣмъ она не интересуется, ничего не ожидаетъ. Нужно же случиться, чтобы первый ея обожатель жилъ около насъ по сосѣдству съ Румяной. Онъ сдѣлался отъ отчаянія чудакомъ, живетъ въ совершенной независимости; занятія его: охота, странствованіе по могиламъ старыхъ полей сраженій, по развалинамъ замковъ и кладбищъ; онъ собираетъ древніе обломки, смѣется надъ людьми и ворчить...

Я захотѣла видѣть его непременно; Юрій, рассказывая мнѣ о немъ, расшевелилъ женское любопытство. Я не стыжусь общей нашей слабости; я поручила Юрію устроить это знакомство и выпросить позволеніе видѣть какія-то подземелья, которыя этотъ чудакъ избралъ себѣ жилищемъ. Юрій, видно, не мало трудился, чтобы удовлетворить мое желаніе. Однажды, въ условное время, я ѣхала на пасѣку, съ моей маленькой воспитанницей

Юзей, безъ пани Лацкой, и остановилась возлѣ шалаша, чтобы отдохнуть. Панъ Петръ Дольскій (это фамилія чудака) хотѣлъ сначала убѣждать, но я остановила его нѣсколькими словами: онъ посмотрѣлъ на меня, потомъ остался. Въ нѣсколько секундъ я успѣла завести съ нимъ оживленный разговоръ, ободрить и выпросить обѣщаніе принять меня въ городищѣ, которое служить ему жилищемъ. Сверхъ ожиданія мнѣ удалось.

— Но вы будете однѣ, съ этимъ ребенкомъ?—спросилъ онъ.

— А если я буду не одна и не съ этой маленькой?—возразила я, думая о пани Лацкой, которую я хочу сблизить съ нимъ.

— Тогда я васъ не приму,—сказалъ онъ спокойно.

— Неужели вы до такой степени будете невѣжливы съ дамами?—спросила я.

— Зачѣмъ-же мнѣ быть вѣжливымъ съ дамами, если я ихъ не люблю? Это будетъ ложь.

— Отъ имени женщинъ, я благодарю васъ.

— Есть исключенія,—сказалъ онъ, улыбаясь.

— Къ исключеніямъ принадлежать всегда присутствующія лица. Я не хочу быть такимъ исключеніемъ.

Ему стало досадно.

— Отчего-же? Я говорю искренно.

— Я не считаю себя ни лучше, ни хуже другихъ,—отвѣтила я.—Если вы меня принимаете, отчего-же не хотите принять другой, которая пріѣдетъ со мною, и даже знакома съ вами?

— Тѣмъ хуже, что знакома!—прибавилъ онъ живо и посмотрѣлъ на Юрія, пожимая плечами.—Болтливъ, какъ старая баба! Вы, вѣроятно, знаете мою исторію, слѣдовательно нечего лгать передъ вами. Вы хотите сблизить насъ! Къ чему, зачѣмъ? Чтобы отвять даже воспоминаніе?

— Итъ, чтобы воскресить его.

— Это невозможно: теперь она не та.

— А потому вы къ ней равнодушны?—спросила я.

— Она другая, похожая на преглвюю, но переимѣнившаяся!

— Потому что несчастна,—сказала я тихо.

— Потому что виновата. Развѣ я счастливъ? Увидѣвши ее, что я выиграю?

— Кто знаетъ: можетъ быть, счастье, покой?

— Спокойствіе, молодое счастье на старые годы! Кромѣ того, этотъ бородатый бродяга, котораго вы видите передъ собою, даже во имя того, чѣмъ былъ прежде, не въ состояніи возбудить никакого участія.

— Кто знаетъ?

— Зачѣмъ пробовать? Зачѣмъ вторично страдать? Я не хочу! Приѣзжайте одна съ этой малюткой; я приму васъ и это не потому, чтобы я плѣнился вашей красотой, умомъ, находчивостью, но меня просилъ объ этомъ Юрій; а я его, хотя онъ болтунъ, очень люблю, почти наравнѣ съ Касторомъ, моей лягавой собакой, а это очень много!

Юрій улыбнулся и поклонился, а я приняла выстрѣленную *à bout portant* невѣжливость безъ малѣйшаго удивленія и оскорбленія.

Я всетаки настаивала, чтобы онъ принялъ меня съ пани Лацкой, но Петръ ушелъ въ лѣсъ, не отвѣтивъ ничего. Разсчитывая на обстоятельства, я рѣшила завтра приѣхать на развалины замка съ моей компаньонкой, не говоря ей ни слова, куда и къ кому я везу ее. Юрій приѣхалъ за нами верхомъ, мы потянулись за нимъ въ лѣсъ въ кабріолетѣ, а тамъ пѣшкомъ.

Дольскій сидѣлъ на своихъ валахъ и задумался; когда увидѣлъ насъ и узналъ, то сначала точно одеревенѣлъ, не трогался съ мѣста, впился только глазами въ пани Лацкую, которая поблѣднѣла, какъ стѣна, и что-то бормотала, облокотясь на меня: «Что это значитъ? Гдѣ мы? Кто это? Вернемся!» Я не сводила глазъ съ пана Петра, который, казалось, боролся съ самимъ собою; наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ горько улыбнулся, сошелъ съ своей зеленой скамьи и молча поклонился намъ.

Лацкая дрожала, какъ осиновый листъ, въ глазахъ ея выражался неописанный испугъ; первый разъ я видѣла ее въ такомъ состояніи. Дольскій, какъ-будто не зная ея, не говоря и не смотря на нее, медленно повелъ насъ въ свое подземелье. Вообрази себѣ нещеру стараго замка, какихъ много въ вашей древней Англіи, убѣжище пустынноика и археолога, украшенное со вкусомъ памятниками древности; кровать изъ сухихъ листьевъ, а надъ вею (отгадай, пожалуйста?) жецкая перчатка.

Петръ шелъ впереди и, остановившись посреди комнаты, въ которой жилъ, сказалъ съ пропею:

— Неправда-ли, прекрасныя дамы, какъ все это любопытно, какъ странно? Это гробъ живого человѣка, что-то въ родѣ сказокъ старой няни. Предъ вами человѣкъ, который живетъ съ мертвецами, потому что живые опротивѣли ему, человѣкъ, который отказался отъ свѣта и живымъ зарылся въ землю, и все это потому, что одна женщина сказала ему: «Не хочу тебя—ты бѣдѣя!» Право, это очень любопытно! Такую жизнь я веду болѣе десятка лѣтъ: какъ двѣ капли воды, одинъ день похожъ на другой, и часть—на часть. Я могу ручаться, что самое лучшее средство унять страданіе, это испить чашу горя до самаго дна, оставаясь глазъ на глазъ со своимъ страданіемъ. А такъ какъ отъ колыбели до могилы человѣку нужны игрушки и куклы, то и у меня есть своя игрушка—смерть. Все, что, какъ я, сгнило, умерло и разсыпалось въ прахъ, я собираю и кладу возлѣ себя. Я тоже мертвецъ, какъ все меня окружающее: мы постепенно добираемся до конца.

— Не правда-ли, какъ это любопытно?—спросилъ онъ съ горькой усмѣшкой. М-ме Лацкая опиралась на мою руку, но не вырывалась болѣе: ее притягивало какое-то жадное любопытство.

— Все это,—продолжалъ Петръ съ возрастающимъ жаромъ,—очень странно, а всякая странность чѣмъ-нибудь да объясняется: или сумасшествіемъ, или страданіемъ, или глупостью. Знаете-ли, что меня загнало сюда? Вы любопытны: извольте я вамъ скажу. Много лѣтъ тому назадъ, въ сосновой и березовой рощѣ стоялъ небольшой шляхетскій домъ; въ немъ жила прекрасная, молодая дѣвушка, а вблизи жилъ юноша, который любилъ ее и думалъ, безумецъ, что достаточно одной сильной любви, чтобы быть счастливымъ. Она немного любила его, какъ любить обыкновенно то, къ чему не привыкли; но когда ему пришлось отказаться отъ надежды, она сказала ему: «Ты бѣдѣя, я не могу быть твоей!» Вѣдь правда?—спросилъ онъ компаньонку.

Пани Лацкая упала въ обморокъ. Петръ бросился къ ней; мы вынесли ее на свѣжій воздухъ, брызнули на нее водой, и когда она пришла въ себя, бѣдный скиталецъ стоялъ передъ нею на коленяхъ, цѣловалъ ея руки, называя ласковыми име-

нами. Но это продолжалось не долго: послѣ первыхъ словъ, пани Лацкой опять овладѣлъ страхъ, а паномъ Петромъ—отчаяніе.

— Ради нарядовъ,—вскричалъ онъ,—ради мишурнаго убора убить счастье, которое не возвращается, потерять молодость, пожертвовать сердцемъ, погубить человѣка! Ахъ! У тебя никогда не было сердца въ груди,—сказалъ онъ живо,—и если теперь страдаешь, ты заслужила это!—Сказавъ это, онъ, по своему обыкновенію, ушелъ въ лѣсъ.

Мы съ Юріемъ привезли блѣдную и растроганную женщину въ Румяную. Я очень жалѣла, что причинила ей столько страданій, но могла-ли я ожидать такой развязки? Юрій говорилъ мнѣ, что Петръ, встрѣтившись съ нимъ на другой день, ужасно бранилъ его, какъ бѣшеный бросился къ нему и не хотѣлъ признаться, что видѣлъ ее.

— Я былъ прежде счастливъ,—кричалъ онъ,—теперь я долженъ уйти отсюда. Я долженъ въ другомъ мѣстѣ искать забвенія, спокойствія и, Богъ знаетъ, сышу-ли я его?

Съ тѣхъ поръ мы не видѣли его; Юрій говоритъ, что онъ отправился далеко странствовать. М-те Лацкая, сверхъ ожиданія, на другой день была совершенно спокойна.

Въ началѣ этого письма я говорила тебѣ, милая Фанни, что Юрій холоденъ и молчаливъ. Я опасаюсь, судя по умѣнію его владѣть собою, есть-ли у него сердце, не былъ-ли онъ слишкомъ расточителенъ въ своихъ чувствахъ? Но, съ другой стороны, опасаясь подозрѣній, можетъ-ли онъ обнаруживать свои чувства? Я осуждаю его и въ то-же время—извиняю; я сама не знаю, чего хочу. Мой опекунъ уѣхалъ на нѣкоторое время, чтобы отказаться отъ возложенной на него службы и отъ тягбы съ моимъ родственникомъ капитаномъ. Бѣдный человѣкъ! Вдобавокъ ко всемъ несчастіямъ я и Юрій беспокоимъ его.

Пиши ко мнѣ и вѣрь, что я всегда та-же. *Ирина.*

XIX.

Юрій къ Эдмунду.

за Вотъ почти годъ, какъ я въ этой сторонѣ. Годъ тому надъ, могъ-ли я предугадать, что будетъ со мною? Ты, вѣрно,

удивляешься, что я послѣ длинныхъ и частыхъ писемъ пишу теперь рѣдко и мало: вѣрь мнѣ, я въ этомъ не виноватъ. Чѣмъ больше контраста въ нашемъ образѣ жизни, тѣмъ чаще я думаю о тебѣ, любезный Эдмундъ. Но писать? О чемъ-же мнѣ писать? Объ однообразной жизни моей? Весна прошла, лѣто прошло, и золотистая осень настала, а ревнивая земля велитъ глядѣть на себя и ухаживать за собою. Хозяйство — тяжелая вещь! У насъ оно еще тяжелѣе, потому что должны отдать отчетъ передъ совѣстью и закономъ за крестьянъ, которые намъ однимъ принадлежать, и мы должны быть для нихъ отцами. Посредники между нами и крестьянами — по большей части люди не имѣющіе совѣсти и образованія, они исполнители нашей воли, изъ усердія они часто преступаютъ ее, не повинуются ей, или же портятъ крестьянъ ради своихъ выгодъ. Нельзя глазъ отвести отъ нихъ. Въ теченіе этого года я могу сказать, что въ первый разъ встрѣтился глазъ на глазъ съ природой: я видѣлъ весну и лѣто, которыя прежде зналъ только по имени. Живя въ сосѣдствѣ съ безцѣннѣйшимъ чудакomъ паномъ Грабой, я постоянно прибѣгаю къ нему за совѣтами, пользуюсь его обществомъ и вліяніемъ, которое сильно дѣйствуетъ на всѣхъ. Онъ усердно заботится обо мнѣ, помогаетъ съ самоотверженіемъ, на которое способно его доброе сердце. Дѣйствительно, онъ рѣдкій человѣкъ, общество наше не пошло его, а потому судить о немъ строго и несправедливо. Онъ мужественно переноситъ свои страданія, не падаетъ духомъ и не волнуется своей кровью. Горько, что съ такими качествами онъ не имѣетъ ни одного друга, никого сочувствующаго ему; всѣ перетолковываютъ въ дурную сторону его поступки. Молодежь и старики, мужчины и женщины смѣются надъ нимъ, какъ надъ безумцемъ, какъ надъ дуракомъ, сожалеютъ о немъ, какъ о сумасшедшемъ, и подозреваютъ въ лукавствѣ и лицемеріи.

— Ахъ, панъ Граба! — кричатъ они съ самодовольною улыбкой, — эту чушь сдѣлалъ панъ Граба! Нѣтъ ничего удивительнаго! Il n'en fait jamais d'autres!

Есть такіе, которые пресерьезно увѣряли меня, что у него зайчики въ головѣ и что онъ не въ здоровомъ умѣ.

— Изъ чего вы это заключаете? — спросилъ я.

— Достаточно посмотрѣть, что онъ дѣлаетъ.

— Что-же онъ страннаго дѣлаетъ?—допрашивалъ я.

— Во-первыхъ,—говорилъ мнѣ капитанъ,—онъ не можетъ ужиться съ своею женою—ангеломъ терпѣнія; а этого развѣ мало?

— Знаете вы его жену?

— Вѣдь она первая красавица нашего края, это ангелъ! Но онъ былъ такъ скупъ, и такъ странно съ нею обращался, что она принуждена была его оставить.

— Но не чудила-ли она?

— Довольно посмотреѣть на нее—это просто ангелъ! Какъ она добра, какъ бротка, какъ прекрасна.

— А что еще?—спросилъ я.

— Ну, напримѣръ, какъ онъ обращается съ крестьянами своего имѣнія.

— Развѣ худо?

— Безъ толку. Народъ долженъ знать дисциплину, а онъ распустилъ его до такой степени, что мужикъ не хочетъ снимать шапки.

— О! это ужасно!

— Проѣзжаешь-ли мимо корчмы, они не встанутъ.

— Это поразительно!

— Онъ избалуетъ ихъ. То школу устроилъ, то пріютъ, то то, то се, всѣхъ названій не упомянешь. Онъ ихъ только портить.

— Еще что?—спросилъ я.

— Еще вотъ что,—прибавилъ капитанъ,—хорошо-ли такому миллионеру быть скрягой? У него вы не найдете порядочнаго экипажа, ни ливреи, ни пшара, какъ у другихъ. Пріѣдетъ-ли кто къ нему, подадутъ крупничекъ, столовое вино, жиженское какъ водица, и больше ничего. Но на бездѣлушки не жалѣетъ денегъ и разоряется.

— Какія-же это бездѣлушки?

— А вотъ, напримѣръ, книжонки, картинки, ружья, старый хламъ и т. п. глупости. Повѣрите-ли, я слышалъ отъ до-стовѣрныхъ людей, что за одну, вотъ этакую... картинку онъ заплатилъ пустяки—триста червонцевъ! Мнѣ даже показывали эту штучку: ничего особеннаго, я не далъ бы и трехъ грошей. Онъ ни въ чемъ не имѣетъ здраваго смысла. А скучный, ай,

ай! за тысячу верстъ нужно бѣжать: начнете-ли вы говорить съ нимъ хотя о погодѣ, то изъ нея даже онъ извлекаетъ правоученіе для васъ. Мы всѣ боимся его, какъ огня, и бѣжимъ отъ него, какъ отъ чумы.

Вить каково мнѣніе о человѣкѣ, который только одинъ себя понимаетъ, не прощаетъ себѣ ни одной слабости и не забываетъ никакой обязанности.

На одномъ вечерѣ, когда приглашали меня къ картамъ, и я отказался, говоря, что отрекся отъ нихъ, Самурскій воскликнулъ, смѣясь: «Сейчасъ видно, что вы сосѣдъ пана Грабы: это его уроки!»

— Скажите мнѣ, пожалуйста, какая польза въ игрѣ?

— Развлеченіе, и этого довольно, чтобы убить время.

— Развѣ васъ время въ нашемъ обществѣ до такой степени обременяетъ, что вы хотите, какъ можно скорѣе отъ него избавиться? Кто тяготится жизнью, чтобы убивать ее? Надоѣла ли она вамъ? Несчастны ли вы, хотите избавиться отъ нея хотя картами?

— Я знаю, что вы меня переговорите, но правда останется правдой: вѣдь весь свѣтъ играетъ. Это невинная игра.

Панъ Самурскій не хотѣлъ слушать меня и сѣлъ за свой несчастный преферансъ. Надо мною смѣются теперь, какъ надъ ученикомъ пана Грабы; пускай смѣются. Я ввелъ въ арендованномъ имѣніи всѣ улучшения, которыя позаимствовалъ у Грабы; послѣ недолгаго недовѣрія народъ охотно принялъ ихъ и теперь благодаренъ мнѣ. Большая разница между снисхожденіемъ и справедливостью. Не слѣдуетъ снисходить злу, и я этого не дѣлаю, потому что этимъ я поощрялъ бы его, я спокойно засыпаю, чувствуя, что совесть моя чиста.

Не правда-ли, дорогой Эдмундъ, что этотъ годъ очень переѣвилъ меня: мысли и слова, которыя ты читаешь въ моихъ письмахъ, недавно были мнѣ самому непонятны. Я не понималъ ихъ значенія; жилъ, какъ жилось, употребляя жизнь на развлеченія; теперь я мыслю, тружусь и, страдая, я счастливѣе прежняго.

Ты будешь смѣяться, старый вѣтренникъ: смѣйся; но не сожалѣй обо мнѣ. Вообрази себѣ, что даже *Отисъ*, этотъ образецъ городского слуги, лѣнтяй, картежникъ, и тотъ очень не-

ремѣнился; всѣ его пороки слились въ одну сильную безвредную страсть—охоту. Какъ меня, такъ и его ты не узналъ бы. Онъ носить лисью шубейку, какъ Мальцовскій, козловые сапоги и хотя все еще прямо держится и чисто одѣвается, но лицо его перемѣнилось и приняло болѣе мужественное выраженіе: онъ загорѣлъ, огрубѣлъ, пьетъ водку, ѣстъ колбасу и не скучаетъ по *сасской кемпъ* *). Даже начинаетъ понимать, что лакированные сапоги не необходимы для счастья и что безъ нихъ можно быть честнымъ человѣкомъ.

— Не хочешь-ли возвратиться въ Варшаву?—спросилъ я его.

— Успѣемъ еще, баринъ, теперь мнѣ не къ спѣху: вотъ, какъ-то я освоился съ этой жизнью.

— Помнишь какъ тебѣ было невтерпежъ, какъ ты хотѣлъ бѣжать отсюда?

— Теперь другое дѣло, баринъ, мы на своемъ хозяйствѣ, и охота здѣсь хороша.—Я улыбнулся. Станиславъ уже привыкъ къ землѣ, а еще удивительнѣе, что онъ сталъ серьезнѣе: онъ понемногу подражаетъ мнѣ.

Несмотря на убѣдительныя просьбы конюшаго, Ирина нигде не уѣхала. Лѣто она просидѣла въ деревнѣ и, кажется, осенью и зимой тоже не собирается въ городъ, потому что нисколько о немъ не скучаетъ. Я бываю въ Румяной, мы все еще на одной ступени—хорошіе друзья, и только. О томъ, что въ сердцѣ происходитъ, я не пишу: кто объ этомъ пишетъ? Всякій день, всякій часъ у меня усиливается желаніе быть съ нею; я не знаю, перенесъ ли бы я разлуку? Однако-жъ, несмотря на эти чувства, которыя волнуютъ мою грудь, я не могу ни слова промолвить! Она богата, я бѣденъ! Я буду молчать, пускай только не гонють меня.

Мой дѣдъ сталъ болѣе снисходителенъ ко мнѣ. Странно, какъ этотъ человѣкъ все знаетъ, что у меня дѣлается, точно, невидимкой слѣдомъ ходить за мною. Впрочемъ, мы рѣдко видимся, но по разговорамъ я узнаю, что ему извѣстенъ каждый шагъ мой. Неужели у меня есть домашній шпионъ? Недавно мнѣ пришлось платить часть денегъ за аренду; я еще не распродавъ запасовъ, и признаться, мнѣ трудно было бы распла-

*) Мѣсто гулянья близъ Варшавы.

титься, если-бы я не былъ увѣренъ, что добрыйшій Граба по-
можетъ мнѣ. Когда я собирался къ нему, пріѣхалъ дѣдъ и,
послѣ короткой бесѣды, сказалъ: Я привезъ тебѣ денегъ.

— Денегъ?—спросилъ я.

— Вѣдь тебѣ нужно заплатить за аренду, а я слышалъ,
что ты еще не продалъ продуктовъ.

— Это правда,—отвѣтилъ я,—но я имѣю средство...

— Сдѣлать заемъ! Ну, такъ займи у меня.

— Нѣтъ, дорогой панъ конюшій; я вамъ очень, благода-
ренъ, но...

— Все еще прежнія церемоніи?

— Да иначе нельзя,—возразилъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня и болѣе не настаивалъ.

— У кого-же ты займешь?—спросилъ онъ.

— У пана Грабы.

— Такъ ты предпочитаешь занять у него, нежели у ме-
ня—твоего дѣда?

— Онъ не заподозритъ меня въ выпрашиваніи милостыни.

— Эхъ! Не болтай этихъ глупыхъ отговорокъ. Зачѣмъ
портить кровь старику?

Я замолчалъ; онъ ходилъ по комнатѣ.

— Вѣдь почти годъ, какъ ты съ нами?—спросилъ онъ.

— Да, скоро годъ будетъ,—со вздохомъ отвѣтилъ я.

— Ну, а въ городъ поѣдешь?

— Зачѣмъ? Нѣтъ интереса.

— Да такъ, немного повеселиться?

— Теперь это мнѣ не по вкусу.

— Смотрите, какой философъ!

И онъ все ходилъ и ворчалъ что-то подъ носъ; въ про-
межуткахъ только я слышалъ: «Чортъ его знаетъ, чортъ его
знаетъ!»

Изъ разговора я узналъ отъ конюшаго, что онъ отлично
высчиталъ, сколько разъ я былъ въ Румяной и какъ долго
тамъ сидѣлъ.

— Откуда вы имѣете эти извѣстія?—спросилъ я.

— Откуда? Развѣ сосѣди не знаютъ, кто гдѣ сидитъ?

— Отчего-же я не знаю, что дѣлается въ домѣ пана
конюшаго.

— У тебя другое въ головѣ.

— То-же что и у васъ—хозяйство.

— Эге! Здорово живешь! Зачѣмъ лгать? Старого воробья на мякинѣ не проведешь!

— Въ чемъ-же вы можете меня обвинить? Въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій?

Онъ пожалъ плечами и замолчалъ; потомъ сказалъ, сядя съ:

— Вотъ столько уже времени здѣсь живешь, а съ родными не познакомился.

— Съ какими родными?

— Съ бѣдными Суминами изъ Замалиннаго.

— Да, виновать,—отвѣтилъ я,—но я исправлю ошибку и поѣду къ нимъ.

— Ну, такъ поѣзжай со мною!

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Я скажу тебѣ по секрету, — прибавилъ онъ, моргая глазами и всматриваясь въ меня, какое впечатлѣніе на меня произведутъ его глаза, — они добрые люди, но чрезвычайно бѣдны и столько ихъ, какъ зернышекъ въ маковицѣ. Люди меня осуждаютъ за то, что я хочу записать свое имѣніе или моею воспитанницѣ, или тебѣ.

— Я никакой записи не приму,—отвѣтилъ я.

— Ну, я это знаю,—говорилъ онъ, — ты не примешь, а паннѣ Иринѣ нечего подбавлять, у нея своего достаточно!

— Разумѣется,—отвѣтилъ я, — бѣднымъ оно нужнѣе, чѣмъ ей.

— И ты съ нимъ согласенъ?—спросилъ онъ.

— О! Я вполне одобряю мысль пана конюшаго.

— Тебѣ кажется, что дѣдъ банкротъ, потому что въ истертомъ сюртукѣ ходитъ. Ну; а Тужегорщина? Пускай говорятъ, что хотятъ! Это золотое дно, любезнѣйшій, въ особенности для хорошаго хозяина; да, повытрясни карманы, и капиталышки найдутся, на двухъ великопольскихъ имѣніяхъ я имѣю кое-что, да и наличными найдется, а скирды и хлѣбные магазины стоятъ тоже не малый грошъ.

Равнодушно я слушалъ эти вычисленія и перебилъ старика словами:

— Вѣрю, вѣрю! Зачѣмъ считать? Много-ли, мало-ли. —
Лучше отдать бѣднѣйшимъ и болѣе нуждающимся.

— Такъ ты поѣдешь къ нимъ?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

На другой день, вмѣстѣ съ паномъ конюшимъ, мы собрались за нѣсколько миль отъ Тужей-Горы въ Замалинное. По дорогѣ, какъ догадываешься, мы охотились, потому что старикъ безъ ружья и собаки ни шагу не сдѣлаетъ. Замалинное, это небольшая деревушка ближе къ Волини; съ одной стороны она примыкаетъ къ подлѣсскимъ лѣсамъ, съ другой къ украинскимъ степямъ.

Говоря объ имѣніяхъ, помѣщики обыкновенно выражаются: „это золотое дно“; здѣсь всякое имѣніе, сколько-нибудь хорошее, должно непременно такъ называться; но деревню, въ которой три владѣльца, называютъ „мелочью“. У бѣдныхъ-же Суминовъ было всего только три или четыре хаты. Старый ихъ домъ стоитъ среди деревни, окруженный высокимъ заборомъ,—какъ въ тѣ времена, когда изъ-за ограды стрѣляли въ татаръ—съ огромными воротами, крытыми соломой. Передъ нимъ небольшой дворъ, усаженный сиренью, далѣе фруктовый садъ, въ которомъ широко разрослись яблони и старыя грушевыя деревья. Около конюшни колодезь, и тутъ-же, на глазахъ, все хозяйство.

По старопольскому и старосвѣтскому обычаю, хотя и не по модѣ, здѣсь висятъ на кольяхъ забора лоханки, маслобойки, у порога лежатъ дойники, и т. д.; холстъ растянута на узкой косѣ луга, а гуси съ гусенятами, индюшки, куры и утки смѣло ходятъ между крыльцомъ, конюшней и флигелемъ, имѣющимъ видъ мужичьей избы. Вездѣ видна трудолюбивая бѣдность.

Едва насъ замѣтили въ воротахъ, какъ бѣлыя фигурки съ крыльца вскочили въ домъ, а изъ дому еще въ большемъ количествѣ опять на крыльцо. Въ дверяхъ раздался крикъ: „Панъ конюшій, панъ конюшій!“ и люди изъ пекарни, изъ конюшни высунули головы, чтобы увидѣть рѣдкаго и дорогого гостя.

Мы остановились у крыльца, гдѣ уже успѣла собраться вся семья, кромѣ тѣхъ, которые были въ полѣ заняты рабо-

тами, или надзоромъ за работой. Бѣдная семья всегда многочисленна: Богъ посылаетъ ей то богатство, которому часто завидуютъ люди, живущіе подъ золоченными крышами.

Впереди стояла толстая старушка, мать пана Сумина, рожденная Завиская, по имени Тереза. На ней былъ ситцевый капоть и бѣлый каленкоровый чепчикъ съ широкими желтыми лентами. Ея доброе и веселое лицо обличало наклонность къ болтливости. За ней невѣстка, женщина среднихъ лѣтъ, недурна собою, но немного блѣдна и худощава, тоже въ капоть, но безъ чепчика, и съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ; Двое ребятишекъ немного постарше, держались за ея платье. двѣ молодыхъ дѣвушки выглядывали черезъ двери, а два мальчика въ школьныхъ мундирчикахъ ожидали у столба, краснѣя, какъ яблоки, въ ожиданіи цѣлованія руки пана конюшаго. Всѣхъ я насчиталъ семеро; но старшія дѣвочки, да еще одна, которой я прежде не видалъ, были сестры пана Яна Сумина и дочери старой пани Терезы. Всѣ съ крикомъ бросились къ намъ, но немного сконфузились, замѣтивъ незнакомаго. Наконецъ, когда они узнали, что я тоже Суминъ, ихъ родственникъ, пріѣхавшій нарочно познакомиться съ ними, то сейчасъ бросились цѣловать меня—меньшіе въ руки, а старшіе въ лицо. Старушка, не зная какими словами привѣтствовать меня, съ улыбкой только кланялась, никакъ не предполагая, что я поцѣлую ей руку; но, когда я это сдѣлалъ, она обняла меня, какъ сына! О, какъ пріятенъ материнскій поцѣлуй!

Самого хозяина и главы семейства не было дома; онъ пошелъ въ поле къ сѣятелямъ. За нимъ послали дѣвочку, пасущую гусей, воспользовавшись тѣмъ, цѣлое стадо вошло въ сѣни и гоготало; одинъ гусь, смѣлѣе другихъ, заглядывалъ даже въ комнату.

Насъ усадили на самомъ удобномъ и почетномъ мѣстѣ. Весь домъ зашевелился. Ты не имѣешь понятія о внутреннемъ устройствѣ шляхетскаго дома, и потому я тебѣ опишу его, тѣмъ болѣе, что теперь идетъ дождь—нѣтъ нужды ѣхать въ поле. Первая тѣсная комната называется гостиной (но она замѣняетъ собою и другія). Ты не найдешь здѣсь мягкой мебели, развѣшенныхъ занавѣсей и паркета. Здѣсь жизнь кипитъ; тамъ брошена работа, далѣе платочекъ на диванѣ и

выдвинуть ящикъ въ столъ; веретено старушки передъ кресломъ, обложеннымъ подушками, дѣтская люлька, которую старшія дѣти сейчасъ-же вынесли, занимала тоже уютный уголокъ; и работы дѣвушекъ были спрятаны при насъ. Бѣдная и старая мебель — памятникъ древности, съ которою связаны воспоминанія, — мы привыкли къ ней, живя среди этой пѣмой свидѣтельницы нашихъ слезъ. На каминѣ часы, по стѣнамъ портреты матронъ съ книжками и четками въ рукахъ; подбритыя чуприны стариковъ и генеалогическое дерево, вырастающее изъ утробы рыцаря. Старушка сейчасъ указала мнѣ на немъ вѣточки и листикъ съ именемъ моего дѣда. Рядомъ съ гостинной комната, въ которой бабушка съ внучками, а далѣе комната самихъ хозяевъ, съ ними маленькія дѣти; напротивъ — горница для мальчиковъ: вотъ весь домъ. Изъ комнаты хозяевъ идетъ стеклянный входъ въ садъ. При этой бѣдности свободно и весело, и видно, что хотя Богъ не сыплетъ золотомъ, но Его святое благословеніе почилло надъ бѣднымъ домомъ. Мнѣ все здѣсь понравилось: и веселая, болтливая бабушка, и сама хозяйка немного грустная, болѣзненная, но чрезвычайно гостепріимная, радушная ко всѣмъ, и дѣвочки, поминутно краснѣющія, какъ свѣжія яблочки, смѣлыя и наивныя, и гимназисты, бойко смотрящіе въ глаза, проворные, игривые. Сначала насъ называли не иначе какъ панамъ, но конюшій и я протестовали противъ этого, и просіяла радость, когда „дѣдушка и братецъ“ послышались въ семьѣ.

Наконецъ, въ комнату вошелъ панъ Суминъ, загорѣвшій, усталый, весь въ поту; почти въ ноги поклонился дѣду, сзывалъ людей, просилъ жену и мать хорошо принимать дорогихъ гостей. Онъ былъ среднихъ лѣтъ мужчина, видно, что не лѣнивъ, съ открытымъ лицомъ, съ голубыми глазами и свѣтлорусыми усами, которые при загорѣвшихъ щекахъ казались бѣлыми, какъ ленъ. Мы поцѣловались, какъ братья. Сейчасъ завязался разговоръ, но о чемъ? Объ ихъ хозяйствѣ и объ ихъ жизни: о чемъ-же другомъ говорить имъ? Бабушка хвастала своими внучками и дочерьми; отецъ велѣлъ декламировать стихи, намъ были показаны вышиванья дѣвушекъ по канвѣ и зубы самого младшаго ребенка. Володя настаи-

валъ, чтобы непременно съ нимъ пойти въ садъ, посмотреть груши и качели. За нами цѣлой вереницей потянулись и прочія дѣти. Ихъ беззаботная веселость разсѣяла мою грусть — я рѣзвился съ ними, какъ мальчикъ. Мы кругомъ обѣгали садикъ; мнѣ показали березу Іоанны, грушу Володи, вишню Юзи, цвѣты Юліи и Елены и самодѣльные игрушки мальчиковъ. Разсмотрѣвъ все это, мы вернулись въ комнаты, гдѣ уже накрывали столы, отворяли комоды, стирали пыль съ парадныхъ чашекъ; блестящій самоваръ кипѣлъ, и кофе варилось на каминѣ для пана конюшаго. Бабушка, въ веселомъ расположеніи духа, смѣялась безъ умолку, рассказывая что-то пану конюшему. Панъ Суминъ перебивалъ ее, рассказывая о своихъ хлопотахъ по хозяйству. Я пришелъ въ то время, какъ онъ рассказывалъ, что выдавалъ по двѣ мѣрки ячменя, а пани Тереза припоминала конюшему, что она старше его пятью годами.

Не нужно было слугъ, чтобы подавать разные разности — дѣти сами суетились, били, проливали второпяхъ, но нельзя было лишить ихъ удовольствія прислуживать гостямъ.

Я представляю маленькій образчикъ разговора.

— Кажется вы, братъ, взяли въ аренду Западлиски?

— Да, скоро годъ будетъ.

Пани Тереза. — Западлиски! Подождите, они теперь принадлежатъ Дольскимъ. Я знаю, ихъ два брата; прежде они были бѣдны: младшій гдѣ-то пропалъ въ полку, а старшій женился на Бадыльской, кажется, изъ графскаго рода. Взялъ за женою имѣніе, потому что она была единственная дочь, въ родствѣ съ Пжіемскими; это былъ прекрасный древній родъ, но сошелъ на женскую линію. Я даже помню...

Панъ Суминъ. — Какъ идетъ ваше хозяйство?

Я. — Обыкновенно, какъ у новаго хозяина: пріѣзжайте, братъ, сами увидите и посоветуете мнѣ въ чемъ-нибудь.

Панъ Суминъ. — Съ большимъ удовольствіемъ могу служить брату.

Конюшій. — Къ нему стоитъ на охоту ѣхать: дѣсь просто диво.

Панъ Суминъ. — Братъ охотникъ?

Я. — Если-бы было время, но хозяйство...

Панъ Суминъ.—О! И я тоже и еще вдобавокъ дѣти, рѣдко соберешься на охоту; впрочемъ, не безъ этого, чтобы не поѣхать.

Пани Сумина.—Не жалуйся, любезный, ты охотишься довольно часто.

Конюшій.—Развѣ это много, нѣсколько часовъ въ недѣлю, и то урывками?

Пани Сумина.—Панъ конюшій, слышно, каждый день охотится?

Конюшій.—Что прикажете дѣлать старому лѣнтю? Вотъ шатаюсь по лѣсамъ да гоняюсь за дичью. Ну, и ко мнѣ пріѣзжайте, панъ Янъ.

Панъ Янъ.—Когда бы мнѣ кончить посѣвы, да хлопцевъ отвезти въ школу.

Конюшій.—Э! ба! Да это не скоро будетъ! Какъ-же ваши хлопцы учатся въ школѣ?

Панъ Янъ.—Старшій перешелъ съ похвальнымъ листомъ, благодаря Бога, а младшій если-бы не болѣлъ, то получилъ бы такую-же награду, не правда-ли?—Мальчикъ покраснѣлъ, спрятался въ уголокъ и съ улыбкой смотрѣлъ на мать.

Пани Сумина.—Богъ не далъ здоровья ни мнѣ, ни дѣтямъ моимъ; несмотря, что они румяны, однако нѣжны, какъ барскія дѣти. Мой Володя немного здоровѣе, но я еще болѣе боюсь за него, потому что такимъ точно былъ и другой, пока не получилъ лихорадки, которая изнурила его такъ, что онъ до сихъ поръ не можетъ поправиться.

— Охъ, не жалуйтесь, пани Янова,—перебила ее старушка, которой надѣло молчать.—Когда выростутъ, соберутся съ силами. Помните-ли, панъ конюшій, мою молодость? Ужъ не мало лѣтъ прошло, это было еще до Понятовскаго. Благодаря Бога, я теперь довольно полна, а, бывало, покойница моя мать, Кунигунда изъ Драбскихъ, всегда полагала, что я не вырасту, до такой степени я была худая. Однажды самъ князь Салѣга, будучи въ домѣ моихъ родителей...

Подали кофе; одинъ бросился разливать, подавать, кормить, другой сахару добавлялъ, сухарики. Дѣти положили на столъ ручки, оперлись подбородками о его края и съ дѣтскимъ

любопытствомъ смотрѣли на разныя лакомства, но не скучали, хотя сухарики имъ не давали покоя.

Чѣмъ только насъ ни угощали: и грушами, и яблоками, кофе, чаемъ, медомъ, орѣхами, булочками, сухариками, крендельками и разнымъ пирожнымъ,—словомъ, все, что только было въ домѣ, выложили на столъ, и всего нужно было попробовать. Мы ѣли съ аппетитомъ, чему хозяева были очень рады. Среди веселой бесѣды незамѣтно было, какъ время прошло. Настали сумерки, всѣ наперерывъ просили насъ остаться ночевать, но конюшій, сказавъ каждому пріятное слово, раздавъ дѣтямъ гостинцы и пану Яну тоже что-то сунувъ въ руку, собрался ѣхать домой. Всѣ провели насъ на крыльцо, усадили въ экипажъ и стояли, пока мы не исчезли изъ глазъ. Я съ искреннимъ чувствомъ простился съ этой доброй семьей. Другой замѣтилъ бы здѣсь много смѣшного; но не смѣшны ли мы тоже въ своемъ родѣ? Въ наше время честные, откровенные и гостепріимные люди—рѣдкость. Я восхищался привязанностью матери, трудолюбіемъ отца, которымъ онъ содержитъ всю семью; въ бабушкѣ я уважалъ христіанскую беззаботность и спокойствіе духа среди бѣдности. Даже дѣти увлекали меня своей наивностью и простотой.

Мы уже были за воротами, когда къ нимъ подъѣхалъ какой-то всадникъ; я не могъ его узнать, мнѣ показалось, будто это былъ Янъ Граба. Но что ему здѣсь дѣлать? Конюшій говорилъ, что онъ его хорошо замѣтилъ и что онъ ему поклонился.

Будетъ съ тебя на сегодняшний день. Прощай,

твой Юрій.

XX.

Эдмундъ къ Юрію.

Вчера мы были у Магу на большомъ званномъ обѣдѣ, который давалъ Станиславъ Н. Былъ разговоръ о тебѣ; мы пили за твое здоровье. Воспоминаніе о тебѣ и послѣднее письмо преодолѣли мою лѣнь, я сѣлъ писать. Бѣдный мой поселянинъ, несчастный Цинцинатъ. Вскорѣ мы будемъ воспѣвать

тебя въ акаѳистахъ: «Преподобный Суминъ, моли Бога о насъ!» Что съ тобой сдѣлалось! Я со страхомъ смотрю на тебя съ тѣхъ поръ, какъ ты облекся въ мантию философа-хозяина и превратился въ добродѣтельнаго человѣка. Боюсь за себя, чтобы и со мной не случилось такой бѣды. Боже, и я скучальбы, какъ ты! Ну, признайся наконецъ, любезный, положи руку на сердце, вѣдь ты ужасно скучаешь, только сжавъ зубы не хочешь признаться. Нѣтъ! Со мной этого не будетъ я люблю городъ, въ немъ я живу, какъ рыба въ водѣ. Преподобный мученикъ Суминъ, ты мнѣ уже надоѣлъ своею моралью, своими физиологическими картинами и ребяческой наивностью. Ты цвѣтешь осенью, любезный! Пиши ко мнѣ о чемъ-нибудь другомъ. Ты самъ, твой Граба, конюшій, панъ Петръ просто сумасшедшіе, пани Лацкая какая-то замерзшая героиня; вся вереница твоихъ подлѣсчанъ просто костью въ горлаѣ стоитъ у меня.

Разскажи какую-нибудь другую новость. Кончай скорѣй со своей Ириной, съ которой вы вмѣстѣ напоминаете баснословную исторію Колеандра съ Ленильдой: смотрите другъ на друга и не можете сказать того, что вы прекрасно знаете. Въ девятнадцатомъ-ли это столѣтіи?! Сколько мнѣ помнится, — ты ее страстно любишь, зачѣмъ-же медлить? Развѣ хочешь, чтобы она досталась другому? Это непременно наступитъ, если ты будешь откладывать. Женись, пріѣзжай въ Варшаву и брось твое несносное Подлѣсье. Этотъ совѣтъ даетъ тебѣ искреннѣйшій другъ

Эдмундъ

Р. S. Я писалъ въ дурномъ расположеніи духа, проигравшись и былъ не совсѣмъ здоровъ: обѣдъ у Магу повредилъ мнѣ. Извини, мнѣ лѣнь переписывать письмо, пиши о чемъ хочешь, только пиши — твои письма нужны мнѣ, я привыкъ къ нимъ; послѣ обѣда я сажусь въ кресло и, читая ихъ, засыпаю. Они не вредятъ моему пищеваренію. Пиши о чемъ-нибудь и женись, если можешь. — Dixi.

XXI.

Юрій къ Эдмунду.

Вчера я былъ въ Румяной; засталъ одну m-me Лацкую у камина молчаливую и скучную, какъ всегда. Я спросилъ объ Иринѣ, она отвѣтила, что Ирина нездорова.

— Нездорова, лежитъ въ кровати?

— Нѣтъ, она не лежитъ, но у нея болитъ голова и нервное расстройство (причемъ она пожала плечами), впрочемъ, я не знаю, что съ нею?

— Но нѣтъ никакой опасности?

— О, нѣтъ! Ей только не здоровится.

Вдругъ растворилась дверь и вошла Ирина. Она, дѣйствительно, была разстроена и краснѣе обыкновеннаго; грусть пробивалась на ея прекрасномъ лицѣ.

— Вы больны?—спросилъ я.—Я не хочу васъ беспокоить: здравствуйте и прощайте.

— О, нѣтъ, я васъ прошу остаться, m-r Georges. Я только чувствую слабость и усталость.

Мы сѣли; m-me Лацкая взяла книжку, которую она прежде читала, прошла по комнатѣ, незамѣтно улыбаясь и ушла. Сначала разговоръ былъ общій: меня спросили о Грабѣ, о конюшемъ, даже о капитанѣ; опершись на спинку кресла, Ирина имѣла изнуренный и страдальческій видъ. Я вторично хотѣлъ проститься, но она опять удержала меня.

— Вы мнѣ нужны,—сказала она;—развѣ вы этого не видите?

— Какъ опахало отъ мухъ, опахало отъ скуки?

— Кто-жъ скучаетъ?—спросила она.—Вы можете думать, что хотите. Вотъ уже годъ, какъ мы знакомы, а вы, какъ вижу, вовсе еще не знаете и не понимаете меня.

Я молчалъ.

— Видите,—сказала она, наклонясь, чтобы поднять книгу,—вы мнѣ нужныѣе, нежели сами предполагаете. Эта книга—это письма Якова Ортизъ,—я васъ прошу читать мнѣ ее.

— Такую грустную книгу!

— Какъ я, будетъ встать.

— Вы грустны?

— Какой вопросъ! Никто не хочетъ понять меня; бываютъ иногда минуты,, что я сама себѣ не довѣряю. Ну, читайте, пожалуйста.

Я началъ. Не знаю, читаль-ли ты письма Якова Ортизъ. Ирина остановилась на письмѣ 29-го апрѣля, и я долженъ былъ начать со словъ, которыя странно изображали мое настоящее положеніе.

«Vicino a lei sono sì pieno della esistenza...» «Я близокъ къ ней—столь полной жизни.»

Я прочелъ до мѣста, въ которомъ Ортизъ изображаетъ себя и ее: «La pazza figura ch'io so quand'ella siede lavorando, ed io leggo!»

Ирина именно тогда взяла работу, мы посмотрѣли другъ на друга; она грустно улыбнулась, я продолжалъ читать.

Я переведу тебѣ то, что мы читали, ты знаешь итальянскій языкъ по однимъ либретто.

„Какой у меня забавный видъ, когда она сидитъ и работаетъ, а я читаю; прерываю свое чтеніе на каждомъ словѣ, а она говоритъ—„читайте далѣе“; я возвращаюсь къ чтенію, но, не окончивъ двухъ страницъ, читаю все озорѣе и кончаю однимъ невнятнымъ бормотаньемъ—Тереза сердится.»

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, читаете такъ скоро и невнятно, какъ Ортизъ,—перебила Ирина, хотя передъ вами сидитъ не Тереза.

— Прикажете читать тише?—спросилъ я.

— Да тише. Ахъ, какой вы скучный со своей покорностью,—читайте какъ хотите.

Я продолжалъ читать; но далѣе слѣдовали картины, полныя чувствъ, которыя при ней сильно воспаляли меня. Опасно читать любимой женщинѣ книгу, въ которой изображается душевная борьба, и ты не смѣешь сказать ей объ этомъ: губы, глаза, голосъ поминутно обличаютъ твое внутреннее состояніе. Мы прочли исторію Лоретты и остановились на 14-мъ маѣ. Я прежде еще читаль письма Якова Ортизъ и потому не хотѣлъ продолжать дальше.

— Вы первый разъ читаете эту книгу?—спросилъ я.

— Первый.

Я хотѣлъ какъ-нибудь увернуться отъ письма 14-го мая, но не было возможности; нечего дѣлать—нужно было продолжать. Слова любви на сладкозвучномъ, пріятномъ и пѣвучемъ языкѣ, полныя нѣжнаго чувства, сильно подѣйствовали на мое сердце, я съ трудомъ удерживалъ собственные мысли, которые чуть не сорвались у меня съ языка, и читалъ:

„Si Lorenzo odilo—la mia bocca e umida ancora di un bacio ei Teresa...“ „Если-бы Лоренцо могъ это слышать, что мои уста еще влажны отъ поцѣлуя Терезы.“ Ирина склонила голову къ работѣ; я перескочилъ къ другому письму того-же числа. „O quante volte ho ripigliata la penna, e non ho potuto continuare...“ („О сколько разъ я бралъ перо и не могъ продолжать...“)

— Я тоже не могу продолжать,—закрывая книгу, воскликнулъ я.

— Вы? Что-жъ это значить?

— Я...—чуть, было-не проговорился, что не могу читать при ней хладнокровно, когда буря въ сердцѣ, но удержался.

— Отчего вы не можете читать?—спросила она опять.

— Оттого, что не хочу, это такая скучная вещь. Дайте, я вамъ прочту что-нибудь другое.

— Но мнѣ нравится Ортизъ.

— Я не люблю его, онъ растянутъ и монотоненъ; по крайней мѣрѣ, пропустимъ нѣсколько страницъ.

Она пожала плечами.

— Я вижу,—прибавила она,—что вы неслыханный скромникъ; вѣдь я знаю, что Ортизъ имѣлъ влажные уста отъ поцѣлуя Терезы; будемъ читать описаніе этого момента—это любопытно въ художественномъ отношеніи: передать чувства на бумагѣ, сжать ихъ въ словахъ—дѣло хорошаго художника.

— Ахъ, вы холодны, какъ ледъ,—воскликнулъ я.—Вы смотрите на эту книгу чувствъ съ критической точки зрѣнія; онъ изгнанникъ, и потому онъ вѣрно изображаетъ въ ней свое сердце.

— И вы думаете, что можно писать сердцемъ? — равнодушно спросила она.

— Почему же нельзя?

— Потому что кто чувствуетъ, тотъ не пишетъ; выраженія чувствъ, это — одно лишь воспоминаніе. Кто сѣлъ писать, тотъ уже перестрадалъ и переживалъ.

Я молча перелистывалъ книгу.

— Въ отношеніи искусства, -- прибавилъ я, — Ортизъ не сравнится съ Вертеромъ.

— Вертера писалъ художникъ, который самъ никогда не чувствовалъ (доказательство — жизнь этого Юпитера), но превосходно зналъ анатомію чувствъ, какъ Cuvier, который, не видя мастодонтовъ, отгадывалъ ихъ организацію.

— Можно ли такъ строго судить того, кто создалъ любовницу Фауста?

— Конечно, потому что жизнь писателя, это — камень испытанія.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь; мнѣ кажется, что жизнь поэта раздѣляется на двѣ категоріи: обыденная и праздничная жизнь: часто между ними цѣлый міръ противорѣчій; въ одномъ тѣлѣ заключены два человѣка. Поэтъ не можетъ въ теченіе всей своей жизни обладать даромъ вдохновенія.

— Все-же хотя тусклая искра остается въ немъ навсегда.

— Мы затронули слишкомъ высокій вопросъ.

Послѣ минутнаго молчанія она прибавила: «читайте дальше».

У меня выпала изъ рукъ книга, я смотрѣлъ на нее глазами, какими смотрѣлъ Яковъ на Терезу; но пугливая любовь боялась сойти съ языка, не зная, что ее ждетъ. По глазамъ только можно было прочесть мое желаніе. Я чувствовалъ, что нужно было или уйти, или же все высказать въ одномъ словѣ.

Ирина бросила на меня магическій и испытующій взглядъ, который, казалось, готовъ былъ вырвать тайну изъ моей груди. Въ безпамятствѣ я схватилъ шапку.

— Куда вы? — спросила она.

— Я? Не знаю... (самъ не помню, что отвѣтилъ, бросилъ опять шапку и сѣлъ вдали на стулъ).

— Что съ вами?

Въ отчаяніи, какъ молнія, промелькнула у меня мысль сказать ей все, а потомъ уѣхать навсегда.

— Вы меня спрашиваете?—возразилъ я съ лихорадочнымъ безпокойствомъ.—Годъ уже, какъ я гляжу на васъ, страдаю, молчу—этого довольно, даже слишкомъ много. Пускай осуждаютъ меня, пускай говорятъ, что хотятъ, наконецъ, оттолкните вы меня съ презрѣніемъ,—удивлю-ли я васъ, если сорвется съ моихъ устъ давно давящее менѣ слово—люблю!

Ирина была видимо взволнована; голосъ замеръ на моихъ устахъ, я чувствовалъ, что рѣшается моя участь, но не зналъ, чѣмъ кончить и быстро подошелъ къ Иринѣ. Она, молча, подняла свои краснорѣчивые глаза; долго, долго смотрѣла на меня и наконецъ подала свою дрожащую руку. Это была минута настоящаго блаженства и нѣмого счастья; нѣтъ словъ, чтобы выразить ее, и никто не въ состояніи описать этой торжественной минуты. Ея дрожащая рука въ моей рукѣ—это былъ бракъ передъ Всевидящимъ Окомъ; потому что такая женщина, какъ она, не подастъ напрасно руки мужчинѣ, не связавъ ее навсегда съ судьбой любимаго человѣка.

Мы долго еще сидѣли—она на диванѣ, я возлѣ нея на стулѣ, въ торжественномъ и упонительномъ молчаніи. Наконецъ, она встала и слабымъ голосомъ проговорила.

— Можно-ли тебѣ вѣрить? Неужели ты, ради минутнаго, легкомысленнаго счастья, сдѣлаешь своею игрушкой всю жизнь женщины?

Я не нашелся, что отвѣтить, клятвы оскорбили бы ее и меня; по глазамъ моимъ и по нѣсколькимъ несвязнымъ словамъ она видѣла, что я не лгалъ. Я уѣхалъ въ упоеніи, какъ безумный; еще теперь пишу въ горячкѣ, вѣроятно уже послѣднее письмо—счастливые не пишутъ Прощай. *Юрій.*

XXII.

Ирина къ мизсъ Ф. Вильби.

Румяная, 11 ноября 18..

Впередъ прошу тебя, милая Фанни, не удивляться растянутости моего письма; я хочу тебѣ открыть все то, что ка-

сается меня, чтобы, прочитавъ мою исторію, ты вознесла съ съ молитвою глаза къ Всевышнему. Я вѣрю въ могущество благословенія и въ силу желаній истиннаго друга. Въ послѣднемъ письмѣ *) я извѣщала тебя, сколько мнѣ помнится, что отношенія наши не переѣнились. Мой опекунъ, хотя не препятствуетъ съ прежнею злобой Юрію искать искать моей руки (чему, впрочемъ, нѣтъ явныхъ доказательствъ, но онъ предугадываетъ это инстинктомъ своей привязанности ко мнѣ), тѣмъ не менѣе пользуется еще всякимъ случаемъ, чтобы представить мое будущее въ мрачныхъ краскахъ. При концѣ онъ обратилъ на него все вниманіе и даже переѣнилъ прежнее, невыгодное о немъ мнѣніе, сдѣлался къ нему добрѣе и теперь только молчитъ.

Однажды, когда разговоръ зашелъ объ Юріѣ, конюшій отозвался:

— Конечно, и теперь скажу: онъ вѣтрогонъ и больше ничего; но имѣетъ хорошіе задатки, характеръ, въ немъ течетъ благородная кровь. Его вполне винить нельзя—сирота, пущенный на волю, онъ шелъ, куда глаза глядѣли.

— Слава Богу, вы сами стали оправдывать его,

— Нѣтъ, милостивая государыня, вы ошибаетесь, я нисколько не оправдываю его. Онъ шалопутъ, вертопрахъ, но что дѣлать: нужно принять его, каковъ онъ ни есть.

— Вы говорите, что его нужно принять?—спросила я съ улыбкой.

Старикъ испугался.

— Напротивъ, не нужно его брать! Зачѣмъ его брать, пускай черти берутъ его!—Онъ посмотрѣлъ на меня, я улыбнулась.

— А что,—сказалъ онъ,—пока я развѣзжалъ по дѣламъ, не сдѣлалъ-ли онъ тебѣ въ-тихомолку предложенія?

— Нѣтъ не онъ, но я, можетъ быть, сдѣлаю ему предложеніе, потому что другого исхода не вижу.

— Такъ вотъ до чего дошло!—Старикъ ломалъ руки.

— Онъ любитъ меня.

— Ба! Нѣтъ ничего удивительнаго!

---

*) Мы не имѣемъ копій этого письма.

— И я его люблю.

Онъ схватился за голову, забѣгалъ по комнатѣ и воскликнулъ:

— Не пугай меня! Правду-ли ты говоришь?

— Я люблю его,—повторила я опять.

— Теперь только остается,—сказалъ онъ съ горькой про-
нѣй,—поѣхать въ Западиска и сдѣлать ему предложеніе, а
потомъ заѣхать за нимъ въ каретѣ и взять его съ Румяную.
Прекрасно! Прекрасно!

— Ну, а если дошло до этого?

— Это безуміе!

— Называйте какъ хотите.

— Подожди, по крайней мѣрѣ, пускай онъ сдѣлаетъ тебѣ
предложеніе.

— Но онъ такой застѣнчивый, я никогда отъ него не
дождусь этого.

— Онъ застѣнчивый? Маленькій ребенокъ, бѣдняжка!

— По крайней мѣрѣ, онъ никогда ни слова не говорилъ
мнѣ объ этомъ.

— Разсчитъ! Зыганская штука!

— Можно-ли такъ осуждать человѣка?

— Я не осуждаю его, но боюсь.

— Богъ поможетъ.

— Эхъ знаешь-ли ты пословицу: береженаго—Богъ бере-
жетъ. Я твой опекунъ и не хочу имъ быть на одной только
бумагѣ. Помилуй, не дѣлай скандала—ожидай.

— Хорошо я буду ждать.

Онъ поцѣловалъ мою руку.

— Но если уже на то пошло, вы не будете, папаша,
сопротивляться?

Старикъ подумалъ.

— Развѣ ты не дѣлаешь со мной все, что захочешь? Эхъ!
не будь я такъ слабъ, имѣй я болѣе силы воли, я никогда
не согласился бы на этотъ бракъ.

Послѣ этого разговора онъ уѣхалъ и, какъ самъ сознался
мнѣ теперь, поѣхалъ прямо въ Западиска. Онъ увѣрялъ
Юрія, что во мнѣ нѣтъ никакихъ чувствъ, что я безжало-
стно отказала нѣсколькимъ искателямъ моей руки, что я живу

однимъ разумомъ, но не чувствомъ; онъ надѣялся отклонить Юрія отъ предложенія. Усилія его были напрасны, потому что Юрій никогда не былъ слишкомъ смѣлъ со мною. Наконецъ, настала рѣшительная для меня минута. Я была не совсѣмъ здорова, пріѣхалъ Юрій. Лацкая, по обыкновенію, ушла, чтобы не быть свидѣтельницей нашего разговора, который чрезвычайно раздражалъ ее. Я просила его читать мнѣ книгу; на столѣ какъ будто нарочно лежали сочиненія Якова Ортиза. Ты, вѣрно, знаешь письма Ортиза? Фосколо издалъ ихъ въ первый разъ въ Лондонѣ.

Когда мы дошли до страстной сцены между Терезой и Яковомъ, онъ не рѣшался читать далѣе. Я напрасно настаивала, онъ не хотѣлъ продолжать; онъ не могъ скрыть своего волненія; чувство, раздраженное чтеніемъ, рвалось наружу. Можетъ быть, и я, потерявши терпѣніе, довела его до неизбежнаго признанія, котораго онъ боялся. Наконецъ, онъ открылся— у меня не хватило ни словъ, ни силы; молча я подала ему руку, мы разговаривали только глазами. Онъ любитъ меня; я почувствовала-бы, если-бы онъ лгалъ: притворство обнаружилось бы въ словахъ, въ движеніяхъ, но нѣтъ, онъ любитъ меня! А я, зачѣмъ писать? Я люблю его также горячо, и *всегда* буду любить. Пишу эти слова, и у меня потемнѣло въ глазахъ: человѣкъ часто въ жизни произноситъ это слово—*всегда*, но оно бываетъ такъ непродолжительно. Грустно, печально, страшно даже на порогѣ самаго счастья!

На другой день мы увидѣлись только вечеромъ; онъ пріѣхалъ съ конюшимъ. Старикъ цѣлый день провелъ въ Западнскихъ, но о вчерашнемъ разговорѣ ничего не зналъ. Я встрѣтила ихъ съ радостнымъ и сіяющимъ лицомъ: конюшій, посмотрѣвъ на меня, вѣроятно догадался, потому что все это время онъ упрекалъ меня, что я грущу. Дѣйствительно, я просіяла отъ радости и помолодѣла,—такая быстрая переменѣна не могла быть безъ причины. Конюшій, замѣтивъ это, сказалъ мнѣ мимоходомъ:

— А можетъ быть, уже сдѣлано предложеніе?

— Отгадайте?—спросила, я шутя.

— Ты готова сама броситься на шею!—сказалъ онъ, нахмурившись.

— Я? Нѣтъ!

— Такъ онъ дерзкій! Этого я не ожидалъ!..

Чуть замѣтная грусть и ревность выразились на его лицѣ

— Итакъ, онъ отнимаетъ тебя, — воскликнулъ старикъ, — ты не будешь любить меня. Онъ все еще сердится, — я сдѣлалъ ему столько зла!

— Панъ Юрій, — возразила я, — вы вѣдь любите пана конюшаго и не помпите зла?

Этотъ неожиданный вопросъ озадачилъ Юрія.

— Безъ всякаго сомнѣнія, я уважаю дѣда и не помню зла, которое онъ сдѣлалъ мнѣ.

— О, нѣтъ! Не вѣрю, — отвѣтилъ конюшій, качая головою: — вѣдь я немало насолилъ тебѣ. Теперь нечего вспоминать старое, неправда-ли?

— Какъ теперь? — спросилъ Юрій.

— Неужели ты думаешь, что я ничего не знаю?

У стараго, почтеннаго Немврода навернулись слезы на глазахъ.

— Слушай, хлопецъ, — сказалъ онъ серьезно, — противъ воли Божіей не пойдешь, я напрасно ломалъ бы голову, чтобы разорвать то, что Богъ связалъ: видно, судьба! Но помни, помни, что это не пустая шутка! Богъ даетъ тебѣ ангела, а не женщину: умную, съ характеромъ, красивую, добрую (*excusez du peu*); если ты не постарайся быть достойнымъ ея, ну, такъ, знай... если ты не сдѣлаешь ее счастливой, то, какъ Богъ на небѣ, отомщу, помни это, о, безжалостно отомщу!

Юрій поцѣловалъ его въ плечо; они обнялись; конюшій заплакалъ, потомъ сѣлъ около стола и задумался.

Мнѣ было жаль смотрѣть на него. Мое счастье какъ-будто тяготило его сердце, онъ не довѣрялъ ему. Онъ завидовалъ Юрію; бѣдный старикашка, я ему столько обязана! Вечеромъ къ намъ пріѣхали гости, два Граба, капитанъ, да еще нѣсколь-ко лицъ. Капитанъ ведетъ постоянную войну съ конюшими: недавно онъ отрѣзалъ у него кусокъ лѣсу и присвоилъ себѣ. Какъ родственникъ, онъ первый узналъ, что мы съ Юріемъ поможлены. Первымъ его удовольствіемъ было поздравить конюшаго; послѣ тяжбы они цѣловались, обнимались, кланялись почти до самыхъ ногъ, называя другъ друга «панъ добродзей,» а конюшій отъ злости топалъ ногами, до такой степени ему

вадошли его поздравленія. Капитанъ нарочно изображалъ наше будущее счастье въ самыхъ раздражительныхъ для него словахъ.

Мы съ Юріемъ во всемъ уже условились. Наша свадьба совершится безъ шуму и всякихъ приготовленій. Не будемъ приглашать лишнихъ свидѣтелей, кромѣ конюшаго, Грабовъ и капитана. Потомъ мы поѣдемъ въ Польшу на могилу его родителей, просить ихъ благословенія. Сосѣди въ ожиданіи парадной свадьбы сильно обманутся, но что дѣлать? Я не вижу смысла въ веселыхъ и шумныхъ свадьбахъ: человѣкъ среди суматохи не услышитъ даже бленія собственнаго сердца. Зачѣмъ въ такую торжественную минуту жизни дѣлать изъ себя зрѣлище для равнодушныхъ зрителей? Я не кончаю письма,—Юрій пріѣхалъ; послѣ кончу.

13 ноября 18...

Выслушай еще другую исторію, милая Фанни, которую Юрій разсказалъ мнѣ. Онъ былъ тогда у Грабы, когда конюшій пріѣхалъ въ своей брчкѣ съ таинственнымъ видомъ и съ иронически-злой улыбкой на устахъ. Еще у крыльца онъ спросилъ:

— Ну, дорогой сосѣдъ, гдѣ вашъ сынъ?

— Кажется, поѣхалъ на охоту,—отвѣчалъ Граба.

— Ой-ли?

— Мнѣ кажется.

— Теперь не время охотиться. Можете-ли вы удѣлить мнѣ свободный часикъ?

— Я весь къ вашимъ услугамъ.

— Можете-ли вы поѣхать со мною за нѣсколько миль?

— Съ удовольствіемъ.

Онъ обернулся къ Юрію.

— Ну, и панъ Юрій тоже.

— Я сейчасъ уѣзжаю въ Западлиска.

— Нѣтъ, панъ Юрій тоже съ нами поѣдетъ, отвѣтилъ конюшій.

— Куда это?

— О, какое любопытство, узнаете куда. Ну, а если-бы въ Замалинное, навѣстить нашихъ добрыхъ Суминовъ?

— „Съ большимъ удовольствіемъ!“—отвѣтили оба и поѣхали всѣ трое.

Въ этомъ путешествіи скрывалась тайна. Конюшій теръ руки, съ безпокойствомъ все посматривалъ— скоро-ли они пріѣдутъ. Приближаясь къ двору, онъ высунулся изъ брички и указалъ старому Грабѣ на привязанную къ забору лошадь.

— Не Сарнечка-ли это пана Яна (такъ называется его верховая лошадь)?

— Да, въ самомъ дѣлѣ, —возразилъ Граба, —это Сарнечка Яна.

— Что панъ Янъ дѣластъ здѣсь?—смѣясь, спросилъ конюшій.

— Что? Онъ, какъ и мы, пріѣхалъ навѣстить Суминовъ, —равнодушно отвѣтилъ отецъ.

— Кажется, онъ частенько пріѣзжаетъ сюда.

— Нѣтъ ничего удивительнаго, —они очень добрые люди.

Конюшій полагалъ, что Граба будетъ сильно удивленъ, увидавши своего сына въ бѣдной хижинѣ, но ошибся въ предположеніи и замолчалъ. Мы молча подъѣхали къ крыльцу, Конюшій прошелъ на цыпочкахъ черезъ гостиную, ведя за собою пана Грабу.

Старушка, мать Сумина, дремала надъ чулкомъ; панна Юлія, ея дочь, вышивала въ пальцахъ у окна; Янъ Граба сзади нея читалъ въ слухъ книгу. Неудивительно, что они не услышали, когда мы пріѣхали. Конюшій указалъ рукой отцу на эту парочку, какъ-будто хотѣлъ сказать: а что? Отецъ улыбнулся.

Въ гостиной все уже зашевелилось. Бабушка сорвалась съ подушекъ, воскликнувъ: „О! Іисусе Христе, Пресвятая дѣва! панъ конюшій“. Янъ отскочилъ, покраснѣлъ; барышня не успѣла поклониться—убѣжала. Однако, понемногу все пришло въ порядокъ, и хотя на лицахъ выражалась еще тревога, но спокойный и веселый видъ пана Грабы, самой страшной здѣсь фигуры, вскорѣ успокоилъ суматоху въ домѣ. Конюшій, полагая, что отцу нужно объяснить, какія отношенія связываютъ его сына съ бѣднымъ шляхетскимъ демономъ, постоянно преслѣдовалъ Яна и Юлію. Граба, какъ-будто не замѣчая этого, былъ очень веселъ, —съ хозяиномъ разговаривалъ о хозяйствѣ, съ бабушкой о генеалогіи, съ дѣвцами о цвѣтахъ. Юлія бросала

на него испуганный взглядъ, какъ-будто умоляющій о пощадѣ; сынъ былъ грустенъ, но покоенъ.

Передъ самымъ почти отъѣздомъ, когда всѣ поднялись со своихъ мѣстъ, старый Граба подошелъ къ панн Терезѣ со слѣдующими словами:

— Я пріѣхалъ сюда не столько для того, чтобы навѣстить васъ, сколько по другому болѣе важному дѣлу.

Всѣ поблѣднѣли; конюшій зажалъ ротъ, ожидая, что будетъ.

— Я упросилъ пана конюшаго пріѣхать вмѣстѣ со мною, чтобы торжественно просить руки вашей дочери для моего Яна.

Старушка отъ удивленія не могла промолвить ни одного слова; она не вѣрила своимъ ушамъ и упала въ кресло.

— Я знаю о его привязанности къ паннѣ Юліи, знаю, что вы считаете этотъ бракъ неравнымъ и вѣжливымъ образомъ давали ему замѣтить о напрасномъ посѣщеніи вашего дома; знаю, что Янъ съ терпѣніемъ перенесъ все, любитъ панну Юлію и во всѣхъ отношеніяхъ будетъ съ нею счастливъ, и потому прошу руки вашей дочери для моего сына.

Кто въ состояніи описать удивленіе конюшаго, радость честной семьи и чувство, съ которымъ сынъ бросился отцу на шею, а старушкѣ къ ногамъ. Дѣйствительность показала сномъ этому бѣдному семейству; всѣ плакали отъ радости; Юлія была почти безъ чувствъ. Конюшій послѣ минутнаго остоленія, схватилъ Грабу за руку, сильно пожалъ ее и сказалъ:

— Сто тысячъ чертей! Я никогда не ожидалъ этого. Да вознаграждать тебя Богъ!

Это была чисто драматическая сцена. Юрій былъ свидѣтелемъ ея, и потомъ съ увлеченіемъ рассказывалъ мнѣ ее весь вечеръ.

Ночью они уѣхали. По дорогѣ конюшій спросилъ Грабу:

— Итакъ, вы знали прежде?

— Конечно, во-первыхъ, мой сынъ ни въ чемъ не скрывается предо мною; во-вторыхъ, я зорко наблюдалъ за нимъ. Наконецъ, я старался познакомиться съ бѣдными Суминами и убѣдился, что панна Юлія, хотя бѣдная дѣвушка, но вполне достойна моего Яна, и я давно уже собирался кончить своимъ благословеніемъ начатый романъ моего сына.

— Но что скажетъ ваша супруга?—спросилъ конюшій съ улыбкой.

Граба вздохнулъ и потомъ отвѣтилъ тихо:

— Сынъ просилъ у меня материнскаго благословенія.

Извини меня, милая Фанни, что я, вмѣсто письма, посылаю тебѣ несвязный эпизодъ романа; но онъ во многихъ отношеніяхъ показался мнѣ интересенъ, и потому я дѣлюсь съ тобою своимъ впечатлѣніемъ. Завтра всѣ мы приглашены въ Тужу-Гору. Прощай, я должна готовиться къ отъѣзду, и нарочный ждетъ письма, чтобы отнести на почту.

Твоя Ирина.

XXIII.

Юрій къ Эдмунду.

И счастливыцы пишутъ иногда, дорогой Эдмундъ. Я обѣщалъ тебѣ не писать болѣе, но дурная привычка заставила меня взять перо: я привыкъ извѣщать тебя обо всемъ касающемся меня. И такъ, да будетъ тебѣ извѣстно, что черезъ недѣлю будетъ моя свадьба съ Ириной въ домашней канлицѣ, при нѣсколькихъ только свидѣтеляхъ. Послѣ свадьбы мы вскорѣ уѣдемъ въ Польшу въ мое бывшее имѣніе, выкупленное дѣдомъ, которое... Но выслушай все съ самаго начала.

Я, Ирина, да еще нѣсколько особъ были приглашены въ Тужу-Гору. Я не зналъ цѣли этого приглашенія, но, подъѣзжая къ усадьбѣ, догадался по экипажамъ и по необыкновенному движенію около дома, что здѣсь готовится особенное торжество. Изъ старой кухни клубился дымъ; Мальцовскій былъ во фракѣ; передъ сараемъ я узналъ экипажъ моей певѣсты и живо воѣжалъ въ комнаты. Конюшій, въ парадномъ снѣмѣ платьѣ, въ лакированныхъ съ кисточками сапогахъ, обритый, встрѣтилъ меня съ веселою улыбкой. Зала полна была гостей. Пріѣхали и всѣ Сумины изъ Замалиннаго. Я на первыхъ порахъ не узналъ пана Яна Сумина во фракѣ и въ изысканномъ нарядѣ; онъ не былъ похожъ на самого себя. Пани Тереза важно сидѣла въ креслѣ и объявляла скучной пани Лацкой генеалогію Суминовъ и связи ихъ съ сенаторскими до-

мами. Лацкая смотрѣла на мухъ, летающихъ на потолокъ... Старушка, не обращая на это вниманія, унеслась въ туманный генеалогическій міръ. Дѣти играли съ собаками; взрослые дѣвушки, раскраснѣлись, шептались въ уголку. Одна только Юлія, болѣе смѣлая, сидѣла веселая возлѣ Ирины, которая, посадивъ Володю къ себѣ на колѣни, слушала его бойкій рассказъ о яблонѣ, о качеляхъ и о ихъ садикѣ въ Замалинномъ. Граба говорилъ съ Яномъ Суминомъ о земледѣліи; капитанъ былъ что-то не въ духѣ, пожималъ плечами: ему досадно было, что онъ, какъ гость, не можетъ испортить конюшему хорошаго расположенія духа. Подали обѣдать. Всѣ сѣли за столъ, поставленный въ залѣ, и панъ конюшій вошелъ съ незнакомымъ лицомъ, отъ котораго пахло канцеляріею и чернилами, и просилъ насъ выслушать его духовное завѣщаніе. Ирина бросилась къ дѣду съ просьбой не портить всеобщей веселости счастливаго дня печальнымъ чтеніемъ предсмертнаго акта; но конюшій, слегка оттолкнувъ ее, поцѣловалъ въ лобъ и велѣлъ читать.

Вотъ какъ распорядился имѣніемъ нашъ добрый дѣдушка. Тужегорщина раздѣлена на двѣ части: одна часть достается Ирину, другая—обѣднымъ Суминамъ, которые, не ожидая этого счастья, всѣ пали къ ногамъ добраго старика. Янъ сейчасъ-же поднялся и, подавая мнѣ руку, сказалъ:

— Ты былъ богатъ и нуждаешься болѣе въ богатствѣ, чѣмъ я. Я подѣлюсь съ тобою своею частью.

— Подожди, какая горячка,—закричалъ конюшій,—ему тоже достается; не расточай своего имѣнія, но слушай.

Я молча обнялъ Яна, а дѣдъ, утирая влажные глаза, ушелъ и возвратился только тогда, когда читали о суммѣ, записанной мнѣ на польскомъ имѣніи. Я отказался и не хотѣлъ принять записи; но дѣдъ схватилъ меня за руку, крѣпко сдвинулъ ее и сказалъ тихо:

— Послушай, это ужъ не гоноръ, но неумѣстное упрямство. Я знаю, что ты не нуждаешься въ этой записи, но это моя воля.

Я молчалъ, давъ себѣ слово возвратить этотъ убытокъ обѣдѣвшимъ, чѣмъ я, Суминамъ. Ирина, вѣроятно, тоже откажется отъ своей половины Тужегорщины. Но теперь нечего го-

говорить дѣду объ этомъ. Конюшій поставилъ намъ въ условіе: жить при немъ, и позволилъ только на время поѣхать въ Польшу.

Нужно было видѣть его въ этотъ день, какъ онъ былъ радъ, что совершенно примирился со мною; съ какою веселостью рассказывалъ онъ объ охотѣ, какъ пилъ и угощалъ гостей, какъ поминутно цѣловалъ руки Ирины. Нужно было видѣть радостныя лица счастливыхъ Суминовъ, которые изъ бѣдниковъ сдѣлались достаточными людьми, потому что, по завѣщанію дѣда, они сейчасъ вступаютъ во владѣніе своею половиною!

— Янъ хорошій хозяинъ, я старикъ, пускай теперь беретъ свою часть, а мнѣ позволить только охотиться въ лѣсахъ, и будетъ давать людей на облаву даже во время уборки хлѣба.

— Какъ, давать людей въ жниво? — простодушно спросилъ Янъ.

— Гмъ, а какъ ты думаешь? — спросилъ конюшій? — Ты хозяйничай себѣ, какъ хочешь, но я долженъ имѣть охоту.

Старая нани Тереза толкнула сына, чтобы замолчалъ. Онъ, какъ ревностный хозяинъ, готовъ былъ поспорить съ конюшимъ за облаву, когда нужно убирать хлѣбъ.

Калитанъ выслушалъ до конца чтеніе духовнаго завѣщанія, пожалъ плечами и уѣхалъ домой, ни съ кѣмъ не простившись. Сынъ и отецъ Граба еще остались. Вечеромъ конюшій сѣлъ возлѣ насъ, потрепалъ меня по колѣну и сказалъ:

— Ну, слава Богу, что все кончилось. Помнишь-ли, какъ я хотѣлъ выпроводить тебя изъ Тужей-Горы, но мнѣ никакъ не удавалось; я какъ-будто предчувствовалъ, что ты отнимешь у меня Ирину. Пускай теперь цыганъ меня судить: свистунъ, мотъ, шалопуть — морозъ пробѣгалъ по кожѣ: а ну, если онъ понравится? — думалъ я, — до бѣды не далеко, а потомъ, сто тысячъ чертей будетъ лежать на моей совѣсти, если я допущу до этого. Признайся теперь, любезный Юрій, ты вѣдь сильно ненавидѣлъ меня?

— Нѣтъ, но больно было моему сердцу.

— Ты и теперь сердить на меня?

— Теперь, за что?

— Ну, помни же! — И онъ поцѣловалъ меня, повторяя: я радъ, что все кончилось, но все еще мурашки бѣгаютъ по кожѣ. Дай Богъ, чтобы все было къ добру!

Вечеръ мы провели съ наслажденіемъ, отворили слѣдующія комнаты, гдѣ обыкновенно останавливалась Ирина, когда пріѣзжала въ Тужу-Гору; тамъ стояло фортепіано. Она играла долго за полночь. Семейство Суминовъ расчувствовало меня и отчасти смѣшило своимъ простодушнымъ съ ней обращеніемъ. Но можно-ли не обожать свѣтлой души, которая проявляется во всѣхъ дѣйствіяхъ прекраснаго? Подобныхъ вечеровъ не много въ жизни!

Четверо насъ сѣло въ углу комнаты: я, Ирина, Янъ и Юлія и первый разъ разговаривали такъ безцеремонно въ уединеніи отъ гостей. Я не только люблю ее, но обожаю; она выше женщины—это ангелъ, спустившійся на землю на солнечномъ лучѣ и доставшійся мнѣ. Достоинъ ли я ея? О, нѣтъ! Тысяча людей достойнѣе меня, но никто не полюбилъ бы ея такъ сильно, съ такимъ самоотверженіемъ, какъ я, никто лучше меня не оцѣнилъ бы ее.

Послѣднее письмо я напишу тебѣ послѣ свадьбы.

Твой Юрій.

XXIV.

Здѣсь на Подлѣсьи мы проводимъ съ женою праздники Рождества Христова. Поздравляю тебя, любезный Эдмундъ, съ новымъ годомъ. Не могу писать много, прими только мои искреннія пожеланія. Нѣсколько уже недѣль, какъ она моя; пробуждаясь утромъ, я всякій день думаю: правда-ли это не брежу-ли я? Я не вѣрю своему счастью и не смѣю вѣрить.

Прощай, дорогой Эдмундъ, не пиши болѣе ко мнѣ,—теперь мнѣ некогда отвѣчать тебѣ.

Твой Юрій.

Э П И Л О Г Ъ.

Слѣдую общепринятому обычаю, намъ остается дополнить повѣсть, указывая дальнѣйшую судьбу лицъ, съ которыми мы познакомили читателей. Легче всего кончить эпилогомъ старинныхъ сказокъ: жили долго и счастливо, имѣли много дѣтей; но теперь уже это не принято.

Итакъ, мы скажемъ еще нѣсколько словъ о каждомъ лицѣ.

Сосѣди не перестали называть Грабу чудакомъ; онъ со своей стороны не пересталъ заслуживать это названіе, твердо шелъ къ цѣли и не жертвовалъ своими убѣжденіями, чтобы сыскать популярность, которой многіе посвящаютъ всю жизнь свою. Сынъ пошелъ по слѣдамъ отца; бракъ его съ Юліею Суминой принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ явленіямъ, которыя служатъ сосѣдямъ предметомъ сплетенъ. Жена пана Грабы поѣхала за границу, живетъ во Флоренціи и выдала дочь замужъ за итальянскаго князька съ пустыми карманами. Капитанъ сидитъ въ Куриловкѣ, придумываетъ средства, чтобы насолить конюшему, котораго по-прежнему ненавидитъ. Конюшій нападаетъ на капитана съ такою-же злобой, но не можетъ совладать съ нимъ. Тяжба о Заямы кончилась скандаломъ: дояна перешла во владѣніе прежняго владѣльца, за исключеніемъ тѣхъ козъ, которыхъ капитанъ застрѣлилъ. Теперь готовится другая тяжба: о затопленіи куриловскихъ луговъ черезъ поднятіе тужегорскихъ плотинъ. Кромѣ того, есть еще въ резервѣ вопросъ о наслѣдствѣ, которое принадлежитъ Иряѣ со времени опеки пана конюшаго. Капитанъ найдетъ всегда неисчерпаемые источники, чтобы вывести изъ терпѣнія подлѣскаго

Немврода. Недавно онъ переманилъ къ себѣ его лѣсничаго, который прекрасно сзывалъ волковъ; конюшій выходилъ изъ себя, но что дѣлать? Капитанъ бьетъ себя въ грудь, обнимается, цѣлуетъ конюшаго и послѣ всякой обиды, нанесенной имъ, принимаетъ самое невинное выраженіе, — остается только плюнуть и уйти.

Свадьба Ирины съ Юріемъ совершилась тихо въ Румяной. Въ Тужей-Горѣ они прожили нѣсколько недѣль, потомъ поѣхали въ Польшу. Послѣ возвращенія, конюшій поселился съ ними, иногда только навѣщаетъ свою хату, какъ онъ выражается; въ Румяной — прекрасный лѣсъ, много дичи. Сумины изъ Замалиннаго владѣютъ нѣсколькими хуторами Тужегорщины, по-прежнему преданы своему хозяйству и потому въ безпрестанной тревогѣ. Янъ иногда теряетъ терпѣніе, хочетъ отдать имѣніе въ аренду и возвратиться въ Замалинное; но пани Тереза, урожденная Завиская, своимъ здравымъ разсудкомъ и безчисленными примѣрами умѣетъ урезонить его и отклонить отъ подобнаго намѣренія.

Петръ Дольскій, послѣ продолжительнаго странствованія, возвратился въ свое городище въ Западлисахъ, еще болѣе одичалъ и грустиѣе прежняго; онъ навѣщаетъ изрѣдка Юрія и ходитъ съ нимъ на охоту. Пани Лацкая поѣхала на Украину, а послѣднее время ее видѣли въ Одессѣ. Дольскій познакомился съ конюшимъ и нашелъ въ немъ охотника по сердцу, они сошлись характерами: оба въ лѣсу провели почти всю жизнь и приобрѣли охотничій инстинктъ, который связалъ ихъ сердца.

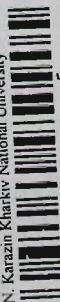
Что еще сказать вамъ? Объ остальномъ догадайтесь, а чтобы повѣсть не показалась вамъ длинною — ставлю точку.

К О Н Е Ц Ъ .

Mer

V.N. Karazin Kharkiv National University

00620409

5